

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1 9 3 3

№ 2

П А Р Т И З Д А Т

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая — Ленинский кооперативный план в действии	3
А. ПАШКОВ — Маркс как критик политической экономии	21
Э. ЛЕЙКИН — Производство прибавочной стоимости и развитие техники	65
В. БУЛАТОВ — Зэмбарт против Маркса	98
А. ЗВОРЫКИН — Качественные показатели в каменноугольной промышленности СССР	129
А. РЕУЭЛЬ — К истории „Капитала“ К. Маркса в России	155
Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я	
М. КРИВИЦКИЙ и А. РУБИНШТЕЙН — „Der Kampf“ и „Die gesellschaft“ о пятидесятилетии со дня смерти Маркса	168

ЛЕНИНСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ ПЛАН В ДЕЙСТВИИ

Январский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) подвел итоги определенному историческому этапу борьбы за социализм, подвел итоги борьбе партии за выполнение пятилетки. Пленум дал марксистско-ленинский анализ соотношения классов на данном этапе социалистического строительства, показал классовые сдвиги и новое в классовой борьбе, разоблачил маневры классового врага и наметил развернутую программу социалистического наступления для построения бесклассового, социалистического общества. Пленум проанализировал классовые и технические сдвиги в народном хозяйстве и показал, как пролетариат разрешает основную трудность переходного периода — противоречие между крупной социалистической промышленностью, уничтожающей капитализм, и мелкотоварным крестьянским хозяйством, стихийно рождающим капитализм.

Основные классовые политические итоги первой пятилетки сформулированы следующим пунктом постановления пленума: «На основе роста социалистической индустрии, развертывания сплошной коллективизации в основных зерновых районах и перехода к политике ликвидации кулачества как класса решен основной вопрос «кто — кого», решен в пользу социализма против капиталистических элементов города и деревни»¹.

Эта краткая формула резюмирует основное, решающее в соотношении классовых сил, резюмирует классовые сдвиги, происшедшие в нашей стране в результате победоносного завершения пятилетки в четыре года. Эта формула подводит итоги грандиозной борьбе за осуществление задач пролетариата в переходный период, задач, сформулированных Лениным еще в его работах в первые годы существования советской власти.

В своей классической работе «Экономика и политика в эпоху пролетариата» Ленин дал исчерпывающий анализ сущности переходной экономики, дал анализ классовых отношений в переходный период: «Классы остались и останутся в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата. Классы остались, но каждый видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не уничтожается при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы»².

Особенностью в соотношении классовых сил в тот период, когда писал Ленин, было то, что пролетариат делал только первые шаги в организации коммунистического строя. Он должен был, с одной стороны, уничтожить сопротивление эксплуататоров, а с другой стороны, вести за собой многомиллионное мелкотоварное крестьянство. Три силы характеризовали, по Ленину, экономику того периода — буржуазия, крестьянство и пролетариат, хотя их значение было и тог-

¹ Из резолюции январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

² Ленин, т. XVI, стр. 35.

да совершенно различно. «Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет собой борьбу первых шагов коммунистического, объединенного в едином масштабе громадного государственного труда с мелкотоварным производством и сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе капитализмом». На основе этого анализа Ленин четко формулировал задачи классовой борьбы пролетариата в переходный период.

Социализм есть уничтожение классов, писал Ленин. Для того чтобы уничтожить классы, мало свергнуть эксплуататоров, — это только часть задачи, причем Ленин подчеркивал, что это не самая трудная часть. Национализация земли, фабрик, заводов, захват власти в руки пролетариата еще не устраняют главной, основной трудности пролетарской диктатуры. Эта основная трудность внутри страны лежит по линии взаимоотношения города и деревни, по линии борьбы за социалистическую переделку мелкотоварного крестьянского хозяйства. Мелкотоварное крестьянское хозяйство является глубочайшей основой, базой капитализма. «Пока существует мелкотоварное производство, корни капитализма сильнее, чем социализма». Этот тезис красной нитью проходит по всем работам Ленина и Сталина, этот тезис вооружает партию на борьбу с капитализмом, этот тезис дает правильную ориентировку партии в деле завершения борьбы за превращение России из неэповской в Россию социалистическую.

Уничтожение классов может быть решено «только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единоличного, обособленного мелкотоварного хозяйства к обобществленному, крупному хозяйству»³.

Эта организационная перестройка всего общественного хозяйства, переход от мелкотоварного хозяйства к крупному, коллективному может быть осуществлен только при наличии крупной социалистической индустрии, способной осуществить свое преобразующее влияние на сельское хозяйство. И поэтому Ленин со всей остротой ставил вопрос о создании крупной промышленности как базы социалистической экономики.

Известны многочисленные ленинские определения содержания фундамента социалистической экономики. Они сводятся к тому, что создать фундамент социалистической экономики — это значит создать крупную промышленность, способную реорганизовать и земледелие.

Ленинский план электрификации и ленинский кооперативный план в своем единстве составляют суть экономической политики пролетарского государства, осуществляющего переход к социализму.

Захватив политическую власть, национализировав землю, фабрики, заводы, ликвидировав капиталистические противоречия, пролетариат получает возможность форсированного развития производительных сил. Преимущества советского строя обеспечивают такое развитие промышленности, которое абсолютно исключено в капиталистическом обществе.

«Крупная промышленность, освобожденная от гнета частной собственности, разовьется в таких размерах, по сравнению с которыми ее нынешнее состояние будет казаться столь же мизерным, каким нам представляется мануфактура по сравнению с крупной промышленностью нашего времени»⁴.

Опыт форсированного развития промышленности в советских

³ Ленин, т. XVI, стр. 352.

⁴ Энгельс, Принципы коммунизма, стр. 38.

условиях блестяще оправдывает гениальное предвидение Энгельса.

В результате пятилетки мы добились решающих успехов в развертывании и реконструкции социалистической промышленности. Мы создали ряд новых отраслей, освоили ряд новых производств—тракторную, автомобильную промышленность, — создали базу советского машиностроения и добились крупнейших успехов в области развития советского станкостроения, создали «действительную и серьезную промышленность по производству современных с.-х. машин» (Сталин), создали химическую, авиационную промышленность, выдвинулись на одно из первых мест в мире по производству электрической энергии, создали собственную базу технической реконструкции всего народного хозяйства.

Этот рост промышленности на новой технической базе создал основу для социалистической реконструкции сельского хозяйства. Ленинский кооперативный план представляет собой широкую программу действия по социалистической переделке мелкотоварного крестьянского хозяйства.

Но кооперативный план Ленина, остался книгой за семью печатями для контрреволюционного троцкизма, правого и «левого» оппортунизма. Отрицая возможность построения социализма в нашей стране, троцкистские кликуши предрешили невозможность ликвидации технической отсталости СССР, отрицали возможность социалистической переделки мелкотоварного крестьянского хозяйства. Выступая поборниками «сверхиндустриализации» в восстановительный период, они и тогда обнаружили свою антимарксистскую сущность, ибо «сверхиндустриализм» троцкистов ничего общего не имел с ленинским учением об индустриализации СССР. Ленин учил, что крупная промышленность, реконструированная на основе последних технических достижений, на основе электрификации, есть база коммунизма. Крупная промышленность обеспечивает экономическую независимость СССР, создает основу социалистической переделки мелкотоварного производителя. Но именно эти положения категорически отвергались троцкистами. Их теории зависимости нашей экономики от мирового рынка соответствовала их практическая борьба против экономической независимости. Их теории отрицания возможности социалистической переделки крестьянства соответствовали их предложения в области политики партии в деревне (политики экспроприации крестьянства), которые привели бы к разрыву союза рабочего класса и крестьянства.

Как типичные мелкобуржуазные политики и вульгарные экономисты троцкисты, ставшие авангардом контрреволюционной буржуазии, к вопросам развертывания промышленности и вопросам хозяйственного строительства подходили не как борцы за построение социализма, обеспечение независимости СССР, переделку крестьянства, а как капитулянты и ликвидаторы социалистического строительства. Троцкизм прошел свой исторический путь и полностью разоблачен как передовой отряд контрреволюционной буржуазии. Сейчас бесспорно, что «сверхиндустриализм» троцкистов в восстановительный период был дымовой завесой, маскировкой для борьбы с партией. И тогда, выступая, с одной стороны, против партии под лозунгом «сверхиндустриализации», они, с другой стороны, разработали теорию потухающей кривой в проекте пятилетки ОСВОК. Совершенно естественно поэтому, что, когда партия взялась за реконструкцию промышленности, когда партия создала базу для сплошной коллективизации, когда партия развернула

автотракторные заводы, заводы сельскохозяйственных машин и т. д., когда партия форсированным темпом начала развертывать промышленное строительство, троцкисты отказались от своей дымовой завесы сверхиндустриализма и окончательно обнаружили свою капитулантскую сущность.

Концепция троцкистов, их теория зависимости нашей экономики от мирового рынка и господства в нашем хозяйстве закономерностей капиталистического порядка, их борьба против экономической независимости СССР, их политика в области вопросов политики партии в деревне, наконец «всеохватывающая» «теория» отрицания возможности построения социализма в одной стране,— все это была попытка ударить по основам пролетарской диктатуры, означало бы теоретическое и политическое разоружение пролетариата.

Другой подход к борьбе против партийной политики социалистической перестройки деревни мы имеем со стороны правых оппортунистов.

В попытках противопоставить Ленина Ленину (путем изобретения двух стратегических планов) у теоретиков правого уклона проявилось не только стремление ограничить проведение кооперативного плана Ленина сферой обращения, но и желание противопоставить, подменить кооперативный план Ленина своим собственным планом якобы социалистического развития мелкого крестьянского хозяйства, а фактически капиталистического его расслоения.

Делая исходным этапом развития сельского хозяйства кооперирование обращения, т. Бухарин писал: «Само крестьянское хозяйство незаметно для себя и все время с выгодой для себя постепенно и медленно передельвается и перерабатывается. Прежде распыленные и раздробленные, ничем хозяйственно между собой не связанные крестьянские дворы все больше и больше будут объединяться между собой на почве закупок, продажи и кредита, смыкаясь на этом деле с хозяйственными органами пролетарского государства. С другой стороны, от общественных закупок и общественных продаж, от общих организаций кредита крестьяне будут постепенно переходить к организации своих кооперативных маслобойных заводов и вообще заводов и фабрик по переработке продуктов земледельческого хозяйства и животноводства.

...Через совместную закупку машин крестьяне будут переходить к их коллективному использованию. Отрасли за отраслью крестьянское хозяйство будет таким образом подобно маслобойным заводам организовываться на новых началах»⁵. Это тот «столбовой путь к социализму в нашей стране», который правый уклон хотел навязать нашей партии для обеспечения «перехода» крестьянства к «социализму».

Основой бухаринской теории является теория затухания классовой борьбы, непонимание того, что переделка мелкотоварного производителя есть форма классовой борьбы, осуществляемой в условиях жестокого сопротивления капиталистических элементов, пытающихся в свою пользу разрешить вопрос «кто — кого», пытающихся повести крестьянство на капиталистический путь развития.

В представлении Бухарина обобществление крестьянского хозяйства должно было идти на основе предприятий по переработке с. х. сырья. Что же касается действительной основы социалистической реконструкции сельского хозяйства — новой технической базы в виде

⁵ Бухарин — „Путь к социализму“, стр. 38.

массового снабжения тракторами и т. д., предполагающей крупное кооперативное (колхозное) хозяйство, — то у него она занимает второстепенное место, ибо правый оппортунизм не считает колхозы столбовой дорогой к социализму. Естественно, что при проведении такого плана перестройки сельского хозяйства не оказалось бы места ни для МТС, ни для сплошной коллективизации. Здесь важно подчеркнуть, что правооппортунистическая концепция «перевосда» крестьянства к «социалистическому» хозяйству, исключая производственное кооперирование, тем самым отрицает не только возможность, но и необходимость тракторизации, а отсюда исключает и возможности открытия такого рычага переделки сельского хозяйства, как МТС.

Следует заметить, что у т. Бухарина исключительную роль получают переработочные промышленные установки, в комбинации которых с крестьянским селским хозяйством он видит «незаметное» для крестьянства превращение их в социалистических производителей. Здесь налицо переоценка значения перерабатывающей с.-х. индустрии (к тому же по необходимости в крайне мелком масштабе) как формы объединения промышленности и сельского хозяйства и ликвидации противоположности между городом и деревней.

Бухаринская теория переделки мелкотоварного крестьянского хозяйства на основе обращения представляет собой грубейшее извращение марксизма, преодолеть которое партии необходимо было для достижения победы над классовым врагом. Непонимание правыми, что этот процесс переделки происходит в условиях ожесточенной классовой борьбы и требует выкорчевывания капитализма, их теория об обобществлении через обращение, — все это имеет своей основой немарксистское понимание переходного периода. Методология правого уклона непосредственно упирается в методологию социал-фашизма. По всем основным вопросам теория правого уклона представляет собой своеобразную отрыжку, разветвление «теории» II Интернационала. Отрицание диктатуры пролетариата социал-фашистами принимает у правых форму «теории» затухания классовой борьбы и смягчения классовых противоречий. Меновая концепция, официальная методология II Интернационала, находит яркое выражение в теории Бухарина, согласно которой основной столбовой дорогой развития крестьянского хозяйства является низшая форма кооперации, т. е. кооперирование сбыта и обращения. Вместо ленинского учения о крупной промышленности как базы социалистической переделки крестьянства Бухарин делает ударение на развитии мелкой переработочной сельской индустрии, которая должна заинтересовать крестьянство и которая «незаметно» для крестьянства свяжет его с городом и якобы обеспечит превращение крестьян в социалистических производителей.

Осуществление политики правых привело бы к срыву социалистического строительства, к теоретическому и политическому разоружению пролетариата, а в конечном счете и к реставрации капитализма.

Успешное завершение восстановительного периода, бурные темпы реконструкции промышленности и классовые сдвиги в деревне поставили на очередь вопрос о переходе к новым формам смычки. Торговая смычка, на основе которой рабочий класс ликвидировал созданный в результате гражданской войны отрыв мелкого производства от социалистической промышленности и укрепил союз рабочего класса и крестьянства, стала явно недостаточной в условиях реконструктивного периода. Торговая смычка не касалась производственных основ крестьянского производства сама по себе не обеспечивала выкорчевывания

корней капитализма в деревне, поэтому необходимо было перейти к производственным формам смычки. Повышение производительности труда может быть осуществлено только на основе коренной социалистической реконструкции, ибо мелкое и мельчайшее, раздробленное товарное крестьянское хозяйство, характеризуемое низким техническим уровнем, невозможностью применить последние технические и научные агрикультурные достижения, не могло обеспечить роста производительности труда, не могло дать такого развития с.-х. производства, какое вызывалось потребностями социалистической реконструкции народного хозяйства.

Тов. Сталин на апрельском пленуме ЦК 1929 г. с предельной ясностью сформулировал сущность и основные формы производственной смычки: «Надо строить сельское хозяйство на базе коллективного труда, надо укрупнять коллективы, надо развивать старые и новые совхозы, надо систематически применять массовые формы контрактации по всем основным отраслям сельского хозяйства, надо развивать систему машинно-тракторных станций, помогающих крестьянству осваивать новую технику и коллективизировать труд»⁶.

Одной из наиболее эффективных форм производственной смычки, обеспечивающей руководящую роль рабочего класса, в деле организационной перестройки сельского хозяйства, явились МТС. Еще на XV съезде партии т. Сталин обратил внимание партии на опыт некоторых объединений совхозов, который заключался в том, что государство предоставляло колхозам новейшую технику в виде тракторов, организовывало основные с.-х. работы, тем самым на опыте масс доказывая преимущества крупного социалистического земледелия, преимущества использования технических достижений в сельском хозяйстве. Этот опыт явился базой для развертывания системы машинно-тракторных станций.

Значение МТС — прежде всего в том, что они являются одной из лучших, проверенных практикой форм руководства социалистической переделкой крестьянства со стороны рабочего класса. МТС представляют собой предприятия последовательно социалистического типа, ибо средства производства принадлежат рабочему классу, организованному в пролетарское государство. Эти предприятия являются основой, технической базой сплошной коллективизации. Они являются лучшей формой внедрения передовой техники в отсталое сельское хозяйство.

Сочетание сплошной коллективизации мелких крестьянских хозяйств и ликвидации кулачества как класса с развертыванием строительства государственных машинно-тракторных станций, являющихся формой государственной помощи колхозам, новой, передовой техникой, представляет в СССР единственный путь перевода мелкого крестьянского хозяйства на рельсы крупного коллективного хозяйства, построенного на базе современной техники.

«В лице машинно-тракторных станций выявлена и проверена на массовом опыте форма организации советским государством крупного коллективного сельского хозяйства, на высокой технической базе, в котором наиболее полно сочетается самодеятельность колхозных

⁶ «Вопросы ленинизма», стр. 502.

масс в строительстве своих коллективных хозяйств с организационной и технической помощью и руководством пролетарского государства. (Постановление ЦК от 23 декабря 1930 г.).

Таким образом МТС не только нельзя в какой бы то ни было форме противопоставлять колхозам и колхозному строительству, но весь их смысл главным образом заключается в работе, обеспечивающей развертывание коллективизации как добровольного перехода основных масс крестьянства от мелкого индивидуального, малопроизводительного к крупному, высокопроизводительному, обобществленному хозяйству.

Мы видим, что такое сочетание в ходе классовой и технической реконструкции сельского хозяйства МТС и сплошной коллективизации а) исключает распыление и нерациональное использование новых средств производства, в первую очередь важнейших из них — трактора, комбайна, инвентаря; б) на основе сплошной коллективизации оказалась возможной такая концентрация тракторного парка и его организация, которые обуславливают наиболее эффективное его использование.

Задача подведения новой технической базы под колхозное хозяйство сводилась не только к снабжению сельского хозяйства необходимыми средствами производства, но предусматривала также и создание организационно-производственных форм их использования.

Поэтому в условиях огромных достижений в области индустриализации народного хозяйства и создания значительных возможностей для технического перевооружения решение этой задачи оказалось возможным только на основе разработанной т. Сталиным сплошной коллективизации и насаждения в сельском хозяйстве машинно-тракторных станций, позволяющих радикально и относительно быстро разрешить задачу ликвидации отставания сельского хозяйства от индустрии на основе его механизации и преодоления раздробленности между более чем двумя десятками миллионов крестьянских хозяйств. В этом сочетании сплошной коллективизации и насаждения МТС как формы внедрения новой машинной техники в сельское хозяйство и пролетарского руководства колхозами нашла свое конкретное выражение реализация кооперативного плана Ленина в его развернутом виде. Поэтому машинно-тракторные станции являются той составной частью кооперативного плана Ленина, которая была найдена в процессе практического осуществления этого плана. Раскрыть все богатство его содержания, найти на практике конкретные формы его осуществления было задачей партии, задачей, блестяще разрешенной на основе сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса и на основе МТС.

Этим не ограничивается роль МТС, — их основной и решающей особенностью является то, что через них всего полнее может быть осуществлено влияние рабочего класса на социалистическую перестройку деревни. МТС охватывают весь процесс с.-х. производства и наиболее полно охватывают все звенья с.-х. процесса, а это дает основу для максимального влияния МТС на весь строй, всю систему колхозного производства. Поэтому МТС являются мощным рычагом рабочего класса в деле борьбы за социалистическое перевоспитание колхозников, в деле борьбы с классовым врагом.

Надо заметить, что рост количества МТС, их плановое размещение

по стране представляют яркий пример реализации в нашей стране указания Энгельса на пути уничтожения противоположности между городом и деревней и на самый характер и условия развертывания этого процесса, заключающегося в плановом размещении производительных сил, в крупном характере социалистического производства, основанном на системе машин.

Такой рост количества МТС, шедший параллельно развертыванию сплошной коллективизации, являлся плановым подведением новой технической базы под создающееся на основе сплошной коллективизации крупное с.-х. производство. Об этом говорят следующие цифры (по СССР):

	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Количество МТС	158	1 228	2 115
В них тракторов	7 102	50 114	72 413
Количество обслуженных колхозов	2 347	51 728	71 800
Процент колхозов, обслуженных МТС	2,7	23,8	34,3
Динамика коллективизации (процент коллективизированных хозяйств)	23,6	52,7	61,5

Роль МТС в деле подведения технической базы под крупное колхозное хозяйство растет исключительно быстрыми темпами, причем данные о стоимости обработки земли по существовавшим средним ценам конной тягой и тракторами ярко обнаруживают преимущество — выгоду тракторной обработки, подтверждая факт победы машины и в сельском хозяйстве.

Возникшие в 1929 г. машинно-тракторные станции наряду с совхозами стали единственной формой организации передаваемых сельскому хозяйству современных основных средств производства как базы крупного с.-х. производства. Каждая МТС, концентрируя в среднем около 40 тракторов, является фактором исключительного значения не только со стороны узко механической, но и как политический рычаг социалистического перевоспитания колхозных масс. Внедрение в крайне отсталые в прошлом с.-х. районы такого количества МТС, организованных по типу крупного фабрично-заводского предприятия, имеет исключительное значение.

Квалифицированные рабочие ремонтных мастерских МТС, трактористы, комбайнеры, к тому же подготовляемые из местного колхозного населения, инженеры, техники — это уже новые силы исключительного значения. Сама машинно-тракторная станция становится центром культурной жизни, часто со своим электричеством, добываемым при помощи трактора, со своим клубом, кино и т. п. Словом, МТС — это кусок городской социалистической культуры, перенесенной на деревенскую почву, является реальной, а не надуманной формой действительного уничтожения противоположности между городом и деревней.

Таким образом МТС не может быть простым прокатным пунктом, хотя и располагающим крайне сложными машинами, безразлично относящимся к политическим особенностям обслуживаемых объектов. Такая нейтральность, как это на практике оказалось на примере некоторых МТС, обычно является прикрытием для кулацкого антипартийного вредительства.

В настоящих условиях ограничение функций МТС задачами прокатного пункта особенно представляет выражение оппортунистического стремления руководителей отдельных МТС уклониться от работы над социалистической переделкой крестьянского хозяйства и доказывает их желание ограничиться узко прокатными функциями, — это представляет форму вредительского использования МТС против социалистического строительства.

Колоссальный рост количества тракторов и прочих с.-х. машин, полученных сельским хозяйством за период 1929—1932 гг., является важнейшей базой укрепления коллективизации. Он наглядно показал самому рядовому колхознику значение индустриализации страны для технического перевооружения сельского хозяйства, повышения производительности с.-х. труда при условии облегчения самого труда колхозника.

Но количественный рост технического вооружения сельского хозяйства, проводившегося через совхозы и МТС, сам по себе еще не предвещал качества работы, исполняемой при помощи машин, эффективности использования этого технического вооружения. Его правильное и производительное использование целиком зависит от того, как люди, в руки которых переданы эти ценности в виде машин, их применяют, так как машины сами по себе являются мертвым капиталом и только живой труд, прилагаемый к машинам, делает их реальной производительной силой. Это в элементарной форме показывает значение «субъективного» фактора в самом широком смысле слова в деле реконструкции сельского хозяйства и обеспечения действительного роста производительных сил, получающих конкретное выражение в реальном росте производительности с.-х. труда колхозника или рабочего совхоза. Но оказалось, что переданные сельскому хозяйству через совхозы и МТС десятки тысяч тракторов и прочих с.-х. инвентарь на сотни миллионов рублей в ряде случаев в МТС и совхозах не использовались достаточно хозяйственно.

Руководство МТС в ряде случаев оказалось не на высоте своих задач — превратить МТС в базу и рычаг социалистической реконструкции сельского хозяйства, обнаружив полное непонимание как технико-экономического значения МТС, так и их классовой политической роли в деревне. Сплошь и рядом руководители МТС ставили работу последних не под углом зрения правильно понятых задач и интересов пролетарского государства, а на основе буржуазно-перерожденчески понятой коммерческой выгоды, при полном безразличии к качеству этого обслуживания.

В этом сказывалась потеря классового чутья, потеря классового пролетарского руководства со стороны ряда руководителей МТС. Излишне доказывать, что это создавало благоприятную обстановку для вредительства в сельском хозяйстве.

Несмотря на то, что партия с самого начала строительства МТС совершенно четко определила роль МТС как и технического и классового, политического фактора социалистической переделки деревни и осудила подход к МТС как к прокатным пунктам, — эта линия партии в ряде случаев игнорировалась, забывалась руководителями МТС, где к тому же не было обеспечено достаточного партийного глаза. На январском (1933 г.) пленуме ЦК т. Каганович отметил, что «МТС... зачастую играет роль своеобразного прокатного пункта. Совхозы и

МТС очень плохо выполняют свою роль борцов за интересы пролетарского государства».

Такая практика некоторых МТС оказалась возможной как потому, что «классово враждебные элементы нередко проникают в самые МТС, ведя внутри работу по усилению антисоветского влияния на колхозников» (январский пленум), так и в силу притупления, а то и отсутствия классовой бдительности, обнаруженной в ряде случаев коммунистами, работающими в деревне, в районах, организациях, в МТС и совхозах. «Часть деревенских коммунистов не только не умеет бороться, но и сама подпала под влияние этих антисоветских элементов»⁷.

В своем выступлении на пленуме ЦК т. Сталин с исчерпывающей ясностью показал, как социалистическая форма колхоза зависит от содержания этих организаций, содержание зависит от того, будет ли обеспечено действительное руководство со стороны партии, и не может быть автоматически обеспечено самой формой данной организации. «Все зависит от того, какое содержание будет влиито в эту форму» (Сталин, О работе в деревне).

Машинно-тракторные станции являются формой организации, концентрирующей новое техническое вооружение для обслуживания колхозов и социалистической переделки сельского хозяйства. Но эту форму, этот главный рычаг социалистического переустройства сельского хозяйства надо крепко держать в верных социалистических руках. В настоящее время это прежде всего предполагает очистку МТС от проникших туда классово враждебных элементов, обеспечение как рациональной технико-экономической работы МТС, так и политического воздействия МТС на колхозы и колхозников.

Январский пленум ЦК со всей резкостью поставил задачу — превращение МТС и совхозов «в настоящие рычаги хозяйственного и политического руководства» колхозами, которые стали бы не только по форме, но и по содержанию социалистическими организациями.

В настоящих условиях задача МТС как орудия рабочего класса в борьбе за социалистическую переделку сельского хозяйства в значительной мере осложняется в связи с новыми формами классовой борьбы. Работа МТС должна быть перестроена в соответствии с новой обстановкой, новыми формами классовой борьбы. Со стороны своего политического влияния МТС зачастую не оправдывали тех задач, которые перед ними ставила партия. И поэтому пленум ЦК подчеркнул, что, «несмотря на крупнейшую организационно-хозяйственную роль и влияние МТС в деле технического перевооружения и социалистического переустройства сельского хозяйства, их политическое влияние на широкие массы колхозников пока еще совершенно недостаточно. МТС зачастую не имеют политического лица. Внутри МТС сплошь и рядом процветают преступно небрежные отношения к заданиям партии и правительства, преступное отношение к государственному имуществу, воровство и расхищение колхозного имущества и государственной собственности. Классово враждебные элементы нередко проникают и в самые МТС, ведя изнутри работу по усилению антисоветского влияния на колхозников».

Именно потому, что подорваны корни капитализма, тем более ожесточенным становится сопротивление кулачества, его противодействие

⁷ Резолюция январского пленума ЦК ВКП (б).

всем мероприятиям советской власти. Но в новых условиях неизбежно меняется и не может измениться тактика классового врага. Он сейчас не может выступать непосредственно открыто против социалистических форм земледелия, он вредит «тихой сапой», исподволь. В 1921 г., после того как выяснилась невозможность свергнуть советскую власть интервенцией, методом открытых восстаний, буржуазия сделала попытку перейти к иной тактике, такие взрывы советской власти изнутри, к тактике обходного манёвра. Эту тактику сформулировал белогвардеец-эмигрант Милюков в своем известном лозунге «советы без коммунистов». Буржуазия от тактики прямого нападения перешла к тактике, рассчитанной на перерождение советской власти, — отсюда сменовеховство и т. д. Нечто подобное имеет место и сейчас в среде заграничной эмиграции. В этом отношении характерна грызня, происходящая в Париже между Керенским и Бунаковым. В то время когда Керенский в своих многочисленных докладах, посвященных оценке положения вещей в России, делает ставку на интервенцию, на открытый поход против большевиков и тем самым показывает, что он ничему не научился и ничего не понял, — более умный и поэтому более опасный враг Бунаков рекомендует изменить тактику. Советская власть крепка, говорит он. Ударом с фронта ничего не сделаешь, нужно принять обходный маневр, нужно замаскироваться, «разложить актив советской власти». В выступлении этого врага дан новый лозунг для всех враждебных советской власти элементов. И фактически эта тактика широко усвоена и применяется кулачеством и их агентами на фронте сельского хозяйства. Величайшая заслуга т. Сталина заключается в том, что он в своей речи на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) о работе в деревне разоблачил маневр классового врага и дал правильную ориентировку партии в деле ликвидации сопротивления капиталистических элементов.

Силы сопротивления кулачества в значительной мере основываются на том, что и в среде колхозников сильны мелкособственнические пережитки, сильны традиции капитализма, кулак разжигает мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, кулак играет на противопоставлении интересов отдельных колхозов и колхозников интересам государственным в целом.

Колхозное движение выделило десятки и сотни тысяч прекрасных организаторов, энтузиастов-колхозников, крестьянство воочию видит преимущество колхозного производства, на основе колхозного производства бывшая беднота в колхозах поднята до уровня середняка. Однако это отнюдь не означает превращения крестьян в социалистов. Глубоко неверная и немарксистская была бы идеализация колхозника, забвение того, что крестьянин пришел в колхоз, не освободившись от всех своих мелкобуржуазных традиций, мелкобуржуазных навыков, забвение того, что в колхозе только начинается, но не завершается процесс социалистической переделки середняка.

Тов. Сталин характеризовал колхозное крестьянство таким образом: «Что такое колхозное крестьянство? Колхозное крестьянство есть союзник рабочего класса. Громадное большинство этого крестьянства является опорой советской власти в деревне. Но это еще не значит, что среди колхозников и колхозов не может быть отдельных отрядов, идущих против советской власти, поддерживающих вредителей, поддерживающих саботаж хлебозаготовок. Было бы глупо, если бы коммунисты, исходя из того, что колхозы являются социалистической формой хозяйства, не от-

ветили на удар этих отдельных колхозников и колхозов сокрушительным ударом».

Поэтому идеализация колхозника представляет собой отрывку эсеровских взглядов, но ничего общего с марксизмом-коммунизмом не имеет. Было бы глубоко немарксистски думать, что победа социалистического сектора, разгром капитализма исключают возможность обострения классовой борьбы. Только герои самотека, герои плавного развития могут представлять дело так, что если подорван в корне капитализм, то тем самым снимается классовая борьба. Такого рода теория ничего общего с ленинизмом не имеет. Эта «теория» означает фактически разоружение пролетариата.

Еще Маркс и Энгельс в свое время предвидели возможность противопоставления интересов отдельных кооперативных предприятий интересам всего общества. Практика хлебозаготовок свидетельствует о наличии антигосударственных, буржуазных тенденций в ряде колхозов. Возможность такого рода явления вытекает из того, что в колхозе еще не изжиты частнособственнические тенденции, не завершен процесс переделки середняка, что в колхозе часть средств производства еще находится в частной собственности у колхозников.

В своем докладе на январском пленуме т. Каганович дал анализ основных форм классовой борьбы в деревне: «Каковы основные проявления классовой борьбы в деревне? Прежде всего — это организаторская роль кулака в саботаже хлебозаготовок и сева, это главное и основное».

Во-вторых, организация хозяйственного вредительства в колхозах и совхозах, начиная от сева и кончая хлебозаготовками, и начиная, скажу, с колхоза и кончая некоторыми центральными земельными органами.

В-третьих, организация подрыва труддисциплины в колхозах и совхозах.

В-четвертых, одно из орудий борьбы кулака, использующего мелкобуржуазные навыки мелкого собственника — вчерашнего единоличника, — это организация расхищения колхозной и совхозной общественной социалистической собственности» (стр. 66—67).

Борьба за трудовую дисциплину является важнейшей формой борьбы за социалистическую переделку середняка, является одним из мощных факторов укрепления социалистического земледелия, борьба за трудовую дисциплину — это есть одно из ярких проявлений классовой борьбы на современном этапе.

В 1918 г. Ленин писал: «Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций, привычек капитализма и продолжают смотреть на советское государство попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, — содрать с «него» денег побольше?»⁸.

Это положение полностью сохраняет свое значение и сейчас оно может быть целиком применимо и по отношению к колхозам. Классовая борьба в наших условиях заключается в охране интересов и пролетарского государства и колхозов в целом от тех групп колхозников, которые являются «хранителями традиций капитализма», которые, поддаваясь на удочку кулака, руководствуются кулацким лозунгом «поменьше работать, побольше с «него» (колхоза или государства) содрать».

⁸ Ленин—Собр. Соч., изд. I. Том XV, стр. 388.

Вот почему борьба за организационно-хозяйственное укрепление колхозов есть борьба с капитализмом, борьба за преодоление сопротивления кулачества, борьба за то, чтобы сделать все колхозы большевистскими. МТС, являясь важнейшими опорными пунктами сплошной коллективизации, МТС, подводящие под колхозы базу самой передовой земледельческой техники, должны стать орудием борьбы с мелкобуржуазными традициями, с мелкобуржуазной расхлябанностью, борьбы с кулацким влиянием на отдельные прослойки колхозников. Тем самым МТС сыграет решающую роль в деле борьбы за повышение производительности труда в сельском хозяйстве.

Ленин говорил, что подъем производительности социалистического труда требует следующих факторов: прежде всего обеспечения материальной основы; эта материальная основа дана сельскому хозяйству в виде МТС. Другим условием повышения производительности труда, говорил Ленин, является «образовательный и культурный подъем массы населения... и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорости и интенсивности труда, лучший его организации»⁹.

Но борьба за дисциплину, за умение работать — это не есть некая техническая задача, это задача — классовая, ибо совершенно естественно, что враждебные классы прилагают все усилия к тому, чтобы сорвать организацию труда, сорвать дисциплину, внести беспорядок в производство. И в этих условиях борьба за дисциплину есть одна из форм классовой борьбы как против отъявленных классовых врагов, пробравшихся в колхозы, так и против мелкобуржуазной расхлябанности, недисциплинированности.

Именно поэтому Ленин еще в 1918 г. говорил, что после того как власть перешла в руки рабочего класса и укреплена им главным и очередным лозунгом момента является лозунг, который в свое время осмеивался революционерами, ибо этими лозунгами буржуазия отвлекала внимание трудящихся. Таковы лозунги: «хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде».

Социалистическое соревнование охватывает подавляющую часть рабочего класса. Это не исключает конечно того, что и в среде рабочего класса сильно влияние мелкобуржуазной стихии, влияние чуждых классовых настроений, а иногда и в среду пролетариата проникают перекрасившиеся классовые враги.

В советских условиях борьба за указанные лозунги есть борьба за социалистическую организацию труда. Именно поэтому сейчас эти лозунги приобретают такое большое значение в области организации колхозного производства. После того как большинство крестьянства организовано в колхозы, после того как кулачество в основном ликвидировано как класс, хотя еще далеко не добито, после того как государство получило возможность дать крестьянину чрезвычайно большое количество технических средств производства, решающим и основным является лозунг «честно работать». Именно поэтому т. Сталин со всей четкостью поставил эту задачу перед колхозниками, именно поэтому этот лозунг является наиболее популярным среди всей массы добросовестных, честных колхозников, преданных советской власти, и все усилия классовых врагов направлены к тому, чтобы внести дезорганизацию в производство.

⁹ Том. XV, стр. 193.

На январском пленуме т. Сталин поставил вопрос о рентабельности колхоза. Рентабельность колхоза прежде всего может быть достигнута повышением производительности труда. Условия повышения производительности труда мы выше уже выяснили. Кроме этих двух условий — материально-технической базы и субъективного фактора — чрезвычайно большое значение в области повышения производительности труда имеет организация учета и контроля. «Без этого, — писал Ленин, — не может быть и речи о втором, столь же существенном, материальном условии введения социализма, именно о повышении в общенациональном масштабе производительности труда»¹⁰.

Борьба за учет и контроль в колхозах является одним из наиболее острых проявлений классовой борьбы на современном этапе. Кулацкое влияние в колхозах проявляется в стремлении скрыть хлеб от государства, в стремлении противопоставить интересы колхозов интересам государства в целом. Кулацкое влияние проявляется в попытках запутать отчетность, нарушить систему оплаты по трудодням. В этих условиях борьба за учет и контроль является актуальной политической борьбой, на которой воспитываются кадры преданных партии колхозников, на которой растет колхозный актив, способный обеспечить превращение колхозов в действительно большевистские колхозы.

Диктатура пролетариата предполагает неустанную активную борьбу с классовым врагом за социалистическую переделку народного хозяйства, и благодущие в этом отношении есть сдача позиций классовому врагу.

Машинно-тракторные станции являются технико-экономической основой новой социалистической системы с.-х. производства. В них концентрируются те «механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, которые представляют более характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства» (Маркс).

Величайшее значение имеет новая форма обмена деятельностью между колхозом и МТС — оплата колхозом натурой — определенной частью урожая — услуг, оказываемых колхозу пролетарским государством в лице МТС.

Решениями январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) начат новый этап в развитии МТС и совхозов в сторону усиления их роли как опорных пунктов политического и хозяйственного влияния на колхозы в целях организационно-хозяйственного и политического воспитания колхозников путем обеспечения в них соответствующих субъективных предпосылок в виде выдержанных партийных кадров.

«В целях политического укрепления МТС и совхозов и повышения политической роли и влияния МТС и совхозов на селе и решительного улучшения политической и хозяйственной работы наших ячеек в колхозах и совхозах ЦК ВКП(б) решил организовать во всех машинно-тракторных станциях и совхозах политотделы во главе с заместителями директоров МТС и совхозов по политической части, являющимися вместе с тем начальниками политотделов МТС и совхозов» (из резолюции январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)).

Разоблачена и похоронена теория самопеределки, саморазвития мелкого товарного производителя в социалистического производителя (Крицман) как ничего общего с марксизмом не имеющая. Но в практике работы в деревне в ряде организаций обнаружилась своеобразная идеализация колхозника, недооценка необходимости дальней-

¹⁰ Том XV, стр. 184

щей политико-воспитательной работы пролетариата для перевоспитания колхозника, преодоления мелкособственнической психологии этого вчерашнего мелкого производителя.

Некоторым кажется эта задача полностью решенной переходом бывшего мелкого крестьянского производителя в колхоз, что конечно совершенно неверно, так как после вступления мелкого производителя в колхоз задача его социалистического перевоспитания только начинается.

Тов. Сталин в своей речи на январском пленуме ЦК и ЦКК по вопросу «О работе в деревне» ярко показал корень недостатков в нашей деревенской работе со времени перехода бедняцко-середняцких масс на социалистический путь. Это недооценка возросшей ответственности коммунистов, органов советской власти за результаты производственной работы колхозов и предоставление этого дела самотеку. «На самом деле, переход к коллективному хозяйству как преобладающей форме хозяйства не уменьшает, а увеличивает руководящую роль коммунистов в деле подъема сельского хозяйства. Самотек теперь, больше чем когда-либо, опасен для дела развития сельского хозяйства. Самотек теперь может погубить все дело». Она (партия — А. С.) должна теперь взять в свои руки руководство колхозами, принять на себя ответственность за работу и помочь колхозникам вести свое хозяйство вперед на основе науки и техники» (С т а л и н).

Все это требует от пролетарского государства руководящей помощи в организации и управлении колхозным производством, в усилении роли пролетарской диктатуры в лице органов советской власти и партии в деле укрепления колхозного строя в деревне.

Необходимость усиления деревни новыми кадрами, стоящими на уровне новых задач, способными справиться с колоссально увеличившимся объемом работы, обусловлена господствующим положением обобществленного с.-х. производства и связанной с этим ответственностью уже за всю полноту оперативной работы во всей ее много-сложности.

«Пока в деревне преобладал единоличный хозяин, партия могла ограничить свое вмешательство в дело развития сельского хозяйства отдельными актами помощи, совета или предупреждения... С переходом на коллективное хозяйство дело существенно изменилось... Теперь крестьяне требуют заботы о хозяйстве и разумного ведения дела не от самих себя, а от руководства колхоза, или, вернее, не столько от самих себя, сколько от руководства колхоза. А что это значит? Это значит, что партия уже не может теперь ограничиться отдельными актами вмешательства в процессе сельскохозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами, принять на себя ответственность за работу и помочь колхозникам вести свое хозяйство вперед на основе данных науки и техники» (С т а л и н, О работе в деревне).

Машино-тракторные станции и совхозы, став рычагами производственно-технической помощи колхозам без добавочных проверенных партийных сил, не всегда оказывались на высоте задачи—стать рычагом политического партийного влияния на колхозника, обеспечить перевоспитание этого вчерашнего единоличника и его переделки в работника, избавившегося от остатков мелкобуржуазной психологии.

Став крупнейшими производительными единицами, по своему хозяйственному значению часто выходящими за пределы прежних волостей,

МТС имеют все условия, для того чтобы стать действительными опорными пунктами и политического руководства колхозниками.

Партия после ликвидации округов, укрепив районные центры, теперь вплотную подошла к укреплению самого низового своего звена — парторганизации колхозов, совхозов.

Здесь, больше чем когда бы то ни было, является директивой для сегодняшнего дня указание Ленина о том, что «в качестве руководителей уездов и волостей, создавая там образцовую постановку всей хозяйственной работы в целом, они (работники крупного масштаба — А. С) принесут громадную пользу и сделают общегосударственное дело более важное, чем иная центральная функция... Почему бы теперь не перевести некоторых членов ВЦИК или членов коллегий или других высокопоставленных товарищей на работу даже уездную, даже волостную... И найдутся у нас десятки центральных работников, которые охотно пойдут на это. А дело хозяйственного строительства всей республики выиграет от этого чрезвычайно и образцовые волости или образцовые уезды сыграют не только крупную, но прямо решающую, историческую роль»¹¹.

Непродолжительный, но богатый опыт работы политотделов, недавно только сформированных и начавших свою работу в МТС, блестяще подтверждает, что политотделы как представители пролетарской диктатуры и партийный глаз в деревне уже добились значительного улучшения как работы МТС, так и парторботы в деревне, и путем политико-воспитательной работы среди колхозников, так и путем использования всех средств принуждения, которыми располагают органы пролетарской диктатуры в отношении классового врага и его агентуры, в отношении лодырей, рвачей и т. п. МТС все больше становятся тем, чем они и должны быть — рычагом не только технического обслуживания колхозов, но и всесторонней организационно-хозяйственной помощи и политического пролетарского руководства колхозами и колхозниками.

Ярким свидетельством величайшей роли политотделов МТС являются первые итоги с.-х. кампании 1933 г. Вредители, кулаки, лодыри и лентяи разрушали, портили, выводили из строя машины, засоряли землю плохой обработкой и негодными семенами. Выводя из строя, нерационально используя механические производительные силы, расхищая колхозное имущество, классовый враг пытается дезорганизовать, разложить колхозника, подорвать трудовую дисциплину, свести на-нет результат труда честного колхозника, дискредитировать колхозную форму производства. Там, где было слабо партийное влияние, где руководители потеряли классовое чутье, там вредителям удалось многое сделать в деле разрушения тракторного парка, в деле дезорганизации ремонтных работ.

Поэтому политотделы начали свою работу с очистки МТС и колхозов от классовых врагов, с организации ремонта с.-х. инвентаря и действительного контроля за его качеством, с правильной организации труда.

Засоренность МТС и колхозов классово чуждыми и прямо вредительскими элементами, обнаруженная политотделами в процессе очистки личного состава МТС и МТМ, облегчала и вредительское проведение ремонта тракторов, вернее, их разрушение, подрыв и уничтожение поголовья, особенно рабочего скота.

Классовый враг, использовав притупление классовой бдительности в ряде сельских организаций, не только проник на командные посты в некоторые МТС и колхозы, но и орудовал самым наглым образом прямо-таки на глазах у ничего не видящих «шляп с партбилетами».

Политотделы уже сделали важнейшую часть работы, значительно очистив МТС и МТМ от классово враждебных элементов, чтобы обеспечить реализацию постановления ЦК о превращении МТС в действительные рычаги политического влияния на колхозников.

Задача не только поймать кулацкого агента, вредителя, подкулачника на конкретном факте вредительства, но и показать действительное его лицо рядовому колхознику — это такая политическая задача, которая прямо и непосредственно объединяет производственную работу (исправный тракторный парк, подготовка бригад в работе, организация труда, качество работы) с массовой политико-воспитательной работой среди колхозных масс в самом широком смысле слова.

Первым и важнейшим шагом в перевоспитании колхозника, освобождении его от остатков мелкобуржуазной психологии является неуклонное проведение линии на действительное превращение честно работающего колхозника в действительного хозяина колхоза, который не только знает о тех или иных важнейших планах и мероприятиях управления колхоза, но участвует в их выработке, а затем в реализации. Участие в разработке, утверждении своих производственных планов, финансовых планов, в распределении доходов своего колхоза, в решении вопросов трудовой дисциплины, борьбы за качество и своевременность выполнения намечаемых производственным планом работ покажет колхознику практически, что он хозяин колхоза и что в его руках разрешение задачи.

Политотделы при МТС и совхозах, как показывает практика их работы, в своем преобладающем большинстве правильно поняли задачу завоевания колхозного большинства и перевоспитания колхозника на практике организации колхозного производства и массового вовлечения колхозников в борьбу за выполнение своих обязательств перед государством, за правильное колхозное хозяйство, на борьбу с кулачеством, вредительством, мелкобуржуазной распушенностью, анархичностью, недисциплинированностью — на основе ненависти к кулаку, вредителю, лодырю, вору, расхитителю колхозного добра.

Задача состоит в том, чтобы колхозник стал государственным человеком, чтобы он понимал связь и зависимость улучшения положения его самого и всего колхоза с укреплением пролетарского государства.

Уже за короткий период работы политотделов они стали центром притяжения для колхозного актива — широких масс колхозников. Политотделы стали как правило организующими центрами в деле борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

Встречая чуткое к своим нуждам отношение, видя борьбу политотдела и против командования колхозником и против проникшего в колхоз классового врага и его помощника — лодыря, расхитителя общественной собственности, колхозник признал на деле, а не на словах руководящую роль политотдела.

«Успешное проведение сева в настоящем году достигнуто благодаря разгрому саботажа кулацких элементов во время хлебазаготовок, укреплению колхозов, росту и сплочению в них советского актива, созданию политотделов, мобилизации широких масс колхозников во-

круг лозунги партии «сделать всех колхозников зажиточными», переходу в деле хлебозаготовок от системы контрактации к обязательной поставке хлеба, заранее определившей твердые размеры сдачи хлеба с гектара для каждого колхоза.

Подводя итоги, мы можем теперь сказать, что позиции единоличного хозяйства уже преодолены во всех основных районах СССР и полная победа колхозного строя в деревне обеспечена»¹².

Вот почему текущая весенняя посевная кампания, несмотря на ряд еще непреодоленных трудностей, дает массовые проявления трудового энтузиазма колхозников, борьбы их самих за качество, их сплоченности в борьбе против кулачества. В целом итоги сева несомненно позволяют сказать, что через политотделы партия сумела обеспечить успешное проведение посевной кампании на основе правильной организации использования всех средств производства МТС и колхоза, организации труда колхозников, внедрения трудовой дисциплины, на основе вовлечения в эту борьбу самого колхозника.

Опыт работы политотделов показал что создание их значительно активизировало всю партийную организацию.

Предварительные итоги сева показывают значительно лучшую организацию, значительно более высокие темпы сева, чем в прошлом году. На 20 мая 1933 г. засеяно 63 120 тыс. га против 55 791 тыс га в 1932 г.; по отдельным краям достижения еще более разительные. Татария и Средняя Волга уже выполнили план сева яровых.

Эти цифры являются ярким свидетельством растущей мощи социалистического земледелия; они — конкретное выражение величайшей роли, которую сыграли политотделы МТС. Было бы совершенно недопустимо оппортунистически успокаиваться на достигнутом. Далеко еще не преодолены все трудности посевной кампании. Еще не добит классовый враг, продолжающий свою разрушительную, подрывную работу. При наличии в ряде краев крупных успехов еще недостаточны темпы сева по некоторым районам, в том числе и по Северному Кавказу.

А это требует дальнейшей мобилизации сил, неустанной борьбы с капиталистическими элементами, с их агентурой в партии — правыми оппортунистами — главной опасностью на современном этапе — и их «левыми» союзниками. Нет никакого сомнения, что весенняя посевная кампания будет успешно проведена. Поручкой этому является то, что партия в лице политотделов имеет в деревне исключительный по своему значению рычаг, обеспечивающий завершение задач социалистической реконструкции деревни.

---

¹² Решение ЦК и СНК, «Правда» от 25 мая 1933 г.

МАРКС КАК КРИТИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Марксизм есть мировоззрение рабочего класса.

Марксизм родился и развивался в борьбе против буржуазных и мелкобуржуазных теорий. Ленинизм — марксизм эпохи империализма и пролетарских революций — вырос и окреп в непримиримой борьбе с оппортунизмом II Интернационала.

И в настоящее время ленинизм побеждает в непримиримой борьбе с буржуазными и оппортунистическими теориями. Критический, полемический характер является неотъемлемым свойством марксизма-ленинизма. Политическая экономия Маркса есть наука критическая, полемическая. Этот характер марксовой политической экономии отмечен не раз самими основоположниками марксизма; эту особенность марксовой политической экономии подчеркивал неоднократно Ленин.

«Без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами», — говорил т. Сталин на конференции аграрников-марксистов.

Без глубокого усвоения, без правильного понимания критического характера политической экономии Маркса — Энгельса — Ленина, без усвоения метода этой критики, — не может быть действительной революционной критики современных нам буржуазной политэкономии и оппортунизма.

Метод материалистической диалектики был выработан Марксом в критике идеализма и метафизики. Метод Маркса — материалистическая диалектика — является критическим, применяется ли этот метод к изучению природы, общества или мышления.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс критикуют Гегеля, критический подход к нему младогегельянцев и Фейербаха и вместе с тем излагают положительно свое новое мировоззрение и новое — коммунистическое — понимание критики.

У Гегеля идеология развивается путем саморазвития абсолютного духа. Предмет, объект конструируется идеей, мышление и действительность представлена у Гегеля как отображение идеи. Младогегельянцы — Бруно Бауэр и другие — движущей силой развития идей считали самосознание критической личности.

Маркс и Энгельс дают решительную критику как идеализма Гегеля, так и идеализма его критиков — младогегельянцев. Последняя «заявила себя чистой, решительной, абсолютной, все выяснившей критикой». На самом же деле, пишет Маркс, младогегельянство было не что иное, как «умирающий в форме критики идеализм»¹.

Критический идеализм младогегельянцев проявил «некритическое отношение к самому себе», «...совершенно некритическое отношение к методу критикования»².

¹ Соч., т. III, стр. 634.

² Там же, стр. 633.

Маркс и Энгельс подвергли уничтожающей критике «абсолютный дух» Гегеля и «критическое самосознание» младогегельянцев.

Сознание, идеология сами определяются условиями жизни людей. Идеология зависит от материального жизненного процесса, от материального бытия. Маркс подчеркивает определяющую роль производственных отношений, указывает на необходимость вскрывать «связь общественного и политического расчленения с производством»³.

Различные «виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают свою видимость самостоятельности. У них нет вовсе истории, у них нет развития: только люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения, изменяют в этой своей деятельности также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» (стр. 216).

В отличие от идеалистического понимания истории новая концепция, развиваемая Марксом и Энгельсом, «остается постоянно на почве реальной истории, не объясняя практику из идей, а объясняя идейные формации из материальной практики»⁴.

В своем законченном и классическом виде это определение отношения сознания к бытию сделано Марксом, как известно, позже в предисловии к «К критике политической экономии».

«Для Германии критика религии по существу окончена, а критика религии — предпосылка всякой другой критики...», писал Маркс в «К критике гегелевской философии права»⁵. «Критика неба обращается в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики». Маркс идет дальше и превращает критику политики в критику политической экономии.

Политическая экономия представляет собой одну из форм идеологии — науку. Следуя своему методу, представляющему величайшее открытие в науке, Маркс не мог конечно критику буржуазной политэкономии дать только как критику идей самих по себе, рассматривать лишь их внутреннюю связь.

Критику политической экономии Маркс превращает в критику того строя производства, тех отношений, продуктом и отражением которых является политическая экономия, в критику буржуазного способа производства. Маркс вскрывает сущность, законы экономического бытия, критикует научно, методом материалистической диалектики, это бытие и вместе с тем критикует порожденную этим бытием идеологию — буржуазную политическую экономию.

Чтобы понять идеи, в том числе идеи экономические, надо изучать не эти идеи, взятые сами по себе, в их имманентном развитии, в их внутренней взаимной связи, а изучать прежде всего реальных людей, производящих эти идеи, производственные и политические отношения, определяющие эти идеи.

Но индивиды в обществе не существуют отдельно, они образуют классы.

Общественные отношения, определяющие идеологию, — материальные, политические — есть классовые отношения. Классовой является и идеология.

«Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями, т. е. класс, являющийся господствующей

³ «Архив», т. I, стр. 215.

⁴ Там же, т. I, стр. 227.

⁵ Соч., т. I, стр. 299.

материальной силой общества, является в то же время его господствующей духовной силой».

Наряду с господствующими мыслями в данном обществе существуют конечно и другие мысли. Они представляют собой также продукт исторического развития, являются мыслями определенно класса, переставшего уже или собирающегося стать господствующим. Так, «существование в определенной эпоху революционных мыслей предполагает уже существование революционного класса...»⁶.

Господствующий класс эксплуататоров свои классовые интересы представляет как интересы всех членов общества. Он представляет свои понятия в качестве вечных истин, он мистифицирует их.

Огромное значение Фейербаха заключалось в решительном разрыве его с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма. Маркс и Энгельс подчеркивали всемирное значение этой роли Фейербаха в развитии науки. В то же время они критикуют созерцательный характер философии Фейербаха, однородность феербаховской критики. Фейербах критиковал идеологическое отражение действительности, а не самую действительность. Критика религиозного и спекулятивно-идеалистического сознания для Фейербаха была единственной формой политической практики и активности. Для Маркса и Энгельса главное—критика самой действительности, революционная практика.

Маркс выпячивает роль революционной практики, роль активного воздействия субъекта на объект. «Философы лишь различным образом объясняют мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»⁷.

Это значит, что критика теоретическая, оружие критики, имеет вообще подчиненное значение к практическо-критической деятельности.

«Оружие критики не может конечно заменить критики оружия, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»⁸.

Для коммуниста дело идет не только о теоретической критике буржуазного способа производства, но, и прежде всего, о критике практической, о реальном уничтожении его.

«...Для практического материалиста, т. е. для коммуниста, дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их, и изменить их»⁹.

Политическая активность—основная форма критики, революция—высшая форма критики существующего. Пролетариат—класс, который может практически осуществить эту критику капиталистического строя.

Сознание, идеология не есть что-то пассивное, что только пассивно отражает объективный мир. Ленин писал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»¹⁰.

Однако эта творческая роль сознания, как она понимается диалек-

⁶ «Архив», т. I, стр. 231.

⁷ 11-й тезис о Фейербахе.

⁸ Соч., т. I, стр. 406.

⁹ «Архив», т. I, 217.

¹⁰ «Ленинский сборник» IX, стр. 257.

тическим материализмом, ничего общего не имеет с утверждением идеализма о примате сознания, идеи над объективным миром.

Сознание, являясь результатом объективного мира, воздействует на тот мир через практику, но характер и сила этого воздействия обусловлены самим объективным миром.

Свой новый метод, свое коммунистическое понимание критики Маркс применяет целиком и к критике политической экономии.

Политическая экономия и экономика

Для буржуазных экономистов, мыслящих метафизически, буржуазное производство есть естественный и вечный способ производства. Классическая политическая экономия изучает, пытается проникнуть в сущность этого способа производства и понять его внутреннюю связь. Она изучает не идеи, не категории, а самую капиталистическую действительность. Но эта действительность перед взором классика выступает как данное, вечное, неизменное. Экономисты-классики были чужды идее развития общества.

Идеалисты в экономической теории имеют дело не с реальной объективностью, а с идеями. Идея экономическая для них не отражение, не рефлекс экономической реальной действительности, а продукт чистого сознания, не результат бытия, а, напротив, demiurge бытия.

Буржуазные ученые экономические идеи и экономические теории рассматривают независимо от экономического бытия; для них изменение экономических идей, смена экономических теорий вызываются исключительно имманентными самому мышлению закономерностями.

Для буржуазных экономистов, рассматривающих капиталистическое производство вечным и неизменным, «...победа физиократов и Адама Смита над меркантилистами кажется простой победой мысли, вовсе не отражением в области мышления изменившихся экономических фактов, а представляется достигнутым наконец истинным пониманием неизменно и повсюду существующих фактических условий»¹¹.

Понятно, как беспомощны метафизики в деле действительного анализа теорий, рассматриваемых ими просто как внутреннее самодвижение экономической идеи. Понятна глубина и значимость того революционного переворота, который совершил Маркс в деле критики буржуазных экономических идей, экономических теорий. Там, где буржуазный экономист видит лишь неизменное, вечное, Маркс увидел изменяющееся, находящееся лишь на одной определенной стадии своего исторического бытия. Там, где буржуазный экономист видит только идею экономическую, свободную и случайную, Маркс видит идею, выражающую изменяющееся материальное бытие.

Свой взгляд на обусловленность сознания, идей, изменяющимся материальным бытием Маркс с успехом приложил и к специфической области идеологии—экономической теории. В лице Маркса экономическая теория, экономические идеи подверглись действительно научному познанию. Для Маркса экономическая идея и экономическая теория есть не что иное, как идеологическое отражение изменяющегося экономического бытия, теоретическое выражение объективных производственных отношений. Для Маркса категории буржуазной политической экономии есть не что иное, как «общественно значимые, следовательно объективные формы лишь в рамках производствен-

¹¹ Э н г е л ь с, Письмо Мерингу от 14 июля 1893 г.

ных отношений данного исторически определённого общественного способа производства — товарного производства»^{11а}.

Во «Введении к «Критике политической экономии», в «Капитале», в «Теориях прибавочной стоимости» эта объективная обусловленность экономических идей экономическим бытием Марксом конкретно вскрывается. Экономическая идея, продолжает Маркс, раскрытие диалектики экономического сознания, обуславливается не бытием изолированного Робинзона, а общественным бытием его. Маркс высмеивает обособленного индивида, Робинзона, «единичного и обособленного охотника и рыбака, с которых начинают Смит и Рикардо», отбрасывает Робинзона как лишённую фантазии химеру XVIII в.

Экономические категории выражают собой производственные отношения. Исходным пунктом должен быть не изолированный индивид, а «индивиды, производящие в обществе, а следовательно общественно-условленное производство индивидов»¹².

Всякое производство есть общественное производство, есть «присвоение индивидуумом предметов природы внутри определенной общественной формы и посредством ее»¹³.

В политической экономии, пишет Маркс, «при теоретическом методе субъект, т. е. общество, должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка»¹⁴.

Экономические идеи следовательно, как и всякие другие, являются продуктом общественного бытия—определённых производственных отношений. Эти производственные отношения не вечны, они меняются. Поэтому нужно говорить не вообще о производстве индивидов, живущих в обществе, а о производстве на определенной общественной ступени развития. Производство имеется во всех эпохах, но в политической экономии нужно изучать то, что отличает одну эпоху от другой. «В забвении этих различий заключается... вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений»¹⁵.

Не вечны и экономические категории, являющиеся лишь теоретическим выражением изменяющихся производственных отношений.

«Те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения, соответственно своему способу материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям... Эти идеи, эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собой исторические и переходящие продукты»¹⁶.

И Маркс критикует буржуазных экономистов, которые «изображают отношения буржуазного производства—разделение труда, кредит, деньги и т. д. — как вечные, неизменные, неподвижные категории».

Основным в научном исследовании Маркса является не критика экономических идей, теорий, а критика самих производственных отношений буржуазного общества.

Буржуазную политическую экономию Маркс критикует прежде всего своей критикой буржуазного строя, своим положительным развертыванием научной политической экономии, противопоставляемой буржуазной политической экономии.

^{11а} «Капитал», т. I, изд., как и везде ниже, 1920 г., стр. 44.

¹² Маркс, Введение к «Критике политической экономии», изд., как и везде ниже, 1930 г., стр. 51.

¹³ Там же, стр. 55.

¹⁴ Там же, стр. 71.

¹⁵ Там же, стр. 53.

¹⁶ Маркс, Ницета философии, изд., как и везде ниже, 1928 г., стр. 105—106.

Применение Марксом исходных принципов материалистической теории познания к познанию буржуазной экономической теории имело исключительное значение. Применяя этот метод к познанию отдельных теорий, целых экономических теоретических систем, Маркс представил перед нами буржуазных экономистов в их истинном виде, совсем иными, чем они представлялись и самим буржуазным теоретикам и их буржуазным критикам.

Для Маркса критика той или иной теоретической системы, отдельной теории, отдельного взгляда означает прежде всего раскрытие конкретной объективной обусловленности этой системы экономической действительностью, которая есть классовая действительность. Раскрытие конкретной обусловленности дает ключ к пониманию идей, теорий, к правильному их толкованию, к правильной научной критике. — Вскрывая конкретно экономическую обусловленность рассматриваемых экономических теоретических систем, отдельных теорий, отдельных взглядов экономистов экономическим бытием, Маркс обнажает тем самым корни этих идей. Критикуя ту или иную теорию, Маркс сопоставляет ее не с «абстрактной идеей», не с «вечным принципом», не с «идеалом», как это делают идеалисты, а с конкретной действительностью, правильным или неправильным отражением которой эти теории, системы являются.

Это дает Марксу действительную силу, возможность правильно понять рассматриваемые им теории, установить степень их научности. Критерием истины является для Маркса не соответствие теории абстрактной идее, «идеалу» и пр., а соответствие ее объективной реальности, экономической практике в самом широком смысле этого слова. Практика экономическая служит для Маркса критерием истины, проверкой истинности, научности теории. В меркантильной системе, в системе физиократов буржуазные экономисты последующих времен видели только заблуждение человеческого ума; Маркс в этих же системах увидел идеологическое отражение экономики, определенной во времени и пространстве, а в смене этих теоретических систем — отражение, результат смены различных этапов развития буржуазного способа производства. Для Маркса меркантильная система, система физиократов, система английской классической политической экономии есть не что иное, как научное отображение различных стадий в развитии капитализма. Вульгарная политическая экономия есть также отражение, результат определенной ступени развития капитализма и его противоречий, точно так же, как и сама марксова политическая экономия является результатом, отражением капиталистического способа производства, наукой, самое появление и успехи которой объективно обусловлены определенным экономическим бытием, определенной, высокой степенью развития капиталистического способа производства, развития пролетариата и классовой борьбы.

Маркс в науке политической экономии меркантилистов, физиократов, классиков вскрыл выражение отношений и потребностей эпохи.

Самое возникновение политической экономии Маркс объясняет потребностями капиталистического производства, а развитие этой науки — развитием этого способа производства. Маркс показывает, что взгляды меркантилистов на капитал, прибавочную стоимость, производительный труд обусловлены были тогдашним экономическим бытием Англии, они имели перед собой торговый капитал, который функционирует в сфере обращения. «Подлинно буржуазной экономической сферой была в то время сфера товарного обращения. Поэтому с точки зрения этой элементарной сферы они рассматривали весь

сложный процесс буржуазного производства и смешивали деньги с капиталом»¹⁷.

Подобно тому как монетарная и меркантильная системы были объяснены Марксом, правильно поняты путем сопоставления, сравнения взглядов меркантилистов с экономической действительностью Англии той эпохи, так и физиократическая система Марксом могла быть правильно понята лишь при сравнении ее идей, взглядов с экономической действительностью Франции соответствующей эпохи — конца XVIII столетия.

Действительный смысл системы физиократов не был понят ни ими самими, ни последующими буржуазными экономистами. Для последних система физиократов осталась неразгаданным сфинксом. И только Маркс сорвал феодальную вывеску с этой системы и вскрыл в ней не что иное, как первую систематическую концепцию капиталистического производства. Маркс показал капиталистический характер физиократической системы, объективную обусловленность этой системы и ее особенностей. Маркс показал, что физиократы явились первыми систематическими истолкователями капитала. Маркс вскрывает объективные причины, обуславливающие отличие взглядов, физиократов как от системы меркантилистов, так и от системы английской классической школы — Смита и Рикардо. Эти особенности взглядов физиократов Маркс объясняет особенностями экономики, теоретическими выразителями которой были физиократы. Они представляли экономику буржуазного земледелия Франции той эпохи¹⁸.

Английская классическая политическая экономия в лице Адама Смита и Давида Рикардо представляет собой теоретическое выражение капиталистической промышленности на различных этапах развития капитализма.

Смит является теоретиком капитализма в его мануфактурной стадии; Рикардо — капитализма уже развитого, эпохи широкого применения машин, эпохи капиталистической фабрики. Различия, особенности политической экономии, как они сложились и развивались в отдельных капиталистических странах, Маркс объясняет также различием экономических условий, различием развития буржуазного производства в этих странах. Показательны в этом отношении рассуждения Маркса о различии английской политической экономии и французской. Различные экономические условия, в которых находятся эти две страны, определили и различие политической экономии этих стран. Англия являлась передовой капиталистической страной, Франция — более отсталой. Национальный контраст между английской и французской политической экономией виден из совершенно различного отношения экономистов этих стран, писавших примерно в одно и то же время, к одним и тем же явлениям экономической жизни.

Например в конце XVII и начале XVIII в. наблюдается совершенно различное отношение Петти (Англия) и Буагильберга (Франция) к деньгам: Петти проявляет страсть к золоту как мощному стимулу,

¹⁷ Маркс, К критике политической экономии, стр. 228.

¹⁸ Физиократическая система, пишет Маркс, «соответствует той эпохе буржуазного общества, когда оно вылупляется из феодального. Поэтому она и возникает сначала во Франции, стране земледельческой по преимуществу, а не в Англии, стране главным образом промышленности, торговли, мореплавания. Естественно, что в этой последней внимание прежде всего было направлено на процесс обращения, на то обстоятельство, что только как выражение общественного труда, только благодаря своему превращению в деньги продукт приобретает ценность, становится товаром» («Теории прибавочной стоимости», т. I, изд., как и везде ниже, 1923 г., стр. 40—41).

толкующему народ к промышленному развитию и к завоеванию мирового рынка. Бугильберг же фанатически нападает на деньги.

В начале XIX столетия мы видим совершенно различное отношение Рикардо и Сисмонди к крупному капиталу.

Маркс показывает также объективную обусловленность различия буржуазной политической экономии Англии и Германии. Он показывает обусловленность особого «континентального» способа критики Рикардо Родбертусом и другими экономистами Германии, Франции и других стран. Эти критики нападают на Рикардо с точки зрения окружающих их более отсталых экономических отношений. Они говорят на экономически совершенно ином языке, чем Рикардо, и потому часто не в состоянии даже понять Рикардо. Национальные особенности политической экономии разных стран Маркс объясняет национальными особенностями экономики этих стран.

Этот же материалистический метод сравнения экономических идей с экономическими условиями, породившими их, Маркс широко применяет и в критике отдельных теорий, отдельных взглядов. Так например, Маркс показывает объективную обусловленность различных теорий денег, показывает весьма непосредственную связь этих теорий с экономической практикой буржуазии определенной эпохи.

Маркс показывает, как номиналистическая и количественная теории денег возникли из практики денежного и банковного обращения. Маркс показывает объективную обусловленность теории ренты Андерсона и Рикардо, в особенности экономики Англии. Точно так же Маркс вскрывает объективную обусловленность и теории земельной ренты Родбертуса.

Примеров такой материалистической критики Марксом буржуазных теорий можно было бы привести много.

Внутренние законы капиталистического производства, его сущность могут быть постигнуты только путем научного изучения этого производства. Внешние формы проявления этих законов — видимость экономической жизни, воспринимаются при поверхностном наблюдении экономических явлений. Видимость не совпадает с сущностью, она скрывает ее и искажает. В раскрытии за видимостью, за внешней формой проявления скрывающихся законов, сущности и заключаются задача и содержание науки.

Как пишет Ленин, «понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон, причина, тождество, различие, etc) — таков действительно общий ход всякого человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и естествознания, и политической экономии, и истории»¹⁹.

Политическая экономия, поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а как абсолютную конечную форму общественного производства, является буржуазной политической экономией. Но буржуазная политическая экономия по-разному относится к буржуазному производству: одни экономисты пытаются проникнуть в сущность капиталистического производства, постигнуть его внутреннюю связь, его законы, — это научная буржуазная политическая экономия. Другие

¹⁹ «Ленинский сборник» XII, стр. 290—291.

ограничиваются лишь схватыванием поверхностных явлений, внешних связей, — это вульгарная политическая экономия, псевдонаука. Маркс дает чрезвычайно яркую характеристику научной и вульгарной политической экономии.

Научная политическая экономия, пишет Маркс, исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства, она пытается понять физиологию буржуазного производства, его сущность. Действительная наука политической экономии начинается только там, где имеется анализ капиталистического производства. Маркс неоднократно отмечает великую заслугу физиократов, которые от обращения обратились к производству. Маркс подчеркивает, что английская политическая экономия изучает сущность капиталистического производства.

Смит «...исследует внутреннюю связь экономических категорий — или скрытое строение буржуазной экономической системы». Он «...проникает во внутреннюю связь, так сказать, в физиологию буржуазной системы...»

В теории Рикардо научная буржуазная политическая экономия достигает своего завершения; хотя для Рикардо не существует никакой другой формы общества кроме буржуазной, которую он считает вечной, «...хотя и ограниченный этим буржуазным кругозором Рикардо анализирует буржуазную экономию, которая в глубине выглядит совершенно иначе, чем она кажется на поверхности, с такой теоретической проницательностью, что лорд Брум мог сказать о нем: «Можно подумать, что м-р Рикардо упал с другой планеты»²⁰.

Вульгарная политическая экономия, наоборот, «топчется лишь в области внешних кажущихся зависимостей»²¹. Она «хватается за внешнюю видимость в противоположность закону явления»²².

Маркс показывает совершенно различное отношение научных и вульгарных буржуазных экономистов к экономическим проблемам политической экономии и прежде всего к таким основным, как стоимость, товар и труд, его создающий, капитал, прибавочная стоимость.

Решающим для характеристики классической политической экономии как научной экономии является определение ею стоимости трудом. «Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы — понимания ее внутренней органической связи и жизненного процесса — есть определение ценности рабочим временем»²³. Это определение является свидетельством и результатом проникновения экономистов-классиков в «физиологию» буржуазного производства, значительного понимания ими сущности буржуазного производства.

Марксова характеристика буржуазной политической экономии как научной или вульгарной — в зависимости от способа рассмотрения ею экономической жизни — является исключительной важности моментом в методе марксовой критики политической экономии.

Маркс выработал объективный критерий для решения вопроса о том, правильно или неправильно та или иная теория, система относится к реальной действительности. В характеристике вульгарной политической экономии он настойчиво подчеркивает тот факт, что вульгарная политическая экономия лишь обобщает вульгарные представления непосредственных агентов буржуазного производства, систе-

²⁰ Маркс, К критике политической экономии, стр. 127.

²¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 50.

²² Там же, стр. 293.

²³ Маркс, Теории прибавочной ценности, т. II, ч. I, стр. 11, изд. здесь и дальше 1924 г.

материализует их, обрабатывает соответственно потребностям практика-буржуа. Потребности эти — двоякого рода: обобщение повседневного опыта хозяйственной практики буржуа, во-первых, и апология капитала, во-вторых.

Вульгарная политическая экономия «доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства»²⁴, «переводит лишь на кажущийся более научный язык удивительные представления капиталистов, кругозор которых ограничен конкуренцией, и пытается доказать правильность этих представлений»²⁵, она «педантски систематизирует банальные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства об их собственном мире — лучшем из всех миров — и объявляет эти представления вечными истинами»²⁶.

Маркс показывает вместе с тем, что при капиталистическом способе производства представления его непосредственных агентов, а через них и вульгарных экономистов не могут быть ничем иным, как искажением, превратным представлением этой действительности. Экономические отношения буржуазного общества агентам его представляются не в своей сущности, а в явлениях, содержание выступает в определенных формах.

Производственные отношения буржуазного общества объективизированы в вещах, выступают в вещной, фетишистической форме. Отношения людей в производстве выступают как отношения вещей. Экономические категории выступают в иррациональной форме, скрывающей действительные производственные отношения, таковы например «цена труда», «цена земли» и др.

С развитием капиталистического производства мистифицирующий характер производственных отношений растет и становится все сложнее.

Извращение производственных отношений, их затемнение своего высшего предела достигает в понимании прибыли (и еще ярче — процента), как порождения капитала, земельной ренты, как порождения земли, заработной платы, как поражения труда.

Маркс показывает, как с развитием относительной прибавочной стоимости капитал все более становится таинственной сущностью, как для капиталистов все более затеняется действительная внутренняя связь, как неизбежное вмешательство процесса обращения мистифицирует сущность капитала и прибавочной стоимости. Реализация стоимости и прибавочной стоимости, заключающейся в товарах, происходит лишь в процессе обращения. Для капиталиста неизбежно создается иллюзия, что стоимость и прибавочная стоимость, заключающиеся в товарах, не просто реализуются в обращении, но и возникают из него. Маркс показывает, что для самих капиталистов внутренний закон остается незаметным и непонятным, так как действительные отношения производства конкуренцией совершенно искажаются, «...под углом зрения конкуренции и все представляется в искаженном виде. Экономические отношения в готовом виде, как они обнаруживаются на поверхности, в их реальном существовании, а следовательно и в тех представлениях, при помощи которых стараются разобраться в этих отношениях их но-

²⁴ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 354, изд. здесь и дальше 1923 г.

²⁵ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, стр. 30, изд. здесь и дальше 1925 г.

²⁶ Маркс, Капитал, т. I, стр. 50.

сители и агенты, оказываются очень различными, совершенно искаженными и противоположными по сравнению с их внутренним, существенным, но скрытым ядром и отвечающим по существу понятию»²⁷.

Маркс показывает, как в капитале, применяющем процент, мистификация капиталистического производства достигает своего завершения.

Вульгарные экономисты, переводя на свой доктринерский язык представления непосредственных агентов капиталистического производства, имеют дело уже с извращенными представлениями, искажающими экономическую действительность. Товарный фетишизм из головы капиталиста-практика переходит в вульгарную теорию в систематизированном виде, приспособленном для обихода буржуа. В виде вульгарной теории капиталист-практик получает то, что он сам дал вульгарному экономисту, т. е. искаженную действительность.

Маркс за фетишизмом вульгарной политической экономии видит товарный фетишизм капиталистического производства. В извращениях действительности вульгарной экономией он видит лишь теоретическое отображение объективного извращения в головах агентов капиталистического производства. Вскрыв объективную обусловленность фетишизации производственных отношений в товарно-капиталистическом обществе, Маркс тем самым вскрывает и объективную обусловленность фетишизма вульгарной политической экономии. Видимость капиталистического производства не соответствует его сущности. Объективной является не только сущность, но и видимость, кажимость. Сама кажимость объективно обусловлена, и в этой своей объективной обусловленности она переходит в вульгарную политическую экономию.

Искажение сущности капиталистического производства, формой проявления служит объективным основанием возможности искажения ее, сущности, и вульгарной экономией.

Установив это положение, Маркс определил тем самым ключ к пониманию содержания тех или иных теорий вульгарной политической экономии. Корни ее он ищет в неизбежно искажающих действительность представлениях агентов капиталистического производства.

Маркс проводит резкую грань, принципиальную противоположность научной буржуазной политической экономии и вульгарной. Маркс и Ленин высоко ценили классическую политическую экономию за ее научный характер и в то же время клеймили вульгарную политическую экономию как псевдонауку. В то же время Маркс подчеркивал, что даже классикам не всегда удавалось преодолеть эту силу кажимости, видимости, что и Смит и Рикардо нередко еще находились во власти этой видимости.

Вскрыв иллюзии капиталистического общества, видимость, что капитал рождает прибыль, земля — земельную ренту, труд — заработную плату, Маркс пишет: «Великая заслуга классической экономии заключается в том, что она разрушила эту ложную видимость и иллюзию, это обособление и фиксирование различных элементов богатства один от другого, эту персонафикацию вещей и овеществленные отношения производства, эту религию повседневной жизни. Однако даже лучшие из ее представителей, — да иначе оно и быть не может при буржуазной точке зрения, — в большей или меньшей мере остаются захваченными тем миром внешней видимости,

²⁷ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 187; разрядка Маркса.

который они критически разрешали, и потому все в большей или меньшей мере впадают в непоследовательность, половинчатость и неразрешенные противоречия»²⁸.

Маркс отмечает, что для Смита характерно наличие наряду с исследованием внутренней связи экономических категорий скрытого строения буржуазной экономической системы также и другого способа рассмотрения действительности, как она дана видимым образом в явления конкуренции, как она представляется несведущему в науке наблюдателю и человеку, практически участвующему и заинтересованному в процессе буржуазного производства.

У экономистов-классиков неспособность справиться везде с видимостью является недостатком их научного метода, направленного ими на познание внутренних связей капиталистического производства. Совсем иначе — вульгарная политическая экономия, которая «гордится тем, что пресмыкается перед видимостью, принимает видимость за конечное объяснение»²⁹.

Маркс разоблачает «кретинизм вульгарной экономии», ее узость, ограниченность представлениями капиталиста-практика.

Маркс показывает конкретно, как фетишизм капиталистических производственных отношений непосредственно порождает, обуславливает, переходит в вульгарную политическую экономию.

Вместе с подчеркиванием объективной обусловленности превратных представлений вульгарной политической экономии Маркс подчеркивает также и сугубо апологетическую роль этой экономии, сознательное использование ею извращенности, представления для затушевывания действительного источника прибавочной стоимости, противоречий капитализма.

Капиталистическое общество есть общество классовое, антагонистическое. Основным антагонистическим противоречием в этом обществе является противоречие между общественным характером производства и частным капиталистическим присвоением. Это противоречие обуславливает антагонизм основных классов капиталистического производства — буржуазии и пролетариата.

Буржуазия является единым классом лишь по отношению к другим классам, внутри этого класса интересы отдельных его членов и отдельных его групп враждебны и противоположны.

Буржуазия делится на фракции — промышленная буржуазия, торговая, денежная. Противоположность этих групп буржуазии экономической основой своей имеет дележ прибавочной стоимости, являющейся результатом эксплуатации рабочего класса. В буржуазном обществе прибавочная стоимость делится между предпринимателем (промышленник и торговец), землевладельцем (рента) и денежным капиталистом (процент). Противоположность прибыли и ренты, предпринимательского дохода и процента, промышленной и торговой прибыли служит экономическим основанием противоречий интересов класса промышленников и торговцев и класса денежных капиталистов — рантьефов, — класса промышленных капиталистов и торговых. Буржуазия ведет всегда борьбу с буржуазией других стран, крупная буржуазия постоянно ведет борьбу с мелкой. В эпоху монополистического капитализма кроме того имеет место борьба между капиталистами-монополистами и немонополистами. В буржуазном обществе противоречия интересов имеют следовательно многообразный характер.

²⁸ «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 368.

²⁹ М а р к с, Письмо Кугельману от 11 июля 1868 г., стр. 92.

Противоречия классов и отдельных групп в классе буржуазии имеют далеко не одинаковую силу и значимость на различных ступенях развития капиталистического производства. Борьба буржуазии против феодалов, дворянства и духовенства имела особенную остроту, размах и значимость на ранней ступени развития буржуазного производства, когда шла борьба за новую буржуазную форму производства. Противоречие интересов буржуазии и феодальных землевладельцев остается на всем протяжении капиталистического общества как противоположность прибыли и ренты, но характер этой противоположности, ее сила, значимость теперь уже совершенно иные. Теперь промышленного капиталиста и землевладельца значительно объединяет общность их интересов как эксплуататоров против революционного пролетариата и крестьянства.

Точно так же противоречие интересов промышленной буржуазии, с одной стороны, и торговой — с другой, а равно противоречие интересов промышленной и торговой буржуазии, с одной стороны, и денежной — с другой, иначе выглядят теперь, в эпоху господства буржуазного производства, подчинения им и торгового и денежного капитала, чем в начале развития буржуазного производства, в эпоху ожесточенной борьбы промышленной буржуазии и торговой с денежным капиталистом-ростовщиком.

Антагонистическое противоречие пролетариата и буржуазии имеет неодинаковую остроту, обнаженность на разных этапах развития капитализма, все более обостряясь и обнажаясь по мере развития промышленности. Развитие капиталистического производства есть развитие противоречий его. Все более обостряется антагонистическое противоречие пролетариата и буржуазии, все более отодвигаются на второе место другие производные от этого основного противоречия внутри эксплуататоров.

Маркс с недоступной буржуазным экономистам научной глубиной и революционной смелостью вскрыл все противоречия буржуазного общества, их силу и значимость, их роль в возникновении, развитии и гибели — уничтожении — буржуазного способа производства. Вместе с тем Маркс показал, что политическая экономия является нечем иным, как выражением этих различных противоречий и орудием в борьбе различных классов современного общества.

Маркс показал, что в классовом обществе наука, в том числе и прежде всего политическая экономия, не может не быть классовой наукой, выражением классового бытия общества и орудием классовой борьбы. Ведь «в политической экономии речь идет не о вещах, а об отношениях между лицами, в последней же инстанции — между классами» (Энгельс). Маркс показал, что «развитие политической экономии и из нее же самой вытекающего противоречия идет параллельно реальному развитию содержащихся в капиталистическом производстве общественных противоречий и классовой борьбы»³⁰.

Открытый Марксом закон развития политической экономии параллельно реальному развитию общественных противоречий и классовой борьбы имеет исключительно важное значение. Установив, что политическая экономия развивается параллельно развитию в капитализме противоречий и классовой борьбы, Маркс тем самым до полной прозрачности вскрыл объективную классовую обусловлен-

³⁰ «Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 389, изд. здесь и ниже 1924 г.

ность политической экономии, обнажил классовые корни экономических теорий, показал, что политическая экономия служит орудием защиты экономических интересов определенного класса, показал практическую роль политической экономии как орудия в классовой борьбе.

Раскрытие классовой сущности политической экономии дало возможность Марксу глубоко и правильно понять буржуазную политическую экономию, разоблачить иллюзии и покровы, вскрыть истинную причину смены научной буржуазной политической экономии экономией вульгарной, показать объективную обусловленность новой пролетарской политической экономии — политической экономии Маркса. Бесчисленные писания буржуазных и социалистических писателей, весь литературный калейдоскоп XVII, XVIII и XIX столетий Марксом поняты критически; за ворохом отвлеченных суждений Маркс обнажил внутреннюю пружину — классовый интерес — и в кажущийся хаос экономической литературы внес ясность и стройность понимания.

XVII, XVIII и первая треть XIX столетия в области экономической жизни характеризуются значительно острой противоположностью интересов нарождающейся и крепнущей буржуазии и землевладельцев и противоположностью интересов крепнущей промышленной буржуазии и ростовщического капитала. Эти противоречия формируют и политическую экономию той эпохи, — политическая экономия в борьбе буржуазии с землевладением, в борьбе промышленной буржуазии с ростовщическим капиталом является важнейшим оружием. Она, политическая экономия, формирует мнение класса, обобщает его экономическую практику, доказывает преимущества нового способа производства перед старым, идеологически, теоретически подготавливает экономическое законодательство, она, политическая экономия, служит орудием для экономической политики, обосновывает экономическую политику определенного класса — буржуазии, критикует экономическую политику другого класса — аристократии. И Маркс в каждой экономической системе, в каждом экономисте той эпохи вскрывает его классовую основу, классовую сущность.

«Полемика буржуазных экономистов в XVII столетии... против процента как самостоятельной формы прибавочной ценности представляет лишь борьбу растущей промышленной буржуазии против старомодных ростовщиков, монополизировавших денежное богатство того времени»³¹.

Это было в эпоху, когда промышленный капитал еще только подчинял себе капитал, приносящий процент, превращал его из самостоятельной формы в производную форму самого промышленного капитала.

Вторая половина XVII и первая половина XVIII вв. характерны также борьбой между денежным капиталом и землевладением. Промышленный и торговый капитал также выступает против этой старинной формы капитала — ростовщического — и выступает более или менее согласно с землевладельцами.

Маркс показывает, как общность интересов промышленников и торговцев с интересами землевладельцев в борьбе против ростовщического капитала объединяет эти враждующие классы в XVII и XVIII столетиях, как позже буржуазия и земельная аристократия объединяются в своей борьбе с народом, с трудящимися (Мальтус).

³¹ М а р к с, Теории прибавочной ценности, т. III, стр. 366.

Маркс показывает, что Андерсон своим сочинением, позже явившимся основой теории ренты Мальтуса и Рикардо, защищал интересы сельских хозяев и землевладения против интересов промышленников. Маркс подчеркивает, что Мальтус был ревностным защитником интересов землевладения.

Меркантилисты являются представителями и защитниками интересов торгового капитала, физиократы — сельской буржуазии, английская классическая школа — промышленной буржуазии.

Маркс с исчерпывающей полнотой показал, что классическая политическая экономия является орудием борьбы класса промышленной буржуазии с средневековым землевладельцем, с феодальным дворянством, земельной аристократией.

Маркс вскрыл различие научной буржуазной политической экономии и вульгарной, показав объективную возможность существования вульгарной политической экономии, несовпадение сущности и видимости, господство овеществления производственных отношений и соответственно этому товарного фетишизма. Маркс показал вместе с тем и объективную неизбежность превращения на определенной ступени развития капиталистического производства научной буржуазной политической экономии в вульгарную. Возникновение и развитие буржуазной политической экономии как науки обусловлено было классовой борьбой возникающего и развивающегося промышленного капитализма с феодализмом, буржуазии — с земельной аристократией. Возникновение и развитие классической политической экономии шло параллельно реальному развитию противоречий промышленной буржуазии и земельной аристократии, прежде всего параллельно развивающимся противоречиям промышленной и торговой буржуазии, с одной стороны, и ростовщического капитала, с другой стороны, параллельно развивающимся противоречиям промышленного и торгового капитала. Обострение классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией сделало необходимым и неизбежным превращение научной буржуазной политической экономии в вульгарную.

Антагонистические противоречия пролетариата и буржуазии развиваются вместе с развитием крупной промышленности. В эпоху, когда буржуазия вела борьбу с феодализмом, противоречие пролетариата и буржуазии не было обостренным и обнаженным. Буржуазия в этой борьбе выступала от имени всего общества. Противоположность между капиталистами и рабочими уже имела, но еще не выдвигается на первый план, находилась еще в скрытом состоянии.

В эпоху Смита и Рикардо главное направление идет по линии борьбы буржуазии с остатками феодального общества. Буржуазия стремится очистить экономические отношения от «феодальных пятен» — развить промышленность и торговлю. «Пролетариат, принимающий участие в этой борьбе и поглощенный этой лихорадочной деятельностью, знает в этом периоде только преходящие, случайные бедствия и сам смотрит на них как на таковые»³².

«Поскольку политическая экономия является буржуазной, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях. Возьмем Англию. Ее классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической экономии Рикардо

³² Маркс, Ницета философии, стр. 119.

сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни».

Эпоха после Рикардо — 20-е годы XIX в. в Англии характерна была оживлением политической экономии, большой экономической полемикой. В этот период «классовая борьба между капиталом и трудом была отодвинута на задний план, в политической области ее заслоняет борьба между феодалами и правительствами, сплотившимися вокруг Священного союза, и между руководимыми буржуазией народными массами; в экономической области ее заслоняет распря между промышленным капиталом и аристократическим землевладением». «В 1830 г. наступил кризис, которым все было решено одним разом. Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной экономики. Отныне для буржуазного экономиста вопрос заключается уже не в том, правильна или неправильна та или иная теорема, а в том, полезна она для капитала или вредна, удобна или не удобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастное научное изыскание заменяется предвзятой угодливой апологетикой»³³.

«Ученая перебранка о том, как выгоднее для накопления распределить вырванную у рабочих добычу между промышленным капиталом и праздным землевладением и т. д., смолкла перед июльской революцией (1830 г.). Вскоре после этого ударил в набатный колокол городской пролетариат Лиона и пустил красного петуха сельский пролетариат Англии. По эту сторону канала рос овенизм, по ту сторону его — сенсимонизм и фурьеризм. Тогда пробил час вульгарной политической экономии»³⁴.

Установленная Марксом непосредственная причинная связь существования классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией и характера буржуазной политической экономии дает ключ к правильному пониманию и современной нам буржуазной политической экономии. В эпоху крайнего обострения классовой борьбы пролетариата и буржуазии, в эпоху империализма, всеобщего кризиса капитализма не может быть и речи о научной буржуазной политической экономии. Современная буржуазная политическая экономия является вульгарной экономией, она не может быть иной в эпоху крайнего обострения классовых противоречий и борьбы, и поэтому не чем иным, как, в лучшем случае, полным непониманием основ марксизма-ленинизма, вообще метода марксистско-ленинской критики буржуазной политической экономии, являются так часто имевшие место у нас попытки некоторых «критиков» представить современную буржуазную политическую экономиию как научную экономиию. Такой апологетикой современной буржуазной политической экономии занимались у нас как вредители — Рубин Финн-Енотаевский, — так и некоторые «критики», как например Блюмин и др.

³³ М а р к с, Послесловие к I тому «Капитала».

³⁴ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 606.

В эпоху, когда классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией обострены и обнажены, научной может быть только политическая экономия, рассматривающая явления не с ограниченной точки зрения буржуа и его теоретика, а рассматривающая развитие экономической жизни с позиций пролетариата — класса, которому принадлежит будущее, который завоюет мир и перестроит его на новой основе. В эпоху развитой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией научной может быть только одна — только марксистско-ленинская политическая экономия.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс дают исчерпывающую характеристику классовой сущности социалистической и коммунистической литературы XIX в. В лице одной разновидности реакционного социализма, названного ими «феодалным социализмом» — течения «молодой Англии» и французских легитимистов — Маркс и Энгельс видят борьбу побежденной аристократии, английской и французской, против нового господствующего класса — буржуазии.

Маркс и Энгельс показали, что экономическая теория Сисмонди и его единомышленников — мелкобуржуазный социализм — представляет не что иное, как борьбу мелкой буржуазии против крупной.

Развернутую классовую характеристику Сисмонди и русских сисмондистов дал Ленин в борьбе с народниками. Ленин критикует поверхностное понимание Сисмонди экономической жизни, «ищущее объяснения хозяйственным процессам не в интересах различных групп, а в заблуждениях экономистов, писателей, правительств».

С исчерпывающей полнотой Ленин показал, что «...идеи народничества вообще — результат отражения интересов с точки зрения мелкого производителя, а вовсе не результат «чистой мысли»³⁵, что «Сущность народничества — представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа»³⁶.

В лице Прудона Маркс характеризует выразителя и представителя мелкого буржуа. Он показывает, как противоречивая, двойственная природа мелкого буржуа, его промежуточная роль, положение между крупным буржуа и трудящимся определяет собой и противоречивый, двойственный характер взглядов его теоретических представителей.

Подобно тому как слабым развитием классовых противоречий, классовой борьбы пролетариата и буржуазии Маркс объяснил возможность существования научной буржуазной политической экономии, а развитием этих противоречий и борьбы объяснил неизбежность превращения научной буржуазной политической экономии в вульгарную, подобно этому он объясняет так же и различные ступени в развитии социалистической политической экономии.

Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что возможность и необходимость создания научного социализма является результатом известной высокой ступени развития капитализма и его внутренних противоречий, развития классовой борьбы пролетариата и буржуазии. Они подчеркивают, что утопический социализм неизбежно является результатом, продуктом неразвитой борьбы классов, неразвитых классовых противоречий.

Так применяет Маркс к характеристике отдельных теорий свой тезис о классовом характере политической экономии.

³⁵ Ленин, Соч., т. I, стр. 244—245.

³⁶ Там же, стр. 271.

Политическая экономия, различные теоретические системы, отдельные экономические теории определяются экономическим бытием, которое есть бытие классовое. Но политическая экономия отнюдь не является пассивным результатом, простым отражением, зеркалом этого классового бытия. Из всего анализа Маркса и его прямых высказываний следует, что политическая экономия является орудием класса в борьбе с другим классом или другими классами. Она является следовательно активным моментом в борьбе классов. Совершенным непониманием основ метода марксовой критики политической экономии являются попытки рассматривать ту или иную буржуазную экономическую теорию простым отражением экономического бытия.

Наиболее характерным в этом отношении является объяснение Бухариным, Марецким и другими критиками социально-экономических корней одной разновидности современной вульгарной экономии — австрийской школы. Бухарин и Марецкий главное в этой школе видят в том, что она существенной чертой своей теории — субъективизмом, неисторической точкой зрения, приматом потребления — отражает соответствующие черты внутренней психологии капиталиста, рантье. Эта с первого взгляда кажущаяся сугубо классово-характеристика корней австрийской школы на самом деле является не чем иным, как абсолютным игнорированием действительного классового характера политической экономии — ее роли оружия в классовой борьбе. Сами буржуазные экономисты видят и нередко выбалтывают действительную классовую сущность теории австрийской школы, ее главную роль орудия в борьбе с марксовой теорией эксплуатации, являющейся могучим орудием в руках рабочего класса. «Секрет» недавних успехов австрийской школы обусловлен именно этой ролью. «Проникнув» в «душу» капиталиста-рантье и отыскав в этой «душе» «социальный эквивалент» теории австрийской школы, Бухарин и его последователи забыли о действительной классовой природе политической экономии. В политической экономии они видят зеркало психологии, а не орудие борьбы классов. Эта версия есть яркий образец механистического сведения политической экономии, являющейся одной из форм идеологии, к экономике, минуя определяющую роль классовой борьбы в формировании идеологии и ее различных форм. Таким же механистическим игнорированием классовой борьбы как решающего фактора в формировании политической экономии страдает и версия Блюмина — Атласа, видящая основное в современной буржуазной политической экономии в теоретическом якобы выражении ею политики цен капиталиста-монополиста, подобно тому как главное в теории классической школы будто бы заключалось в обосновании ею политики свободно-конкурционных цен.

Маркс и Ленин показывают нам, как надо учитывать «все определения», все связи и опосредствования при анализе той или иной экономической теории. «Диалектика Маркса... запрещает именно изолированное, т. е. одностороннее и уродливое искаженное рассмотрение предметов»⁸⁷.

Идеалистический отрыв политической экономии от определяющего ее основания — экономического классового бытия, рассмотрение политической экономии как имманентного саморазвития идей так же неправильно и вредно, как и другой, механистический подход, меха-

⁸⁷ Ленин, Крах II Интернационала, т. XVIII, стр. 262.

нистическое «сведение» политической экономии к экономическому бытию, минуя все опосредствующие звенья, минуя основное — классовый характер бытия, активную роль политики. Политическая экономия является идеологической надстройкой, и, как всякая другая надстройка, она определяется экономическим бытием. Но, как и всякая другая идеологическая надстройка, политическая экономия не может быть просто «сведена» к своему основанию — экономике. Определяющее влияние экономики на политическую экономию сказывается через классовую борьбу, через экономическую политику.

Маркс и особенно Энгельс категорически возражали против попыток приписать им утверждение о том, что все виды, формы надстроек определяются непосредственно и только экономикой. И в самом деле имеет место как взаимное влияние различных форм надстроек друг на друга, так и обратное влияние их на самую основу — экономику.

Маркс вскрывает не только определяющее влияние экономики на политическую экономию, но и показывает обратное воздействие политической экономии на экономику через экономическую политику, через законодательство. Политическая экономия определяется своей основой — экономикой — более непосредственно, чем другие формы идеологии, чем, скажем, философия или художественная литература, и, наоборот, из всех видов идеологии политическая экономия оказывает на экономику наибольшее обратное действие.

Маркс показал значение для политической экономии экономических теорий предыдущих эпох и соседних стран, показал развитие одних теорий из других, взаимное воздействие одних экономических теорий на другие.

Не все современные буржуазные историки политической экономии рассмотрели различные экономические политические системы, отдельных теорий, отдельных идей сводят только к логическому анализу их; не все они рассматривают экономические теории независимо, оторванно от экономического бытия. Буржуазные историки пытаются нередко найти корни рассматриваемых ими теорий в экономической действительности. Они могут даже признавать то или иное влияние классовой борьбы на политическую экономию. Однако такое «сведение» экономических идей к экономическому бытию само по себе еще не представляет действительно научной, материалистической критики.

Эти буржуазные историки, сами будучи вульгарными экономистами, понимают эту действительность извращенно, поверхностно. Их «сведение» экономических теорий к экономическому бытию является вульгарно-материалистической, метафизической «критикой». Только правильно понимая сущность капиталистического производства, можно правильно понять и буржуазные экономические теории и действительно научно, материалистически критиковать их.

Революционный характер марксовой критики

Политическая экономия (в узком смысле) начинается с критики остатков феодальных форм производства и обмена и заканчивается социалистической критикой капиталистического способа производства.

Физиократы и классики критиковали земельную аристократию и ее защитников; физиократы критиковали меркантилистов, классики—

физиократов и меркантилистов. Мелкобуржуазная политическая экономия, а также социалистическая и коммунистическая литература (до Маркса) критикуют классиков. Вульгарная политическая экономия критикует Маркса. Вся эта критика, полемика — выражение реальных противоречий, объективно существующего критического, враждебно-полемического отношения капитализма к феодализму, мелкой буржуазии к крупной, промышленной и торговой буржуазии к денежному капиталу, буржуазии к пролетариату.

Критический, полемический характер политической экономии обусловлен именно тем, что она есть наука классовая, что она является орудием борьбы классов.

Но критический, полемический характер марксовской политической экономии глубоко отличается от аналогичного качества буржуазной и мелкобуржуазной, научной буржуазной и вульгарной политической экономии и утопически-социалистической литературы.

Марксова политическая экономия есть критика капитализма и буржуазной политической экономии. Критика капитализма может быть разная: критика капитализма есть критика его противоречий. Однако история показала «самые разнородные приемы и способы критиковать противоречия капитализма»³⁸. Возможны, исторически существовали и существуют три способа критики капитализма: реакционная критика его, консервативная критика и критика революционная. Весь характер критики, цели, позиции, с которыми ведется критика в каждом из этих способов, совершенно различны. Реакционная критика капитализма — критика его в целях возврата назад, к докапиталистическим формам хозяйства; критика консервативная — критика недостатков капитализма с позиции самого капитализма, со стороны одной части буржуазных экономистов, желающих устранением недостатков капитализма обеспечить его прочность, вечность; и наконец критика революционная — критика капитализма с позиции класса, которому принадлежит будущее, критика во имя свержения капитализма, замены его более высокой формой производства. Маркс, Энгельс и Ленин оставили нам прекрасную характеристику этих различных способов критики капитализма. Реакционная критика капитализма бывает двоякая: критика капитализма земельной аристократией и критика капитализма с позиций мелкой буржуазии. Примером реакционной критики капитализма является критика его Мальтусом. Последний критикует капитализм с позиций земельной аристократии, защитником интересов которой он является. Мальтус критикует капитализм, показывает его противоречия, «с поповским удовольствием констатирует, разрисовывает и популяризует» дисгармонии капиталистического производства.

Маркс раскрывает смысл этого подчеркивания Мальтусом противоречий буржуазного производства. «Мальтус не заинтересован в том, чтобы скрыть противоречия буржуазного производства; наоборот, ему интересно их подчеркнуть, с одной стороны, чтобы доказать необходимость нищеты работающих классов (они необходимы для этого способа производства); с другой стороны, чтобы показать капиталистам, что откормленное духовенство и штат государственных служащих нужны для того, чтобы создать им необходимый спрос»³⁹.

Потерпев поражение в борьбе с буржуазией, английская и французская аристократия усиленно пишет памфлеты против буржуазного

³⁸ Ленин, т. II, стр. 50.

³⁹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, стр. 50.

общества. В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс дают прекрасную характеристику этой реакционной критики капитализма, «феодалного социализма»⁴⁰.

Другая разновидность реакционной критики капитализма — критика его с позиций мелкой буржуазии. Это — Сисмонди и весь мелкобуржуазный социализм вообще. Маркс и Ленин с исчерпывающей полнотой вскрыли реакционный характер критики капитализма Сисмонди. «Этот социализм прекрасно умел подметить противоречия современных условий производства. Он разоблачил мишурные прикрасы экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машины и разделения труда, концентрации капиталов и землеуладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелкой буржуазии и крестьянства, нищету пролетариата, анархию в производстве, вопиющие неправильности в распределении богатства, разорительную промышленную войну между собой, а равно и разложение старых нравов, старых семейных отношений, старых национальностей»⁴¹.

Маркс и Ленин подчеркивали неоднократно большое значение критики Сисмонди противоречий капитализма. Сисмонди — это, как пишет Маркс, с о м н е н и е буржуазной политической экономии в себе самой, это начало с а м о к р и т и к и буржуазного общества. Однако критика капитализма Сисмонди не есть результат того, что последний правильно понимает капитализм. Наоборот, Сисмонди не понимает капитализма и его противоречий. «Он метко о т м е ч а е т противоречия буржуазного производства, но он их не понимает и потому не понимает также процесса их разрешения»⁴².

Маркс и Энгельс подчеркивают реакционный и вместе с тем утопический характер мелкобуржуазного социализма. Последний стремится восстановить старое общество, старые средства производства и сношения, старые имущественные отношения, старается насильно удержать новейшие средства производства и сношения в рамках старых имущественных отношений. Весьма ярко характеризует отношение мелкобуржуазной политической экономии к противоречиям капитализма Ленин в своей критике Сисмонди и русских сисмондистов-народников. Ленин подчеркивает примитивный и вместе с тем сентиментальный характер критики капитализма мелкобуржуазным социализмом.

У Сисмонди не научный анализ, а «сентиментальные жалобы и сетования». Ленин жестоко критикует народников, которые в своей сентиментальной критике капитализма пользуются «заржавленным оружием романтизма», раскрывает истинный смысл — реакционный и утопический — этой сентиментальной критики капитализма народниками, которые «утилизируют свои указания на противоречия... лишь для добрых пожеланий»⁴³.

Реакционной критикой капитализма была также критика его немецким «истинными» социалистами (Карл Грюн и др.), представлявшими реакционные интересы немецкой мелкой буржуазии.

⁴⁰ Чтобы приобрести сочувствие, пишут Маркс и Энгельс, аристократия должна была сделать вид, что заботится уже не о своих собственных интересах, а составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса. Аристократия потрясала нищенской сумой пролетариев, как знаменем, чтобы собрать вокруг себя народ.

⁴¹ М а р к с и Э н г е л ь с, Коммунистический манифест, стр. 45.

⁴² М а р к с, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 49.

⁴³ Л е н и н, т. II, стр. 104.

Критику недостатков буржуазного общества в целях устранения их и тем самым упрочения существования буржуазного общества дает «консервативный, или буржуазный, социализм». Эти «консервативные социалисты» буржуазное общество считают лучшим из миров, желают лишь устранить бедствия, чтобы упрочить существование буржуазного общества. Они «хотят сохранить основные условия современного общества, устранив борьбу и опасности, составляющие необходимое их следствие. Они хотят иметь современное общество без революционизирующих и разлагающих его элементов. Они хотят буржуазию без пролетариата»⁴⁴.

В «Нищете философии» Маркс весьма ярко характеризует различное отношение буржуазных экономистов к действительности. По мере развития антагонистического противоречия буржуазного производства образуются различные школы — фаталистическая, потом гуманитарная и наконец филантропическая. Каждая из этих школ отличается от другой характером своего отношения к капитализму, к основным классам, к противоречиям буржуазного производства.

Экономисты-фаталисты «так же индифферентны в своей теории к тому, что они называют неудобствами буржуазного производства, как сами буржуа нечувствительны на практике к страданиям пролетариев, с помощью которых они приобретают свои богатства».

Фаталистическая школа, пишет Маркс, имеет своих классиков и своих романтиков. Классики, как например Смит и Рикардо, являются представителями того периода развития буржуазии, когда она находилась еще в борьбе с остатками феодального общества, стремилась лишь очистить экономические отношения от феодальных пятен, развить производительные силы, придать новый размах промышленности и торговле. «Задача экономистов вроде Адама Смита и Рикардо... состоит лишь в том, чтобы уяснить, каким образом приобретается богатство при буржуазных производственных отношениях, формулировать эти отношения в виде законов и категорий и показать, насколько эти законы и категории удобнее для производства богатств, чем законы и категории феодального общества. В их глазах нищета является лишь болезнью, сопровождавшей всякое рождение как в природе, так и в промышленности»⁴⁵.

«Когда противоречия между буржуазией и пролетариатом развились, когда нищета порождается в таком же огромном изобилии, как и богатство, «тогда экономисты разыгрывают из себя разочарованных фаталистов, с высоты своего величия бросающих презрительный взгляд на те машины в человеческом образе, трудом которых создается богатство. Они подражают всем приемам своих предшественников, но индифферентизм, бывший у тех наивностью, у этих становится кокетством».

«Затем является гуманитарная школа, принимающая близко к сердцу дурную сторону современных производственных отношений. Для успокоения своей совести она старается по возможности сгладить существующие контрасты: она искренне оплакивает бедствия пролетариев и ожесточенную конкуренцию между буржуа, она советует рабочим быть умеренными, хорошо работать и родить поменьше детей. Она предлагает буржуазии умерить свой производственный пыл. Вся теория этой школы состоит в бесконечных различиях между теорией и практикой, между идеей и ее приложением, между содер-

⁴⁴ Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, стр. 49.

⁴⁵ Маркс, Нищета философии, стр. 119.

жанием и формой, между сущностью и действительностью, между правом и фактом, между хорошей и дурной стороной».

И наконец — филантропическая школа, которая является усовершенствованной гуманитарной школой. «Она отрицает необходимость антагонизма. Она хочет всех людей превратить в буржуа, она хочет осуществить теорию, поскольку эта теория отличается от практики и не содержит в себе антагонизма». Филантропы «хотят сохранить категории, выражающие собой буржуазные отношения, и устранить тот антагонизм, который неотделим от этих категорий, т. е. составляет их сущность. Филантропам кажется, что они серьезно борются против буржуазной практики, между тем как сами они буржуазны более, чем кто бы то ни было». Данная Марксом квалификация различных типов отношения буржуазных экономистов к буржуазной действительности является чрезвычайно важной для правильного понимания действительного лица отдельных экономистов, отдельных школ как прошлого, так и нынешнего времени.

В современной политической экономии имеются представители всех различных направлений, обрисованных Марксом, начиная с романтиков и кончая филантропами, кроме разве представителей того наивного индифферентизма, который характерен был для классиков и который исчез вместе с развитием капитализма и его противоречий. Как и основоположники марксизма, Ленин прекрасно умел разоблачать классовую сущность современных буржуазных экономистов, скрытую под той или иной романтической или филантропической маской.

Критическим по отношению к капитализму был и утопический социализм. Критика капитализма социалистами-утопистами коренным образом отличается от критики капитализма феодальным социализмом, мелкобуржуазным социализмом, «истинным социализмом», консервативным, или буржуазным, социализмом. Утописты-социалисты критикуют буржуазное общество и отрицают его во имя высшего, во имя социализма. Маркс и Энгельс подчеркивают большое значение критики капитализма социалистами-утопистами. Своей критикой «они затрагивают все основания существующего общества. Они поэтому доставили драгоценный материал для просвещения рабочих»⁴⁶.

По критика их не есть научная критика. Условия замены буржуазного производства они ищут не в нем самом, не в создании развитием самого капитализма, его противоречий, условий его гибели, а вовне, в добрых чувствах, благожелательном отношении к этому новому строю богатых и властных личностей.

Классическая политическая экономия в лице Смита и Рикардо формулирует существующие общественные противоположности и противоречия. Классики наивно обрисовали антагонизм производственных отношений буржуазного общества.

«Рикардо, — пишет Маркс, — открывает, формулирует экономическое противоречие классов — как его обнаруживает внутренняя связь, — и таким образом в экономии формулируется, открывается историческая борьба в процессе развития в его корнях. Поэтому Кери доносит на него как на отпа коммунизма»⁴⁷.

Классическая школа открыла закон стоимости и основное деление общества на классы. В теории Рикардо реальные противоречия

⁴⁶ Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, стр. 52.

⁴⁷ Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, стр. 11.

получают теоретически ясное, хотя и не осознанное выражение. Это обусловило возможность того, что социалистическая и коммунистическая литература 20-х годов прошлого столетия критикует капитализм, исходя из теории Рикардо, опираясь на эту теорию; эта литература «повернула теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата против капиталистического производства; побивала буржуазию ее собственным оружием» (Энгельс).

Мы видим, что с самых ранних ступеней развития капитализма начинается и критика его. В условиях неразвитой классовой борьбы критика утопистами-социалистами имела революционизирующее значение. Но действительно революционной критикой капитализма является только марксова критика, критика капитализма научным социализмом. По отношению к капиталистическому производству (и остаткам докапиталистических форм хозяйства) только марксова политическая экономия явилась революционно-критической. Подобно тому как критика классической школы была выражением, орудием критики феодализма капитализмом, подобно этому марксова политическая экономия является выражением и орудием критики капитализма новым, более прогрессивным строем общественного производства — коммунизмом.

Социалисты-утописты искали движущую силу, способную заменить один общественный порядок другим, более высоким, не в самом капитализме, его противоречиях, а вне, в настроениях, симпатиях богатых, высокопоставленных лиц. Маркс движущую силу общественного развития видит в противоречиях самого капитализма, а субъектом, призванным преобразовать основанное на неравенстве и угнетении одних другими капиталистическое общество в новое, более высокое, признает не общество в целом, не отдельных личностей, а самый угнетенный класс капиталистического общества — пролетариат.

Маркс неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое выводит из экономического закона движения капиталистического общества.

Маркс в противоречии капиталистического производства видит источник самодвижения его, его двигательную силу. Он показал эту роль противоречия во всей конкретности, начиная с противоречий в клеточке буржуазного общества — товаре; он изложил рост, движение этих противоречий от самого начала и до конца. Маркс выявил революционную роль пролетариата, развитие самого капитализма, призванного стать могильщиком последнего.

Мы видим таким образом совершенно различное понимание и различное отношение к противоречиям капитализма у Маркса и всех его предшественников — буржуазных экономистов и социалистов. Различный способ критики капитализма есть выражение различного отношения к капитализму различных классов.

Материалистическая диалектика, пишет Маркс, в позитивное понимание существующего «включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, так как она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»⁴⁸.

⁴⁸ Послесловие ко второму изданию I тома «Капитала».

Диалектика «критична и революционна», поэтому критически-революционный характер внутренне присущ марксовой политической экономии, методом своим имеющей материалистическую диалектику. Критический характер марксовой политической экономии — критика Марксом капитализма и буржуазной политической экономии — обусловлен историческим развитием самого капитализма, революционной критикой коммунизмом капитализма, пролетариатом — класса буржуазии.

Ленин подчеркивает эту внутреннюю, объективную обусловленность критического и революционного характера марксовой политической экономии.

«Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая революционная». И это последнее качество действительно присуще марксизму всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией»⁴⁹.

Ленин подчеркивает, что критический, полемический характер марксовой политической экономии есть лишь научное выражение критического, полемического характера самого капитализма, критического, полемического отношения классов внутри этого капитализма. «Полемический характер» носит «система Маркса» не потому, что она «тенденциозна», а потому, что она дает точное изображение в теории всех противоречий, которые имеют место в жизни». «Полемический характер» системы есть лишь точное отражение «полемического характера» самого капитализма»⁵⁰.

Марксова критика — материалистична и революционна. «Заметьте, — пишет Ленин по поводу слов Маркса, что диалектика по самому существу своему критична и революционна, — заметьте, что Маркс говорит здесь о материалистической критике, которую только и считает научной, т. е. критике, сопоставляющей политико-юридические, социальные, бытовые и другие факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве всех антагонистических общественных отношений».

Для Маркса и Ленина критиковать какую-либо экономическую теорию значит прежде всего понять, какая экономическая действительность вызвала эту теорию, показать, что эта теория неправильно отражает действительность, и вместе с тем показать, чьи классовые интересы защищает эта теория.

Маркс вместе с тем дает конечно критику и внутренней логики рассматриваемой теории, например показывает, что является исходным в неправильных суждениях того или иного экономиста, показывает, как неправильное решение одной проблемы неизбежно при наличии логической последовательности ведет к неправильному решению других, связанных с этой проблем. Так например, Маркс показывает, какое огромное значение для всех последующих суждений Рикардо

⁴⁹ Ленин, Соч., т. I, стр. 218.

⁵⁰ Ленин, Соч., т. II, стр. 413—414.

имеет непонимание им двойственной природы труда, создающего товар, так как именно на этой теории о двойственном характере труда покоится в се понимание фактов. Маркс неоднократно подчеркивает, что непонимание Рикардо характера труда неизбежно повлекло за собой и непонимание сущности денег и т. д. Маркс указывает, какое огромное значение для всех суждений классиков имеет неумение их рассматривать прибавочную стоимость независимо от ее особенных форм, как прибыль, процент, земельная рента и т. д., постоянное смешение классиками особых форм с их общей формой. Маркс показал, какое значение для всей теории классиков имеет неумение правильно попятить капитал, деление его на постоянный и переменный, деление, которое «дает, — как пишет Энгельс, — ключ для решения самых запутанных экономических проблем». Маркс показывает все неизбежные последствия, вытекающие из ложной самой по себе догмы Смита о распадении стоимости общественного продукта на доходы. Таких примеров вскрытия Марксом внутренней логики ошибок критикуемых им экономистов можно было бы привести сколько угодно. Но необходимо отметить, что Маркс, показывая логические корни рассматриваемой ошибки, ее обусловленность, предопределенность предшествующими ошибками, не ограничивается этим, а ищет объективную экономическую, классовую обусловленность данной ошибки. Свой критический анализ, критику внутренней логики рассматриваемой ошибочной теории Маркс ведет все время параллельно классово-экономическому анализу этой теории. Маркс показывает например, что правильного, ясного понимания классиками прибавочной стоимости не может быть потому, что они неправильно понимают природу труда, создающего товар. И в то же время Маркс подчеркивает, что правильного понимания природы прибавочной стоимости у классиков не могло быть уже потому, что они — буржуазные экономисты, и классовый инстинкт мешает им раскрыть действительную тайну эксплуатации. Другой пример: у Рикардо неправильная теория ренты (отрицание им абсолютной ренты) находится в непосредственной логической увязке с неправильным пониманием стоимости, отождествлением стоимости с ценой производства. Ошибочное отождествление Рикардо стоимости с ценой производства исключает для него возможность правильного понимания ренты. И это Маркс неоднократно подчеркивает. Но в то же время Маркс вскрывает, какая экономическая действительность породила эту теорию, и показывает, что отрицание Рикардо частной собственности на землю наихудшего участка и тем самым отрицание абсолютной ренты обусловлено особенностями развития капитализма в сельском хозяйстве Англии. Этот прием критики вообще характерен для Маркса. Всякие теории он сопоставляет прежде всего с действительностью, в последней ищет критерий правильности теории и в то же время показывает внутреннюю логическую обоснованность этой теории, ее ошибок другими ошибками данного экономиста.

Совсем иначе подходят к буржуазной политической экономии социал-фашисты и следующие по их стопам некоторые наши формалисты — «критики», всю суть критики, основное в ней видящие именно в этой логической стороне рассматриваемых теорий их внутренней несостоятельности. Материалистическая революционная критика подменяется здесь критикой формалистической. У Маркса формально-логическая критика является моментом его материалистической, классовой критики.

У Маркса можно указать и другие разновидности формально-логи-

ческой критики, например вскрытие внутренней непоследовательности, противоречивости в суждениях критикуемого автора и т. д.

Применение марксова метода критики политической экономии и дальнейшее развитие революционно-критического метода Маркса дает В. И. Ленин. Ленин оставил нам прекрасные образцы революционной критики буржуазной политической экономии, мелкобуржуазной (Сисмонди и русские народники) и ревизионизма. Ленин вел непримиримую борьбу как с открыто буржуазной экономией, так и с оппортунизмом в рядах партии.

Ленинская критика Сисмонди и русских сисмондистов является продолжением и дальнейшим развитием революционной критики мелкобуржуазной экономии Марксом. Ленин много критиковал буржуазных и ревизионистских экономистов. Стоит вспомнить его развернутую критику буржуазной и ревизионистской теории ренты и аграрного вопроса, теории воспроизводства и кризисов, теории империализма.

Ленин развил дальше критический и революционный метод Маркса. Тов. Сталин пишет: «Учение Маркса в существе своем критично и революционно...» «Именно этот критический и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики»⁵¹.

Все основные моменты марксовой критики буржуазной политической экономии мы видим и в ленинской критике. Иначе оно и не может быть, так как ленинизм есть не что иное, как марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, есть дальнейшее развитие марксизма.

Прекрасным образцом революционной критики Лениным буржуазной политической экономии является и его критика Струве. С исчерпывающей полнотой и ясностью Ленин показывает классовые корни того «издевательства над наукой», которое имеет место в «научных» трудах этого апологета капитализма. Критика Сисмонди и русских народников, критика Булгакова, Тугана, Давида, Струве, критика ревизионистов и оппортунистов, рядящихся в маску марксизма,— это огромное полотно ленинской критики требует внимательного специального изучения.

Критика политической экономии, как и всякой иной науки, может быть двоякая. Она может быть или отбрасыванием критикуемой теории, простым отрицанием ее, или, наоборот, дальнейшим развитием имеющегося правильного в критикуемой теории, исправлением ее, устранением ее слабых, ошибочных моментов. Различие этих двух способов критики можно видеть на примере критики гегелевской системы Фейербахом и Марксом. «Фейербах,—пишет Энгельс,—только разбил и отбросил в сторону гегелевскую систему. Но объявить данную философию ошибочной еще не значит справиться с нею». Гегелевскую философию «надо было «снять» в ее собственном смысле,

⁵¹ «Об основах ленинизма», стр. 19.

т. е. критика должна была уничтожить ее форму, сохранив добытое ею содержание»⁵².

В конспекте «Логики» Гегеля Ленин пишет: «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической чем с диалектико-материалистической точки зрения, поскольку он лишь отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий»⁵³.

То или иное из двух рассмотренных отношений к критикуемой теории определяется конечно прежде всего качеством критикуемой теории и, во-вторых, качеством самой критики. Ясно, что резко отрицательное отношение к какой-либо вульгарной теории или школе не есть еще вульгарно-материалистическая критика. В интересующей нас здесь области речь может и должна идти прежде всего о характере марксовой критики классической политической экономии.

Марксова критика научной буржуазной политической экономии есть диалектико-материалистическая критика; Маркс не просто отрицает теорию классической школы, а исправляет, углубляет, расширяет ее. Можно сказать, что, подобно тому как гегелевская философия в марксовой существует в снятом, т. е. сохраненном и в то же время развитом виде, политическая экономия классической школы существует в марксовой в снятом виде.

Теоретики II Интернационала вместе со всей сущностью метода и теории Маркса отбросили и революционный характер марксовой критики.

Совершенно искаженное толкование Маркса как историка политической экономии, как критика ее дает Гильфердинг в статье «Историческая подготовка политической экономии Маркса».

Исходя из чисто субъективного, идеалистического понимания диалектического метода, приложение которого Марксом следует будто бы искать «не в изображении реальных классовых противоречий», а «в способе образования и изложения логических понятий»^{53а}. Гильфердинг дает совершенно ложную характеристику Маркса как творца пролетарской и как критика буржуазной политической экономии.

Гильфердинг совершенно выхолащивает революционную сущность, материалистическую диалектику из учения Маркса. В «обработке» маститого социал-фашиста Маркс выставлен перед читателем как «историк» и «критик», рассматривающий предшествующих ему экономистов с идеалистической позиции Маха.

Эрнст Мах описывает развитие науки как приспособление мыслей к фактам и приспособление мыслей друг к другу. Приспособление мыслей к фактам есть биологическая необходимость, условие человеческого существования, в котором наука также является одним из орудий в борьбе за существование... Приспособление же мыслей друг к другу есть логическая функция нашего мышления, вытекающая из его природы, это — следствие и одновременно причина «экономии мышления», оно хочет упорядочить все явления самым экономным способом, при помощи возможно меньшего числа понятий, оно стремится понять всю полноту действительности при помощи возможно

⁵² Соч., т. XIV, стр. 643.

⁵³ «Ленинский сборник» IX, стр. 197.

^{53а} Сборник «Основные проблемы политэкономии», изд. 3-е, стр. 176.

меньшего числа законов»^{53б}. Гильфердинга «приспособление мыслей друг к другу есть двигатель научного прогресса, вытекающий из природы самого мышления и из стремления к единству познания»^{53в}.

И этот метафизический «принцип» Гильфердинг приписывает Марксу.

В «обработке» Гильфердинга Маркс превратился в абстрактного схоласта, кропотливо рассматривающего, как у того или иного буржуазного экономиста мысли «взаимно согласованы друг с другом», «приспособлены друг к другу», насколько тот или иной экономист достиг осуществления вечного принципа «экономии мышления», насколько, с другой стороны, тем или иным экономистом осуществлена «биологическая необходимость», — «приспособление мыслей к фактам». С точки зрения этого «принципа» сама теория Маркса является следовательно не чем иным, как наиболее «экономной» и «биологически приспособленной» теорией.

Гильфердинг усердно причисляет Маркса под формальность, выпячивая на первый план и считая основным в марксовых «Теориях прибавочной стоимости» логическую критику Маркса буржуазной экономии.

В эпоху глубочайшего обострения противоречия капитализма, высочайшего развития классовой борьбы оппортунисты II Интернационала пропагандируют общность интересов, идею мирного сожительства, кооперации классов как в экономике, политике, так и в теории. Каутский, Гильфердинг «критикуют» буржуазных экономистов, по уши сами погрязши в механизме и идеализме, в буржуазной лженауке. Критика Каутским и Плехановым Родбертуса, критика Гильфердингом Бем-Баверка, Петри ведется с механистических и идеалистических позиций. Эти «критики» усердно марксизируют Родбертуса, критикуют австрийцев с позиций буржуазной методологии социальной школы. В предисловии к I тому «Теорий прибавочной стоимости» Каутский в 1904 г. писал, что «не только социалисты, но и буржуазная политическая экономия должны быть глубоко благодарны Марксу. Если наиболее одаренные представители молодого поколения буржуазных экономистов поднялись выше понятий вульгарной политической экономии 50 и 60-х годов, то это должно быть приписано элементам, заимствованным ими у Маркса». «Мыслящие элементы буржуазной политической экономии, — по словам Каутского, — начинают возвращаться к классической политической экономии, но уже не затем, чтобы просто принимать и провозглашать ее рассуждения, а для того, чтобы критически углубить ее» (там же).

Мы видим здесь полный отказ Каутского от революционного метода Маркса. Для эпохи империализма Каутский признает возможным существование научной буржуазной политической экономии, которая, минуя марксову политическую экономию как завершение, революционную переработку и развитие теории классиков, занимается критическим углублением последней. Мирное сотрудничество пролетарской науки с буржуазной наукой — что может быть пошлее подобных откровений этого «литературного душеприказчика» Маркса! Через два десятка лет после того, как этот филистер призывал современных буржуазных экономистов к сотрудничеству с марксистами, призывал лакеев капитализма «благодарить» Маркса за помощь в их

^{53б} Сборник «Основные проблемы политэкономии», изд. 3-е, стр. 183.

^{53в} Там же, стр. 184.

работе по «углублению» классиков, другой лакей буржуазии, реставратор капитализма Рубин призывает в свою очередь марксистов б л а г о д а р и т ь, выявить признательность Штольцману, Шпанну, Петри, ныне якобы развивающим и углубляющим дальше научную политическую экономию и углубляющим метод Маркса.

До такого маразма дошел II Интернационал в забвении, пренебрежении основ марксовой политической экономии, в забвении классового характера науки, роли ее в борьбе пролетариата и буржуазии.

Рубин много занимался «критикой» современной буржуазной политической экономии. На самом деле «критика» эта есть не что иное, как совершенно законченная а п о л о г е т и к а современной буржуазной политической экономии. II Интернационал дал за время своего существования много ярких примеров, образцов своей по сути б у р ж у а з н о й критики современной буржуазной политической экономии, все более и более переходя и в настоящее время твердо стоя на позиции критики уже не буржуазной политической экономии, а марксизма.

Ленин полностью сохранил и развил дальше революционный и критический характер марксизма. Только большевистская партия и Коминтерн во главе с вождем т. Сталиным неуклонно продолжают сейчас марксо-ленинское дело революционной критики капитализма и его «ученых» лакеев, критики теоретической и п р а к т и ч е с к о й.

Рубинский, меньшевистский, в духе II Интернационала способ «критики» буржуазной политической экономии имел у нас распространение. Вспомнить хотя бы беззубую «критику» современной буржуазной политической экономии в «трудах» Блюмина, «критику», на деле явившуюся не чем иным, как апологией современной буржуазной политической экономии. Основательное изучение марксо-ленинского метода революционной критики поможет разоблачить буржуазную и социал-фашистскую контрабанду, нередко выступающую нагло под защитным цветом «критики», поможет избежать ошибок тем, кто искренне стремится критиковать буржуазную экономию так, как критиковали ее Маркс и Ленин.

Маркс и Ленин о партийности политической экономии

«В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее развития, политической борьбой. Самым цельным, полным, оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий» — писал Ленин⁵⁴.

Партия — высшая форма организации класса, его авангард.

Партийность есть сознательное выражение и организованная, активная защита интересов определенного класса. Чем больше развивается борьба классов, тем больше развивается и партийность. «Строгая партийность есть спутник и результат высоко развитой классовой борьбы»⁵⁵.

В классовом обществе не может быть нейтральных, воздерживающихся от классовой борьбы. Речь может идти о сознательном или бессознательном, активном или пассивном участии в этой борьбе.

«Беспартийность есть равнодушие к борьбе партий. Но это равнодушие не равняется нейтралитету, воздержанию от борьбы, ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных, «воздержаться» нель-

⁵⁴ «Социалистическая партия и беспартийная революционность», т. VIII, стр. 415.

⁵⁵ Там же, стр. 412.

зя в капиталистическом обществе от участия в обмене продуктов или рабочей силы. А обмен неизбежно порождает экономическую борьбу, а вслед за ней и борьбу политическую. Равнодушие к борьбе отнюдь не является поэтому на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует».

«Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, пассивное, прикрытое выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров. Беспартийность есть идея буржуазная, партийность есть идея социалистическая»⁵⁶.

Буржуазия в своей борьбе — сначала с феодализмом, потом с рабочим классом — прикрывается флагом беспартийности. Идея беспартийности характерна для эпохи буржуазной революции. Беспартийность, писал Ленин в 1905 г., есть выражение буржуазного характера нашей революции.

В обществе с развитой классовой борьбой всякая наука и прежде всего общественная неизбежно является наукой партийной. Партийность науки в классовом обществе с особенной силой подчеркивает Ленин и особенно в отношении политической экономии и философии. Принцип партийности науки является одним из основных принципов марксизма. Наука марксистская сознательно включает партийность в качестве одного из своих главнейших моментов, тогда как буржуазная наука, будучи по существу партийной, всячески маскирует этот свой характер и выступает под флагом вечной, надклассовой, беспартийной науки. Критикуя объективизм Струве, Ленин пишет: «Материализм включает в себя.. партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»⁵⁷.

Отсутствие партийности в критике Струве народников Ленин видит в том, что Струве не выполняет основного требования марксизма — сведения общественных идей к общественно-экономическим отношениям, — не сводит рассматриваемые им теории к классам и классовым интересам, вообще игнорирует классовые противоречия, критикует народников не с точки зрения передового, наиболее прогрессивного класса, а с надклассовой точки зрения. Ленин отмечает абстрактность рассуждений Струве, игнорирование конкретного процесса, созерцательно-пассивное отношение Струве к действительности. «...Насчет дифференциации... Струве в своих «Критических заметках» глубокомысленно рассуждал: есть дифференциация, есть нивелировка, для объективного исследователя это процессы равной важности (как для щедриновского объективного историка было все равно — Изяслав Ярослав побил, или Ярослав Изяслава). Есть развитие крупного фабричного производства, но есть и развитие капиталистической работы на дому...» «Объективный» ученый должен старательно собирать фактики, отмечать «с одной стороны» и «с другой стороны» и переходить (подобно гетевскому Вагнеру) от книги к книге, от листа к листу», отнюдь не посягая на то, чтобы составить себе последовательные взгляды, выработать общее представление о всем процессе в его целом»⁵⁸.

⁵⁶ «Социалистическая партия и беспартийная революционность», т. VIII, стр. 415—416; разрядка моя.

⁵⁷ «Экономическое содержание народничества», т. I, стр. 276.

⁵⁸ Ленин, Аграрный вопрос и критики Маркса, т. IV, стр. 249—250.

От вульгарного объективизма Струве, на деле сводящегося к замаскированной защите существующего буржуазного способа производства, нужно строго отличать действительный объективизм классической политической экономии и объективизм Маркса, Энгельса и Ленина. Научный объективизм означает, что теория адекватно действительности вскрывает экономическую структуру общества, классы и классовую борьбу в этом обществе, процессы, в нем происходящие. Этот научный объективизм вполне совместим с партийностью, больше того, партийность является условием действительного объективизма, но не всякая партийность, а партийность класса, являющегося в данном обществе самым передовым, самым революционным. Научная буржуазная политическая экономия классиков была и объективной в научном смысле и партийной наукой. Но такой она могла быть только до определенной ступени развития антагонизма и классовой борьбы пролетариата и буржуазии. С развитием классовой борьбы между ними буржуазная политическая экономия продолжает быть партийной, она сознательно и активно защищает интересы класса буржуазии против класса пролетариата. Но объективной в действительном смысле слова, в смысле адекватности выражения объективной действительности, она уже не может быть.

Действительно объективной, т. е. научно правильно, адекватно отражающей объективную действительность, и в то же время глубоко партийной, т. е. сознательно и активно содействующей выполнению объективно обусловленной исторической роли революционного класса — пролетариата — в эпоху развитой классовой борьбы, может быть только одна — марксистско-ленинская политическая экономия.

Прекрасную характеристику полной совместимости действительной объективности в научном исследовании и партийности дает Ленин по поводу «довода» Михайловского, что марксистам как людям, гордящимся своим объективизмом, сердиться не полагается.

«...Одним из замечательнейших образцов неумолимой объективности в исследовании общественных явлений справедливо считается знаменитый трактат о «Капитале». И однако в редком научном трактате вы найдете столько «сердца», столько горячих и страстных полемических выходов против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые, по убеждению автора, тормозят общественное развитие. Писатель, с неумолимой объективностью доказавший, что воззрения, скажем, Прудона, являются естественным, понятным, неизбежным отражением взглядов и настроений французского *petit bourgeois* (мелкого буржуа — А. П.), тем не менее с величайшей стойкостью, с горячим гневом «накидывался» на этого идеолога мелкой буржуазии. Не полагает ли г. Михайловский, что Маркс тут «противоречит себе»? Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве этой действительности отношений между различными классами, — то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это «не полагается». Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек не может не становиться на стороне того или другого класса, раз он понял их взаимоотношения, не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчаться его неудачам, не может не негодовать на тех, кто враждебен

этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением остальных воззрений и т. д. и т. д.»⁵⁹.

Ведя борьбу с вульгарным объективизмом, Маркс и Энгельс в то же время ведут борьбу и с другой разновидностью вульгарной политической экономии — субъективизмом.

Ленин ведет борьбу с вульгарным объективизмом Струве и субъективизмом народников.

Для буржуазной политической экономии характерно отрицание партийности науки, в том числе и политической экономии. Свою политическую экономию буржуазные экономисты стараются представить как чистую науку, стоящую выше политики, выше житейских интересов⁶⁰.

Маркс и Ленин вскрыли апологетический характер уверений буржуазных экономистов о беспартийности, нейтральности своей науки и обвинений Маркса в тенденциозности, пристрастности, классовой ограниченности... «Беспристрастной социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но вся казенная и либеральная наука защищает наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросах о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»⁶¹.

Буржуазная идея о беспартийности науки целиком воспринята теоретиками II Интернационала. Еще «отец» ревизионизма Бернштейн выдвинул требование «строгого отграничения области науки от партии». Плеханов также разделял буржуазный принцип беспартийности науки⁶². Теоретики II Интернационала отрицают и классовый характер науки.

Из всех наук политическая экономия более всех других затрагивает непосредственные интересы людей.

«В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с которыми оно имеет дело в других областях. По самому характеру обрабатываемого материала политическая экономия вызывает по отношению к себе самые яростные, самые мелочные, самые непримиримые проявления человеческой ненависти, она пробуждает фурий частного интереса. Так, высокая английская церковь скорее простит нападки на ^{39/39} членов ее символа веры, чем нападки на ^{1/39} ее денежного дохода»⁶³.

Буржуазные экономисты большей частью сознательно относятся к своей роли выразителей, защитников интересов своего класса. Нередко однако буржуазные экономисты создают иллюзию в вопросе

⁵⁹ Л е и н, От какого наследства мы отказываемся, т. II, стр. 335; разрядка Ленина.

⁶⁰ «Интересы различны, но истина одна... Не существует двух политических экономий — буржуазной и социалистической, а есть одна наука о народном хозяйстве, правда, еще очень несовершенная и потому распадающаяся на несколько направлений, различия между которыми хотя и важны, но не настолько, чтобы для объективной и потому единой науки не оставалось места... Невзирая на различие классовых интересов, объективная и единая наука прокладывает себе путь, следуя своим собственным логическим законам развития и повинаясь одному закону — истине» (Т у г а н-Б а р а н о в с к и й, Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма, стр. 202).

⁶¹ Л е н и н, Три источника, три составных части марксизма, т. XVI, стр. 349.

⁶² Критикуя Бернштейна, он пишет: «Партийная наука», строго говоря, невозможна, но к сожалению, очень возможно существование «ученых», проникнутых духом партии, классовым эгоизмом» («Сант против Канта», Соч., т. IX, стр. 60).

⁶³ М а р к с, Предисловие к первому изданию I тома «Капитала».

о своей роли, в которую верят сами и верить которой заставляют других ⁶⁴.

По вопросу об отношении между политическими и литературными представителями класса и классом, который они представляют, Маркс пишет следующее:

«Было бы ограниченностью думать, будто мелкая буржуазия сознательно стремится отстоять эгоистический классовый интерес. Наоборот, она понимает, что частные условия ее освобождения — вместе с тем общие условия, при которых единственно может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Точно так же не следует думать, что все демократические представители — shopkeepers (лавочники) или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от лавочников, как небо от земли. Их делает представителями мелкой буржуазии то, что их мысль не выходит за пределы жизненной обстановки мелкой буржуазии, что они поэтому теоретически приходят к тем же задачам и решениям, к которым мелкий буржуа приходит практически, благодаря своим материальным интересам и своему общественному положению. Таково вообще отношение между политическими и литературными представителями класса и классом, который они представляют» ⁶⁵.

Ленин также подчеркивает этот характер отношения буржуазных экономистов к своему классу.

Он пишет, что Сисмонди нигде не защищает мелких буржуа, «он хочет стоять на точке зрения трудящихся классов вообще, он выражает свое сочувствие всем представителям этих классов, он радуется например фабричному законодательству, он нападает на капитализм, показывает его противоречия» (80) и тем не менее он — мелкий буржуа, так как «он не понимает связи между мелким производством (которое идеализирует) и крупным капиталом (на который нападает)», «он не видит, как излюбленный им производитель, — крестьянин — становится в действительности мелким буржуа» ⁶⁶.

То же самое и русские народники, идеализирующие мелкое производство, не умеющие рассмотреть в нем мелкобуржуазного производства. Но дело от этого не меняется.

Все буржуазные экономисты являются защитниками буржуазного производства. Это Маркс, а позже Ленин настойчиво подчеркивают. Но Маркс и Ленин строго различают два вида апологии капитала — научную защиту его классической школой и апологетику его вульгарной политической экономией. Маркс подчеркивает неоднократно апологетический характер политической экономии классической школы, но вместе с тем всегда подчеркивает особый характер этой апологии. Не желая давать материала для всякого рода «пачкунов» — вульгарных «критиков», — Маркс иногда не выпячивает апологетический характер классической политической экономии, чтобы

⁶⁴ Как Маркс писал о физиократах: «этикетка системы отличается от этикетки других товаров между прочим тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца. Сам Кэне, его ближайшие ученики верили в свою феодальную вывеску, подобно тому как наши школьные ученые верят в нее до сих пор. В действительности же система физиократов является первой систематической концепцией капиталистического производства», («Капитал», т. II, стр. 343).

⁶⁵ Маркс, 18 брюмера.

⁶⁶ Ленин, т. II, стр. 80.

резче подчеркнуть огромное различие в этом отношении между классической школой и вульгарной политической экономией⁶⁷.

Рикардо защищает буржуазное производство, но защищает его как высшую по сравнению с феодализмом форму производства. Критерием для него служат интересы развития производительных сил.

«Если понимание Рикардо в общем соответствует интересам промышленной буржуазии, то только потому, что ее интересы совпадают с интересами производства или производительного человеческого труда и постольку, поскольку совпадают. Где интересы развития производительной силы труда вступают в противоречие с интересами буржуазии, Рикардо столь же прямолинейно выступает против буржуазии, как в других случаях против пролетариата и аристократии»⁶⁸.

«Накопление ради накопления, производство ради производства — этой формулой классическая политическая экономия выразила историческое призвание буржуазного периода».

Для Маркса, как и для Ленина, высшим критерием является также развитие производительных сил. Но какая глубокая разница в подходе к этому критерию у классиков, с одной стороны, и у Маркса, Энгельса, Ленина — с другой. Кругозор Рикардо ограничен буржуазным производством, у Рикардо нет исторического понимания прошлого и будущего, он живет преходящим историческим моментом своего времени. Для Маркса, Энгельса и Ленина развитие производительных сил, развитие их в капиталистической форме не есть абсолютная форма и конечная, не есть самоцель, а лишь неизбежная историческая ступень в подготовке нового общественного строя — коммунизма. Маркса, Энгельса и Ленина развитие производительных сил интересует как развитие противоречий в капиталистическом производстве, создание в нем условий для перехода к новому экономическому строю.

Необходимо различать научный объективизм двух видов: один объективизм научный буржуазный — объективизм Смита, Рикардо, просветителей на Западе и в России; этот объективизм — ограниченный, революционный по отношению к феодализму, но консервативный по отношению к самому капитализму; другой объективизм — революционный по отношению к капитализму — объективизм Маркса, Ленина, марксистов.

Классовую характеристику Рикардо Маркс дает параллельно характеристике Мальтуса. Данная Марксом сравнительная характеристика Мальтуса и Рикардо является прекраснейшим образцом революционной критики политической экономии. Маркс показывает, что научная честность, добросовестность, прямолинейность Рикардо соответствуют научной объективности его теории, прогрессивности его взглядов на капитализм, и, наоборот, реакционные взгляды Мальтуса по отношению к капитализму, защита им интересов исторически более отсталого класса — земельной аристократии — у него совме-

⁶⁷ В письме Энгельсу от 7 марта 1877 г. Маркс пишет: «Мую собственную точку зрения на физиократов, именно взгляд на них как на первых методологических (не только случайных, как Петти и др.) защитников интересов капиталистического способа производства я естественно не хотел прямо высказывать. Эта точка зрения in plain words said (высказанная прямо и определенно—А. П.) могла бы быть подхвачена и вульгаризована разными пачкунами, прежде чем я успел бы подробно развить ее» (Соч., т. XIV, стр. 470).

⁶⁸ Маркс, Теории прибавочной стоимости, вып. 1, стр. 205.

щаются с целым арсеналом совершенно отрицательных личных качеств.

С огромнейшим негодованием бичует Маркс угодничество Мальтуса. Маркс показывает, как, защищая интересы земельной аристократии, Мальтус умышленно искажает свои научные выводы.

Если Мальтус является низким апологетом земельной аристократии против буржуазии и пролетариата, то вульгарная политическая экономия, пришедшая на смену научной буржуазной политической экономии классиков, столь же беззащитно и рьяно защищает интересы класса капиталистов против пролетариата.

Маркс показывает, что весь смысл существования вульгарной политической экономии заключается именно в служении ее интересам буржуазии против пролетариата, во всемерной защите ею этих интересов. Маркс подчеркивает апологетический характер вульгарной политической экономии, продажность ее, лакейство перед буржуазией.

Для вульгарного экономиста «вопрос заключается уже не в том, правильна или неправильна та или другая теорема, а в том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»⁶⁹.

Маркс подчеркивает, что вульгарная политическая экономия совершенно не заинтересована в том, чтобы понять сущность капиталистического производства, наоборот, она заинтересована в сокрытии этой сущности, сокрытии тайны производства прибавочной стоимости, затушевывании или полном отрицании противоречия капитализма. Делает все это она в угоду буржуазии, в целях доказать вечность и прочность капитализма, в целях «научно» отвести притязания пролетариата.

Маркс показывает, как вульгарная политическая экономия сознательно пользуется в своих апологетических целях искажающей сущность формой проявления, утилизирует видимость, искажение действительных, внутренних законов поверхностью, формой проявления, как она умышленно использует неизбежно возникающую в головах агентов производства путаницу понятий и увековечивает ее.

Маркс показывает, какое громадное значение имеет для вульгарной политической экономии превращение стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т. е. в форму стоимости и цены самого труда. «На этой внешней форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной экономии»⁷⁰. Вульгарная политическая экономия использует во-всю эту внешнюю форму проявления, отрицая факт эксплуатации рабочего капиталом, факт неравенства классов, ибо при системе заработной платы всякий труд, в том числе и прибавочный, представляется как труд оплаченный.

Маркс показывает, какой огромной находкой для вульгарного экономиста, который хочет представить капитал в виде самостоятель-

⁶⁹ Маркс, Послесловие ко второму изданию I тома «Капитала».

⁷⁰ Маркс, Капитал, т. I, стр. 644.

ного источника стоимости, является форма капитала, приносящего процент. В этой форме противоречивый характер капитала совершенно затушеван и незаметен, совершенно исчезает настоящая природа прибавочной стоимости, капитал уже выступает как самостоятельный источник стоимости. Этим и объясняется тот факт, что вульгарная политическая экономия всегда питала пристрастие к этой форме капитала и отдавала предпочтение ей перед формой «капитал-прибыль», которой экономисты-классики выражали капиталистические отношения.

Вскрыв апологетическую сущность вульгарной политической экономии, ее служебную роль для буржуазии, Маркс вместе с тем показывает, что с развитием и углублением противоречий капитализма вульгарная политическая экономия становится сознательно все более апологетической. С развитием реальных противоречий в экономической жизни общества «вульгарная экономия становится сознательно более апологетической и старается всеми силами отделаться путем болтовни от тех мыслей, в которых содержатся противоречия»⁷¹.

Сформулированный Марксом закон развития вульгарной политической экономии имеет исключительное значение для правильного понимания и современной нам буржуазной политической экономии. Уже до анализа современной буржуазной политической экономии по существу, только исходя из факта огромнейшего обострения противоречий и классово-борьбы между пролетариатом и буржуазией в современном капитализме, можно и нужно утверждать, что современная буржуазная политическая экономия не может быть научной, что она есть вульгарная, сугубо апологетическая экономия.

Партийный, марксо-ленинский анализ сущности современной буржуазной политической экономии, ее отдельных школ, экономистов, полностью и целиком подтверждает это строго научное предположение. Иначе не может быть, не может буржуазная политическая экономия стать вновь научной сейчас, в эпоху империализма, всеобщего кризиса капитализма, эпоху пролетарских революций. И мы должны давать беспощадный отпор всяким попыткам — какими бы мотивами они ни вызывались — представить современную буржуазную политическую экономию как экономию научную.

Маркс жестоко бичует вульгарных экономистов, их поверхностность, их продажность. При всем уважении к классикам Маркс не упускает однако случая отметить имеющиеся вульгарные элементы в их теории. «Это настоящая подлость» — пишет Маркс по адресу Смита, при объяснении прибыли апеллировавшего наряду с правильным решением также и к интересам капиталиста»⁷². Показывая, как вульгарная политическая экономия намеренно подхватывает все ошибки и путаницу понятий классической экономии и ловко использует их в своих апологетических целях, Маркс вместе с тем показывает, как даже научная буржуазная политическая экономия чисто инстинктивно убегает от правильного решения проблемы прибавочной стоимости»⁷³.

⁷¹ М а р к с, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 389.

⁷² «Теории прибавочной стоимости», т. I, стр. 109.

⁷³ «Классическая политическая экономия подходит очень близко к истинному положению вещей, однако не формулирует его сознательно. Этого она и не может сделать, не сбросив своей буржуазной кожи» (М а р к с, Капитал, т. I, стр. 546). «Школа Рикардо, лишь обошла проблему, а не разрешила ее. И это понятно: инстинкт совершенно правильно подсказал этим буржуазным экономистам, что очень опасно слишком глубоко исследовать жгучий вопрос о происхождении прибавочной стоимости» (т а м ж е, стр. 518).

Маркс показывает, какое огромное значение для буржуазной политической экономии имеет смешение категорий основного и оборотного капитала с категорией постоянного и переменного капитала ⁷⁴.

Нередко «добрые критики» современной буржуазной политической экономии основную долю нелепостей того или иного экономиста относят насчет логики этого экономиста, рассматривая абсолютное извращение действительности той или иной теорией как результат неспособности «понять» эту действительность. Эти «добрые критики» «ошибки» современной вульгарной политической экономии, извращения ее склонны вменять лишь рассудку, относить их за счет простого недопонимания, недомыслия. Нет нужды доказывать, что все такие «критические» рассуждения есть не что иное, как апология, сознательная или бессознательная, вульгарной политической экономии ее «критиками».

Всякие Шпанны, Аммоны, Штольцманы и прочие и тому подобные «ученые» лакеи современной буржуазии — это заклятые враги марксизма, пролетарской революции, и говорить об их «ошибках» может только сознательный или бессознательный их сообщник.

Маркс и Ленин строго различают действительные ошибки классической политической экономии и сознательную вульгаризацию, сознательную апологику капитализма вульгарной политической экономией. К ошибкам классической школы, к ее недостаткам Маркс относится с историческим оправданием, он объясняет и оправдывает их объективными условиями того времени, неразвитостью экономики, неразвитостью общественных противоречий и антагонизма внутри капиталистического производства. Как пишет Ленин, «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками» ⁷⁵.

Примеров исторического оправдания Марксом ошибок и недостатков буржуазных теорий классической школы можно было бы привести много. Для Маркса каждая рассматриваемая им научная теоретическая экономическая система есть истина для своего времени. Меркантилизм и физиократизм — не заблуждение мысли, а более или менее адекватное выражение экономических условий своего времени. Недостатки, особенности системы меркантилистов, физиократов, классиков, их ошибки Маркс объясняет материалистически и оправдывает состоянием экономики того периода. Физиократы ошибочно считают материальные законы капиталистического производства общими для всех других форм производства. Но, пишет Маркс, эту ошибку «нельзя ставить в вину физиократам», «неизбежным образом буржуазные формы производства стали для них его естественными формами» ⁷⁶.

Маркс исторически оправдывает также и наличие у Смита экзотерического способа рассмотрения. Двойственность метода Смита Маркс считает необходимой и неизбежной для той ступени развития политической экономии (буржуазного общества — А. П.). Вместе с

⁷⁴ В делении капитала на основной и оборотный погашается кардинальное различие между переменным и постоянным капиталом, вне поля зрения остается вся тайна образования прибавочной стоимости. «Отсюда понятно, почему буржуазная политическая экономия инстинктивно удерживала смитовское смешение категорий «постоянного и переменного капитала» с категориями «основного и оборотного капитала» и без всякой критики в течение целого столетия передавала эту путаницу из поколения в поколение».

⁷⁵ «К характеристике экономического романтизма», т. II, стр. 51.

⁷⁶ «Теории прибавочной стоимости», т. I, стр. 35.

тем Маркс подчеркивает и классовую обусловленность ошибок, недостатков классической школы как школы буржуазной.

Оправдывая исторические недостатки и ошибки классической школы, Маркс с тем большей резкостью подчеркивает, что в новых условиях, в условиях развитой экономики и классовых противоречий, вульгарная политическая экономия, подхватывающая эти неизбежные ошибки классической школы и преумножающая их, не имеет никакого оправдания. Объективных препятствий для правильного познания действительности у науки нет, противоречия, антагонизмы развиты и ясны. Но именно поэтому вульгарная политическая экономия отказывается сознательно от действительно научного познания этой действительности.

Маркс показал объективную обусловленность возможности вульгарной политической экономии, а именно — наличие товарного фетишизма в капиталистическом обществе. Вульгарная политическая экономия в апологетических целях широко использует эту возможность. Она намеренно подхватывает искажение действительности в головах агентов капиталистического производства. Сознательное искажение действительности, сознательная апология буржуазными экономистами капитала являются уже результатом партийности вульгарной политической экономии.

Маркс показывает, что сознательная апология буржуазного производства у вульгарных экономистов переплетается с их безграничным невежеством. Апология и невежество взаимно связаны и друг друга обуславливают. Но «ведущая роль» здесь все же принадлежит сознательной апологетике. Невежество возводится в принцип. Вульгарная политическая экономия хватается всегда за видимость в противоположность закону явления. Она полагает, в противоположность Спинозе, что «невежество есть достаточное основание»⁷⁷. Она гордится своим пресмыканием перед видимостью.

Маркс и Ленин подчеркивают продажность вульгарной политической экономии, ее угодничество перед капиталом и в то же время ее крайнее невежество⁷⁸.

Ленин оставил нам яркую характеристику вульгарной политической экономии эпохи империализма. Вульгарная политическая экономия этой эпохи, оставаясь всецело вульгарной, обладая всеми основными качествами вульгарной политической экономии домонополистического капитализма, имеет конечно и свои особенности, вытекающие из особенностей современной эпохи и состояния классовой борьбы. Ленин показывает основной закон вульгарной политической экономии эпохи империализма — ее звериную вражду, ее активную борьбу с марксизмом.

По поводу Струве, пытавшегося сблизить марксизм с схоластическим учением о первородном грехе, Ленин пишет: «Это несомненно игра пошлыми аналогиями, вернее: простое шутовство. Если считающие себя либеральными и прогрессивными ученые способны теперь в своей среде героев подобного шутовства, если этим героям дают ученые степени и поручают обучение юношества, то! это только показы-

⁷⁷ Маркс, Капитал, т. I, стр. 293.

⁷⁸ Так, по адресу Рошера Маркс пишет: «Наряду с действительным невежеством апологетический страх перед добросовестным анализом стоимости и прибавочной стоимости и перед тем, что вдруг получится соблазнительно неблагонадежный с полицейской точки зрения результат, вот что заставляет Рошера и К^о превращать более или менее благовидные мотивы, которыми капиталист оправдывает присвоение уже существующей прибавочной стоимости, в источник ее возникновения» («Капитал», т. I, стр. 195).

вает в сотый и тысячный раз «закон буржуазной эпохи: тем больше чести, чем ниже и бесстыднее издевательство над наукой ради уничтожения Маркса»⁷⁹.

Этот закон является законом не только для вульгарной политической экономии России. Этот закон характерен для буржуазной политэкономии всех капиталистических стран в эпоху империализма.

Ленин вскрывает другой, весьма важный для понимания вульгарной политической экономии эпохи империализма закон — это маскировка буржуазных теорий под марксизм как прием борьбы с последним. «Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его переодеться марксистами. Внутренне отживший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического оппортунизма... Все более тонкая фальсификация марксизма, более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии, вообще как в гносеологии, так и в социологии»⁸⁰.

В отношении русской буржуазной политической экономии Ленин последовательно применяет марксов метод революционной критики. Он вскрывает конкурентную обусловленность развития политической экономии развитием реальных противоречий и классовой борьбы в капиталистической России и вместе с тем подчеркивает особенности в политической экономии, вытекающие из своеобразия эпохи империализма. Ленин показывает, «до какой степени маразма, упадка и протитущии дошла современная профессорская наука»⁸¹, он разоблачает «мракобесие», «издевательство над наукой», «шарлатанство в науке» буржуазных экономистов и рабски плетущихся за ними ревизионистов и оппортунистов.

«... Когда господа профессора берутся опровергать социализм, то не знаешь, чему больше удивляться, их тупости или их невежеству, или их недобросовестности»⁸².

Ленин разоблачает лживость утверждения буржуазной науки о ее якобы беспартийности, надклассовости и показывает сугубо классовый, партийный характер науки.

Ленин дает жестокий отпор нападению буржуазной политической экономии на марксизм, вскрывает истинную сущность модной критики Маркса бывшими «марксистами» вроде Тугана, Струве и им подобных, ревизионистами-оппортунистами типа Каутского, Гильфердинга и др., в этой борьбе развивая дальше марксизм и поднимая его на новую, более высокую ступень. Ленин разоблачает умышленное «непонимание» Маркса, постоянно выказываемое «критиками его», сознательное искажение взглядов Маркса, широкое применение старого «критического» приема реакционеров — сначала извратить социализм, приписав ему нелепость, а потом победно опровергать нелепицы»⁸³.

Маркс и Ленин строго различают работу буржуазных экономистов в области фактических специальных исследований и работы, посвященные общей теории политической экономии. Решительно борясь с вульгарной «теорией» буржуазных экономистов, разоблачая ее апологетический характер, Маркс и Ленин в то же время широко ис-

⁷⁹ Ленин, т. XVII, стр. 267; разрядка моя.

⁸⁰ Ленин, т. XIII, стр. 270.

⁸¹ Том XVII, стр. 2.

⁸² Там же, стр. 241.

⁸³ Там же.

пользуют специальные фактические исследования буржуазных экономистов, подходя к этой работе сугубо критически и перерабатывая ее на основе метода материалистической диалектики.

«Ни е д и н о м у профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политэкономии. Ибо эта последняя — такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов. Задачи марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не делаете например ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), и у м е т ь отсечь их реакционные тенденции, уметь вести свою линию и бороться с о в с е й к л и к о й враждебных нам классов»⁸⁴.

Сами Маркс и Ленин оставили нам прекрасные образцы умелого использования результатов специальных исследований буржуазных экономистов, критической переработки их.

* * *

Марксова критика политической экономии является критикой партийной, как партийной является и марксова политическая экономия. «Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступление от материализма и поблажки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших направлениях»⁸⁵. Эта ленинская оценка марксовой философии целиком относится и к марксовой политической экономии, построенной на основе материалистической диалектики и революционно-критической по отношению как к самому капитализму, так и к буржуазной политической экономии — научной и вульгарной. Неправильным является утверждение, что «ленинский принцип партийности в науке представляет собой дальнейшее развитие, конкретизацию марксовых и энгельсовских положений о классовом характере науки и философии в классовом обществе»⁸⁶. Ленинский принцип партийности есть дальнейшее развитие марксова принципа партийности политической экономии и науки вообще.

У Маркса и Энгельса имеется немало прямых указаний на партийный характер политической экономии. Так например, успех работы Мальтуса, которая «не содержит ни одного самостоятельно продуманного положения», Маркс объясняет ее партийным характером. «Большой шум, вызванный этим памфлетом, объясняется исключительно партийными интересами»⁸⁷.

Энгельс в «Анти-Дюринге» опровергает утверждение Дюринга о том, что Юм будто бы «никогда не сделал ни малейшей уступки влиянию партий, государей или университетов, и показывает, что Юм был рьяным сторонником олигархии вигов и его восхищение буржуазной деятельностью отнюдь не было платоническим».

Маркс вскрывает противоречивую природу мелкого буржуа и показывает, чем именно определяется то, что теоретик мелкого буржуа,

⁸⁴ Ленин, т. XIII, стр. 280.

⁸⁵ Там же, стр. 277.

⁸⁶ «Под знаменем марксизма» № 7—8 за 1931 г., стр. 18, 30 и др.

⁸⁷ Маркс, Капитал, т. III, стр. 630.

как Прудон, «в глубине своей души... гордится тем, что он беспартийный...»⁸⁸.

Для Маркса и Энгельса совершенно ясна разница между партийной и беспартийной критикой, и они борются за партийность в критике. Маркс и Энгельс клеймят «истинных социалистов» в Германии за их беспартийную критику буржуазии. Энгельс подчеркивает огромную разницу в характере полемики против буржуазии во Франции, где она ведется партийно, и беспартийной полемики против буржуазии в Германии со стороны «истинных социалистов». «Если бы они (истинные социалисты — А. П.) были партийными деятелями, которые стараются достигнуть практического, осязательного результата, которые представляют определенные интересы, общие целому классу, то они по крайней мере обратили бы внимание на характер полемики против буржуазии, которую ведут ее противники во Франции...». «Однако наши истинные социалисты, не партийные деятели, а немецкие теоретики» Маркс и Энгельс вели непримиримую борьбу на два фронта — как с буржуазной политической экономией, так и с псевдореволюционным «марксизмом» в рядах своих сторонников. «Наша задача состоит в беспощадной критике, направленной даже более против наших мнимых друзей, чем против наших явных врагов» — говорила «*Neue Rheinische Zeitung*» Маркса.

Известно, какую непримиримую борьбу Маркс и Энгельс вели в рядах Интернационала за научный, революционный социализм. Организатор Союза коммунистов, передовой боец революции 1848—1849 гг., руководитель I Интернационала, вдохновитель Парижской коммуны, вождь революционного движения пролетариата — Маркс прекрасно понимал роль партии и роль пролетариата как в практической политической борьбе, так и в теоретической. «Коммунистический манифест» с предельной ясностью и четкостью обрисовал роль коммунистической партии в деле революционной борьбы пролетариата.

Свою партийность в науке Маркс неоднократно подчеркивает. Так например, в письме к проф. Бисли Маркс пишет: «Я, как партийный человек, крайне враждебно отношусь к контизму, а в качестве ученого я о нем очень невысокого мнения...».

Маркс неоднократно подчеркивает партийный характер и партийное значение своей экономической теории. В 1858 г., когда нужно было заканчивать «К критике политической экономии», Маркс болен; он боится, как бы его болезнь не отразилась на качестве его труда. «...Мой долг перед партией позаботиться, чтобы эта вещь не была испорчена такой тупой, деревянной манерой письма, какая свойственна больной печени»⁸⁹.

Партийное значение своей научной работы Маркс подчеркивает и в письме к Вейдемейеру. Маркс пишет, что его работа «К критике политической экономии» разрушает модный во Франции прудоновский социализм. «...тебе известно, что анализ формы денег представляет самую трудную, потому что самую абстрактную часть политической экономии — я надеюсь, что мне удастся одержать для нашей партии научную победу».

«Все теоретическое существо» немецкой пролетарской партии «сложилось на основе изучения политической экономии» — пишет Энгельс.

⁸⁸ Маркс, Письмо Анненкову.

⁸⁹ Письмо Лассалю от 12 ноября 1858 г.

У Маркса и Энгельса мы видим совершенно четкое понимание партийности политической экономии как буржуазной, так и социалистической. Да иначе оно и быть не может. Глубокое понимание классов и классовой борьбы предполагает правильное понимание партии и партийности. Само это глубокое понимание становится возможным только тогда, когда классовая борьба развивается, обостряется и следовательно выступает как борьба партий. Глубокое понимание классового характера политической экономии включает в качестве непременного условия понимание и партийного характера политической экономии.

Ленин раскрыл истинный смысл марксова принципа партийности в науке. Он показал, что марксова политическая экономия есть наука партийная, что марксова критика политической экономии есть критика партийная, что революционный марксизм включает в себя партийность как обязательное условие. Ленин показал, что партийной является не только политическая экономия, но и философия, подчеркнул и конкретно показал сугубо партийный характер вообще науки в классовом обществе. Ленин марксово учение о партийности политической экономии развил дальше, применительно к новым условиям классовой борьбы в эпоху империализма, марксову теорию партийности Ленин поднял на новую, более высокую ступень. Без ленинской разработки вопроса о партийности политической экономии и науки вообще осталось бы непонятым учение Маркса и Энгельса о партийности политической экономии.

Одним словом, ленинский принцип партийности политической экономии и науки вообще представляет собою дальнейшее развитие марксова принципа партийности политической экономии, раскрытие его смысла, его конкретизацию и дальнейшее развитие применительно к новым условиям эпохи империализма.

Революционно-критический партийный характер марксо-ленинской теории развивает дальше т. Сталин, неизменно оставаясь верным революционному методу Маркса — Ленина, отстаивая его чистоту в непримиримой борьбе на два фронта, зорко разоблачая буржуазные теории, оппортунизм и примиренчество к ним. Тов. Сталину принадлежит исключительная роль в деле разгрома механизма и идеализма (рубинщины) в политической экономии (дискуссия 1927—1929 гг.). Этот разгром происходил под непосредственным руководством т. Сталина. В ответе свердловцам (1930 г.) т. Сталин так сформулировал основные ошибки участников дискуссии: а) Ни одна из сторон не сумела применить как следует методы борьбы на два фронта: как против рублинщины, так и против механицизма. б) Обе стороны отвлеклись от основных вопросов советской экономики и мирового империализма в области талмудизированных абстракций, убив таким образом два года работы на отвлеченные темы конечно в угоду и к выгоде наших врагов» («Правда» от 10 февраля 1930 г.).

Тов. Сталин указал, что необходимо вести решительную борьбу на два фронта как против механицизма, являющегося теоретической основой правого оппортунизма, так и против идеализма, представляющего собой меньшевистскую ревизию марксизма. Еще в конце 1929 г. анализируя характер дискуссии в политической экономии, т. Сталин показал, что идеалист Рубин является врагом марксизма, агентом буржуазии, выразителем и представителем идеологии теоретиков II Интернационала. Как на крупнейшую ошибку спорящих сторон т. Сталин указал на то, что дискуссия прошла совершенно мимо троцкист-

ского извращения марксизма-ленинизма, что обе стороны не уделили внимания критике троцкизма. Это руководство т. Сталина разгромом идеализма и механицизма в политической экономии является одним из примеров применения вождем партии и Коминтерна революционной ленинской тактики в области теории борьбы на два фронта.

Тов. Сталин дает прекрасные образцы большевистской критики буржуазно-вредительских теорий, троцкизма, правого и «левого» оппортунизма в рядах партии и Коминтерна. В письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» т. Сталин вновь подчеркивает необходимость большевистской бдительности и беспощадной борьбы с оппортунизмом, разоблачения центризма II Интернационала, троцкизма, люксембургизма, всякого оппортунизма и примиренчества, гнилого либерализма по отношению к ним. Это письмо имеет исключительное значение и для фронта экономической теории. В руках т. Сталина оружие революционной критики метко и беспощадно разит классовых врагов и всяких их пособников.

ПРОИЗВОДСТВО ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ И РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ¹

1. Производство прибавочной стоимости и техника крупной промышленности

Раздел «Капитала», в котором Маркс подвергает изучению капиталистическую технику, называется: «Машины² и крупная промышленность». Это конечно не случайно. Ибо созданная капитализмом форма общественной техники и созданная капитализмом форма общественного производства органически связаны и именно в своей связанности обе они вырастают на базе специфически-капиталистического обобществления труда. «Машина и система машин — характерное средство труда крупной промышленности»; «тело фабрики — сочетание фабрики» — подобными определениями пестрит весь раздел Маркса о машинах и крупной промышленности.

В основном дело сводится к следующему: «В системе машин крупная промышленность обладает вполне объективным производственным организмом, который рабочему приходится взять как готовое материальное условие производства». И именно потому, что «движение и деятельность средства труда приобретают в машине самостоятельный характер по отношению к рабочему», возможен «принцип крупной промышленности («принцип машинного производства»): всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, разлагать на его составные элементы так, что «пестрые, повидимому лишенные внутренней связанности и заставшие формы общественного процесса производства разложились на сознательные-планомерные, систематически расчлененные, в зависимости от желательного полезного эффекта, применения естествознания». «Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционный, между тем у всех прежних способов производства базис был по существу консервативным. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда».

Именно на принципиальном и до конца проводимом связывании современной техники с крупной промышленностью основано то поистине поразительное предвидение Маркса в области конкретных тенденций капиталистической техники, о котором в наши дни немало говорится. Это действительно «чудо» научного предвиде-

¹ Статья представляет отрывок из работы о границах технического прогресса при капитализме. Другой отрывок напечатан в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» № 3 за 1933 г. Там же упоминается план всей работы.

² Собственно: «Maschinerie». Это слово характеризует машинную технику сразу в двух смыслах: в смысле системы машинного оборудования и в смысле машинного принципа производства. Маркс придавал большое значение двойному смыслу этого термина и во французском издании перевел его словом «machinisme», почти точно передающим значение «Maschinerie» (английского «machinery»). В готовящемся новом русском переводе первого тома «Капитала» (ИМЭЛ) обязательно следует отразить эту терминологическую сторону дела.

ния. Три четверти века назад, наблюдая английские текстильные фабрики 50—60 гг., бумажную машину и первые машиностроительные заводы (собственно полузаводы-полумастерские), до мартена и синтетической химии, задолго до электрической техники, Маркс установил такие черты и тенденции современной техники, как автоматизм, техническое единство предприятий, центральный двигатель, общий принцип поточной системы (как принцип «системы машин в собственном смысле»), непрерывность производственного процесса, комбинирование фабрик, научность в противовес докапиталистическому эмпиризму, гибкость и революционность, укрупнение агрегатов, увеличение скоростей, уменьшение собственного веса машины, точность, избавление от ограниченности человеческого организма, стандартизация и взаимозаменяемость деталей на основе их геометризации, взаимная связь технического развития отдельных отраслей и т. д. Буквально нет ни одной сколько-нибудь серьезной черты современной техники из тех, которые вот уже лет тридцать то и дело «открываются» буржуазными теоретиками и поочередно объявляются самыми что ни на есть важнейшими чертами техники, которые не были бы отмечены и поставлены на свое логическое место в изумительной по богатству XIII главе первого тома «Капитала». Впрочем самостоятельный разбор этого вопроса относится не к теме нашей статьи, а к характеристике капиталистической техники как таковой.

Но Маркс (и в этом-то подлинная сила его учения) берет крупную промышленность как капиталистическую промышленность, которая не просто применяет машинную технику, но применяет ее капиталистически, т. е. для производства прибавочной стоимости. «Машины — средство производства прибавочной стоимости»³. Этот тезис Маркса лежит в основе научного исследования экономических условий развития техники при капитализме.

Все экономически значимые проблемы техники прямо или косвенно сводятся к проблеме производительности общественного труда⁴. Производительность труда — такова экономическая мера технического прогресса. «Ясно, что если производство машины обходится во столько же труда, сколько сберегается ее применением, то имеет место простое перемещение (*Losses D placement*) труда, и следовательно общая сумма труда, потребного для производства товара, не уменьшается, или производительность труда не возрастет»⁵. Степень производительности машины определяется поэтому разницей между трудом, который на нее потрачен, и трудом, который она сберегает. Пусть некоторая товарная масса производится при таких условиях: стоимость применяемой машины определяется в 2 тыс. часов общественного труда⁶, стоимость сырья — в 3 тыс. часов, стоимость, вновь присоединяемая рабочими, — в 5 тыс. часов (500 рабочих дней по 10 часов); итого стоимость нашего товара определяется в 10 тыс. часов общественного труда. Прогресс техники позволяет ввести более совершенную машину, но при этом условия производства такой же точно товарной массы сложатся иначе:

³ «Капитал», т. I, гл. XIII, § 1.

⁴ Но конечно не наоборот: не все проблемы производительности труда сводятся к проблеме техники.

⁵ «Капитал», т. I, гл. XIII, § 2.

⁶ Здесь и в дальнейшем стоимость машины берется в широком смысле, т. е. со включением расходов по ее установке, ремонту, смазке и т. д., а также расходов на потребляемую ею энергию. Амортизируется ли при производстве нашей товарной массы машина целиком или частично, здесь роли не играет; в нашем примере поставлена естественно лишь амортизируемая стоимость. 4

стоимость машины определяется теперь 3 тыс. часов, стоимость сырья неизменна — 3 тыс. часов, вновь присоединяемая стоимость — 3 тыс. часов (300 рабочих дней по 10 часов); итого 9 тыс. часов общественно-го труда. Общество выгадывает (сберегает) при производстве данного товара 1 000 часов. Производительность новой машины определяется в 1 000 часов сбереженного общественного труда. Общество несомненно должно ввести эту машину в производство, если оно не может воспользоваться еще более производительной машиной⁷.

Но капиталистическое общество существует не ради производства продуктов или товаров, а ради производства прибавочной стоимости при посредстве производства товаров. И так как машины здесь являются средством производства прибавочной стоимости, то при определении их выгодности (экономической) их стоимость⁸ сопоставляется не со всей стоимостью, присоединяемой к продукту тем трудом, который они сберегают, а со «стоимостью» этого труда для капиталиста, т. е. со стоимостью рабочей силы, замещаемой этими машинами. Но последняя стоимость всегда меньше первой, ибо определяется лишь одной частью рабочего времени, так называемым необходимым временем. Чтобы узнать степень производительности машины с точки зрения капитала, следует поэтому дополнить приведенный пример еще одним условием: нормою, в которой рабочий день делится на необходимое и прибавочное время. Допустим, что рабочий день делится пополам между этими своими составными частями. Тогда до введения новой машины данная товарная масса обойдется капиталисту в 7 500 часов общественного труда (resp. 7 500 некоторых денежных единиц), а после ее введения — опять-таки в 7 500. То, что для общества как такового составляет прямую выгоду, для капитала не дает никакой выгоды. Производительность машины, в действительности измеряемая в 1 000 часов общественного труда, с точки зрения капитала равна нулю. Капиталист не введет новую машину.

Это простое положение, которое было открыто Марксом, могло быть открыто лишь на основе его учения о прибавочной стоимости⁹. Его принципиальное значение огромно. Оно показывает, что хотя капиталистическому производству присуще более широкое поле применения техники, чем докапиталистическим формациям, оно все же зажатое в границы, вытекающие из самой природы производства прибавочной стоимости, и что «в коммунистическом обществе машины имели бы поэтому совсем иной простор, нежели в буржуазном обществе»¹⁰. Производительность труда, повторяем, — общественная мера технического прогресса. Но сама производительность труда принимает различные общественные формы в различных экономических формациях. Маркс доказал, что при капиталистическом производстве производительность труда принимает извращенную форму производительности капитала. Именно на этой основе Маркс затем раскрыл специфическую границу такого технического прогресса, мерой которого служит «производительность капитала», или точнее: для которого производительность труда выполняет функцию меры не непосредственно, а через свою извращенную форму — производительность капитала.

Но в этом положении имеется еще другая сторона. Нетрудно за-

⁷ От условий процесса обращения, а также проблем финансирования и т. д. здесь конечно отвлечемся.

⁸ Точнее — превышение их стоимости над стоимостью заменяемой ими машины и т. д.

⁹ Важнейшее относящееся сюда место см. в «Капитале», т. I, гл. XIII, § 2.

¹⁰ Маркс, примечание ко второму изданию «Капитала», т. I, гл. XIII, § 2.

метить, что если масштаб производства остается неизменным, то всякое техническое улучшение должно непосредственно сократить массу прибавочной стоимости. Но это значит, что капиталист лишь в том случае применит улучшение, если на его основе расширится поле эксплуатации, или поднимется норма эксплуатации, или произойдет такое перераспределение (созданной во всем обществе) совокупной прибавочной стоимости, которое увеличит индивидуальную долю капиталиста, применившего это улучшение. Подробнее связанные с этим проблемы будут рассмотрены ниже. Но уже здесь мы можем и должны установить следующее общее положение: сложная противоречивость в развитии технического прогресса при капитализме может быть понята лишь на основе правильного учета взаимоотношений в развитии абсолютной и относительной прибавочной стоимости.

Эта внутренняя связь с процессом увеличения прибавочной стоимости составляет основное в законе технического развития при капиталистическом способе производства. В ней заложено источник той специфической общественной определенности, которую характеризует развитие техники при капитализме, ибо она-то и есть та общая экономическая форма, в которой осуществляется связь между буржуазным трудом и его предметными (gegenständliche — Маркс) средствами. Что эта связь активна с обоих концов, не требует особых доказательств: технический прогресс при капитализме не просто, не пассивно зависит от возможности увеличить прибавочную стоимость, но именно потому и зависит, что сам действует как средство усиления и даже пробуждения такой возможности.

В большом плане история технического развития при капитализме может быть поэтому понята и рационально объяснена лишь из связи движения техники с движением производства прибавочной стоимости. Уже в преддверии буржуазного общества развитие капитала на базе докапиталистических форм эксплуатации является важнейшим препятствием для сколько-нибудь быстрого технического прогресса. Недоступный техническим революциям замкнутый круговорот домашней фабрики, раздаточной конторы, потерявшего самостоятельность ремесла и т. д. лишь с большими останками и зигзагами, поддаваясь внешним влияниям, разрывается под ударами относительной прибавочной стоимости¹¹. И только когда капиталистический способ эксплуатации овладевает производством и входят в силу оба пути производства прибавочной стоимости, начинается движение машинного производства, в котором «постоянные изменения не с меньшим постоянством прерываются паузами и чисто количественным расширением на данном техническом базисе»¹².

В переломные эпохи капитализма связанность технического прогресса с двуединым процессом производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости становится осязательно-реальной.

Как раз канун и начало империализма, когда исчерпал себя капитализм свободной конкуренции, ознаменовались характерной локальной и эпизодической попыткой пойти не столько по пути технических усовершенствований, сколько по пути производства абсолютной прибавочной стоимости преимущественно путем интенсификации труда.

¹¹ Это затем продолжается на протяжении всей истории буржуазного общества в борьбе капитала против докапиталистического производства как внутри страны, так и в колониях. При этом характерно, что для увеличения эксплуатации капитал пользуется как методами разрушения, так и методами консервирования и даже «поощрения» докапиталистического производства.

¹² Маркс, Капитал, т. I, гл. XIII, 27.

Это — тэйлористское движение. Работы Тэйлора появились, после Маркса. Их охарактеризовал Ленин. Он рассматривал систему Тэйлора как одно из «средств для удешевления производства», которое «господство капитала превращает в орудие дальнейшего угнетения рабочего». Ленин подчеркивал, что в системе Тэйлора есть «много научного и прогрессивного», и призывал советских рабочих применять это научное и прогрессивное на отвоеванных у буржуазии фабриках. И вместе с тем Ленин показал, что как целое система Тэйлора есть «порабощение человека машиною». Призывая советских рабочих «учиться работать», Ленин говорил: «Последнее слово капитализма в этом отношении—система Тэйлора,—как и все прогрессы капитализма, соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д.»¹³.

Руководящая идея Тэйлора, как известно, заключается в наилучшем использовании рабочей силы при данной технике путем максимального заполнения пор рабочего времени, т. е. путем максимальной интенсификации труда на основе особой, «научной» организации труда. На капиталистической фабрике это означает увеличение прибавочной стоимости без сколько-нибудь серьезных технических улучшений, следовательно за счет увеличения интенсивности труда, т. е. в основном за счет абсолютной прибавочной стоимости. Идея Тэйлора об использовании научной организации труда в качестве орудия интенсификации труда и выколачивания абсолютной прибавочной стоимости нашла конечно почетное применение в дальнейшем развитии капиталистической промышленности, сделавшись одним из краеугольных камней буржуазной теории и буржуазной практики производства.

Но утверждение монополистического капитализма означает возникновение ряда новых условий производства и присвоения прибавочной стоимости. Во-первых, огромные масштабы обобществления производства и сочетания общественного труда в производственных комбинатах открывают неслыханные возможности для выколачивания относительной прибавочной стоимости путем применения все более сложной и гибкой циклопической техники. Но реализация этих возможностей все в большей мере затрудняется в силу дороговизны предметов потребления, порождаемой монополиями, поэтому, во-вторых, особенно возрастает тяга капитала к абсолютной прибавочной стоимости, а возможности для ее производства вырастают в силу огромной интенсификации труда (капитал, организовавший в монополии, сращенные с правительством и с аппаратом государственной власти, может проводить сейчас интенсификацию путем прямого давления на рабочий класс). Уже одно это все более растущее выколачивание прибавочной стоимости на основе интенсификации труда, т. е. без помощи действительно серьезных изменений в технике производства, становится фактором торможения извращения технического прогресса. Но еще важнее то (и это уже в-третьих), что сейчас возникает новый тормоз технического прогресса, и притом тормоз огромной силы: возможность получения монопольной прибыли на основе одного лишь монопольного господства, а не только, как прежде, за счет преходящей дополнительной прибавочной стоимости от улучше-

¹³ «Очередные задачи советской власти» (1918 г.) и «Система Тэйлора — подчинение человека машине» (1913 г.).

ния техники. Таким образом вместе с капиталистическими монополиями и теми колоссальными возможностями которые открывает для технического прогресса присущий им масштаб обобществления труда, развивается также «экономическая возможность задерживать технический прогресс» (Ленин). При монополистическом (загнивающим) капитализме присущие капиталистическому способу производства силы торможения технического прогресса становятся факторами загнивания технического прогресса, и эта тенденция, открытая Лениным, все чаще и скачкообразнее пересекает общую линию в общем ускоряющемся техническом прогрессе, усиливая его неравномерность и его разрушительные влияния и извращая его формы.

Ныне мы являемся свидетелями начала конца капиталистической системы. Не вдаваясь здесь в исследование или даже простое изложение обстоятельств и причин, укажем, что вместе с общим кризисом монополистической системы капитализма и следовательно вместе с ухудшающимися условиями для образования и присвоения монополистических прибылей — на одной стороне и ухудшающимися условиями для производства относительной прибавочной стоимости — на другой стороне колоссально вырастает значение абсолютной прибавочной стоимости. Но теперь это не эпизодический момент, как во времена последнего кризиса капитализма свободной конкуренции, когда средние предприятия пытались окопаться за системой Тэйлора от наступления монополистического капитала. Теперь это движение самого монополистического капитала, зажатого в тиски всеобщего кризиса капитализма. И колоссально возросшая роль абсолютной прибавочной стоимости усиливает и обостряет процессы загнивания техники, и притом по двум линиям: во-первых, подкрепляются тормозящие влияния монополии на технический прогресс, во-вторых, самый технический прогресс направляется не столько в сторону глубоких переворотов в системе средств труда, сколько в сторону усовершенствования технической базы интенсификации труда. Практическая потребность ведет за собою теоретический заказ. Старые тэйлоровские рецепты — буквально детский лепет и провинциализм перед той мобилизацией абсолютно всех рычагов общественной жизни, которую проводит монополистический капитал под видом теории и практики, рационализации, хозяйственной демократии, промышленного мира, корпоративного государства, принудительного арбитража, фордизации и т. д. и т. п., единственный и общий смысл которых (в основных линиях и в большом историческом разрезе) в том, чтобы восстановить благополучие капитализма на базе производства преимущественно абсолютной прибавочной стоимости и консервирования (а то и снижения) достигнутого уровня производительных сил (в том числе техники). Реакционное стремление, как реакционно было полвека назад стремление тэйлоризации отсталых предприятий. Но в отличие от того времени, когда история имела для капитализма в запасе монополистическую стадию, теперь шансы капитализма исчерпаны¹⁵.

2. «Буржуазный труд» и «простой машинный труд»

Итак, границы капиталистического развития техники крупной промышленности связаны с границами производства абсолютной и от-

¹⁵ Ввиду недостатка места здесь выпущена глава рассматривающая важнейшие границы техники, непосредственно вытекающие из границ капиталистической крупной промышленности.

носителем прибавочной стоимости. Теперь мы должны рассмотреть наиболее глубокие основания этой связи, т. е. специфически-капиталистическое отношение между трудом и средством труда. Исходным здесь является следующий вопрос: в каком отношении находятся «буржуазный труд» и «машинный труд» (труд машинного рабочего)? Получив ответ, можно разрешить вопрос: в каком отношении находятся наемный рабочий и машина?

Для развития капиталистического способа производства недостаточно простой кооперации и даже кооперации, специализированной разделением труда (мануфактуры) — этих двух форм непосредственно общественного труда, подготовленных всем докапиталистическим развитием человеческого общества: дело в том, что в них «вытеснение обособленного рабочего коллективным рабочим все еще представляется более или менее случайным»¹⁶. Для капиталистического способа производства требуется, чтобы общественные потенции, заложенные в этих двух формах обобществления труда, совершенно отделились от самих работающих людей, нашли для себя самостоятельное предметное воплощение, могущее противостоять (точнее: могущее быть противопоставленным) работающим людям как вещественно и социально внешняя и чуждая им сила, — словом, могущее стать не просто средством труда, но средством закабаления живых носителей труда. Эту задачу капитализм выполняет при помощи машины. На капиталистической фабрике, т. е. при системе наемного труда, машина выполняет двойную функцию. Машина эмансипирует ход производства от узости (субъективных ограничений) индивидуального труда, доставляя крупной промышленности «вполне объективный производственный организм». Но машина в то же время доставляет капиталу вполне объективный механизм для подчинения труда, так что «подчинение труда капиталу, которое лежит в понятии капиталистического производства, выступает здесь как технологический факт» и получает «не только социальное выражение в отношениях капиталиста и рабочего, но еще, так сказать, технологическую истинность»¹⁷.

«Всякий непосредственно общественный или общий труд нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает гармонию между индивидуальными деятельностями и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного тела в отличие от движения его самостоятельных органов». Но «кооперация наемных рабочих есть только результат деятельности капитала, применяющего этих рабочих одновременно. Связь их функций, их единство, как производительного коллективного тела, лежит вне их самих, в капитале, который их связывает и сдерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям». «По своему содержанию капиталистическое руководство носит двойственный характер, соответственно двойственности самого подчиненного ему производственного процесса, который, с одной стороны, есть общественный процесс труда, имеющий целью изготовление продукта, с другой стороны, — процесс самовозрастания капиталной стоимости. По форме своей капиталистическое руководство деспотично»¹⁸.

¹⁶ Маркс, Капитал, т. I, гл. XIII.

¹⁷ Слова Маркса из подготовительных тетрадей к «Капиталу», тетр. XIX. То же и в «Капитале», т. I, гл. XIII, § 4, а также в «Архиве М. и Э., т. VII (а), стр. 125.

¹⁸ Маркс, Капитал, т. I, гл. XI.

Подобная форма общественного труда не может оставить за самим трудом в его непосредственном процессе моменты самоорганизации, самоуправления, самоконтроля. Организация труда, управление трудом, контроль над трудом отчуждены от самого труда и противостоят ему как враждебная социальная сила — как воля и власть эксплуатирующего его капитала. Поскольку производственный процесс не может обойтись без моментов связывания единичных работ, следовательно без сознательного взаимоотношения между их живыми носителями, постольку капитализм стремится вытравить из этой сознательности все богатство духовных переживаний (чувств и мыслей), естественно порождаемых в людях их сотрудничеством, их совместной борьбой против внешней природы. Основное, наиболее содержательное и прекрасное, наиболее плодотворное человеческое сознание — трудовое сознание совместно работающих людей — капитализм хищнически упрощает и извращает в односторонне раздутое иерархическое сознание, в сознание частичным рабочим своего места в системе иерархически разделенного общественного труда.

Поэтому обобществление труда на капиталистической фабрике (капиталистическое соединение труда «по обдуманному плану») составляет отнюдь не жизненный, полноценный синтез отдельных работников, сохраняющий, обогащающий, углубляющий трудовую деятельность каждого из них, впитывая в себя в качестве образующих моментов их личную оригинальность, своеобразную инициативность, индивидуальную самостоятельность. Напротив, это есть соединение отдельных работ как частных работ, утерявших самостоятельность и превратившихся в придаток машины.

Буржуазный характер планомерного обобществления труда на капиталистическом предприятии определяет содержание буржуазной «науки» о промышленном предприятии. Старые работы Тэйлора, предвоенные и особенно послевоенные немецкие курсы *Betrieblerte*, американские книги о «научном управлении», книжки по заводскому планированию и т. д. — все строятся на одном исходном принципе: организация труда есть-де момент организации капитала, или еще проще — есть организация одного из элементов капитала. Буржуазия немало кичится своими достижениями в планировании непосредственного производственного процесса. Но при оценке тех несомненных результатов, которых капитал здесь добился в качестве исторически первого организатора крупной промышленности, никогда не следует забывать, что «капитал организует и упорядочивает труд внутри фабрики для дальнейшего угнетения рабочего, для увеличения своей прибыли»¹⁹ и что поэтому планировать труд капитал оказался в состоянии лишь путем изгнания творческой сознательности и сознательного творчества из работы занятых в производстве людей, т. е. путем лишения труда как раз тех его потенций, которые и делают его основой (субстанцией) общественной жизни. Приведем к примеру тезис одного из видных представителей буржуазного «учения о предприятии» Лейтнера: «Организация исполнительного, преимущественно телесного труда в фабричных помещениях автоматически присоединяется к организации механических средств производства и рабочих мест». Можно ли яснее выразить буржуазную природу современного планомерного обобществления труда? Человек автоматически подгоняется к рабочему месту — вот высшая мудрость и высшее достижение буржуазного «планирования»! Конечно дело не обходится без апологетической увертки, и на этот раз эту роль ры-

¹⁹ Лейкин, Система Тэйлора — порабощение человека машиной.

полняет техника: видите ли, «техника создает продукты по определенному плану, является высшей инстанцией для рабочих, определяет методы и ход труда... техническому управлению подчиняется организация и управление всех человеческих и механических рабочих сил»²⁰. Это — излюбленная буржуазная манера изображать вопросы труда как «техничко-трудоуые» (arbeits-technische) вопросы, конечно выдавая при этом технику за некую самодовлеющую сущность, якобы возникающую независимо от труда и извне навязывающую труду свои категорические императивы. Что этим она в кривом зеркале изображает капиталистические границы технического развития, буржуазной науке невдомек. Этой лицемерной «наукой» широко пользуются конечно реформистские вожди рабочего класса при продаже его интересов. Так, Грин, лидер Американской федерации труда, заявил на Интернациональном конгрессе по научной организации труда (1929 г.) буквально следующее: «Рабочий должен идти в ногу с направлением и быстротой технического прогресса, е с л и о н н е х о ч е т с т а т ь п р е п я т с т в и е м». В период антитехнического похода капитала объявлять пролетариат препятствием технического прогресса! Поистине нет более гнусных псов у капитализма, чем его агенты в рабочем классе.

Контроль над планомерно организованным трудом неотделим от его организации и выражает лишь другую сторону того же реального отношения. Поэтому нет никакой принципиальной разницы, выступает ли эта собственная сознательная сила труда, связывающая его с другим трудом, но ныне оторванная от него и навязанная ему извне, выступает ли она в виде личной власти надсмотрщика, или в виде подхлестывающей системы оплаты труда, или в виде организационной принудительности распорядка труда. Какие бы «принципиальные» различия ни выдумывали по этому поводу писатели капитализма и как бы ни раздували их, во всех этих случаях организация, управление и контроль, оторвавшись от самого труда, могут охватить труд лишь в форме внешнего (механического) прилаживания предельно опустошенных частичных индивидуальных работ.

Но далее это практическое лишение живого труда его духовных потенций, это отделение умственного труда от физического, составляющее неотъемлемое (имманентное) определение буржуазного труда, должно охватить и сферу соприкосновения работника с внешней природой, на которую его духовно-опустошенный труд воздействует. Трудовое познание природы лишь в наиболее поверхностной, локальной и узкой своей части остается достоянием самого труда (некоторая сумма эмпирических представлений, почти рефлекторно усваиваемых трудом в виде навыков, приемов и т. д.). Все более или менее глубокое и общее познание природы, доставляемое успехами общественного человеческого труда, не может быть удержано или даже усвоено и следовательно не может быть воспроизведено буржуазным трудом в качестве его собственного момента. Таким образом весь общий труд человечества, наука, не может найти себе на капиталистической фабрике осознанного места в самом труде и отрывается от последнего, выделяясь в самостоятельную систему, стоящую вне труда, которую овладевает капитал и которую он ставит над трудом и против труда в качестве орудия использования и подчинения труда в целях извлечения прибавочной стоимости. «Духовные потенции производства на одной стороне расширяют свой масштаб именно потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в про-

тивовес им в капитале... Этот процесс отделения начинается с простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет собой единство и волю общественно-трудового тела. Он развивается дальше в мануфактуре, низводящей рабочего до степени частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку как самостоятельную потенцию производства и заставляет ее служить капиталу»²¹.

Маркс доказал, что непосредственное (по обдуманному плану) обобществление труда на капиталистическом предприятии происходит через образование частичного и среднего труда. Этот, как Маркс назвал его, «буржуазный труд» присущ капиталистическому производству с самых первых его самостоятельных шагов и не является следствием машинной техники, а, напротив, составляет ее историческую и логическую предпосылку (мануфактура!). Но если образование машинной техники подготовлено превращением труда в частичный и средний труд, если машина является как бы техническим ответом на образование буржуазного труда, то вместе с тем она составляет необходимое условие для полного и подлинного развития заключенных в буржуазном труде потенций и следовательно также противоречий, образующих этот труд и разбуженных им. Каково же развитие частичного и среднего труда при машинном производстве? Или, говоря иначе: в каком виде реализуются эти две неотъемлемые стороны всякого буржуазного труда в машинном труде?»²².

Машинное производство есть материальное средство и техническая основа для полной реализации абстрактного труда, этой специфически буржуазной формы труда. Оно довершает обезличивание²³ и качественное опустошение труда, так что самый труд, т. е. основа (субстанция) общественной жизни, как бы извращается в технологический момент производственного процесса. Частичный труд, иначе говоря — труд, односторонне специализированный разделением труда и следовательно односторонне содержательный в одной какой-либо ничтожной своей части и лишенный содержания во всех прочих своих частях и сторонах, этот частичный труд, который машина застаёт и который открывает ей путь, развивается теперь в абсолютно бессодержательный труд. В нем исчезает даже содержательность, свойственная частичности, в нем остается одна только специализация — «специализация неспециализованности» (Маркс). С другой стороны, средний труд развивается в универсально одинаковый, уравненный труд, а сопоставление индивидуальных трудов через средний труд, характерное для капиталистического производства, развивается (упрощается) во всеобщее нивелирование труда различных рабочих. Вместе с тем последние остатки сознательной, творческой, инициативной активности изгоняются из непосредственного человеческого труда — он вырождается в пассивное подчинение мертвой машине, в абсолютное равнодушие²⁴. В «простом машинном труде», как в фокусе, собрались и абсолютная бессодержательность, и всеобщая нивелированность, и мертвящая пассивность законченного буржуазного труда²⁵.

²¹ Маркс, Капитал, т. I, гл. XII, § 5.

²² См. Маркс, Капитал, т. I, гл. XIII, но еще ярче в неопубликованных подготовительных работах к «Капиталу» (ИМЭЛ), тетр. XIX. Некоторые выдержки привел М. Рубинштейн в «Большевике», в статье «Маркс о технике».

²³ «Деиндивидуализацию труда» («Deindividualisierung der arbeit» — Маркс в цитир. рукописи; Энгельс «Положение рабочего класса»).

²⁴ Если отдельный труд и отличается при этом по сложности (квалифицированности), то по сути дела это лишь различия в степени опустошенности.

Таков ответ на вопрос об отношении между «буржуазным трудом» и «простым машинным трудом». Поставим теперь вопрос об отношении между наемным рабочим и машиной.

3. Наемный рабочий и машина

История общества делается живыми людьми. Принятие общественным трудом характера абстрактного труда предполагает соответственное превращение (модификацию) живого носителя труда — работающего человека. Частичный, средний, нивелированный неспециализированный труд может быть функцией лишь частичного, среднего, нивелированного неспециализированного работника; напомним марксовы выражения вроде: «абстрактная рабочая сила», «средняя рабочая сила». Исторически оба процесса — образование абстрактного труда и образование абстрактной рабочей силы — начинаются вместе с первыми шагами товарного производства. Но свое полное разрешение проблема получает при капиталистическом производстве, когда носителем труда является наемный рабочий. Именно система наемного труда составляет не только необходимую и достаточную, но, более того, адекватную форму общественной организации для раздробления, опустошения и нивелирования труда. Урезка и опустошение труда живого человека как результат стихийного процесса (т. е. процесса, происходящего вне контроля и сознания самого этого человека) возможны лишь тогда, когда человек лишился власти над своим собственным трудом, когда он сам как носитель труда отчужден от себя же самого как полножизненно и сознательно действующего человека. В системе наемного труда осуществлено это раздвоение работающего человека на человека как такового и на экономического человека, ибо эта система означает продажу его способностей к труду, его рабочей силы. Поэтому, подобно тому как труд становится буржуазным, так и работающий человек экономически превращается в рабочую силу вместе с первыми шагами капиталистического способа производства, следовательно уже на базе мануфактурного разделения труда внутри предприятия и первоначального стихийного разделения труда в обществе. Но требуется развитие машинного производства, характерного для капиталистической крупной промышленности, чтобы в соответствии с полным завершением процесса образования буржуазного труда завершился и процесс экономического сведения работающего человека к рабочей силе — и притом к рабочей силе в капиталистическом смысле: к абстрактной, средней, нивелированной рабочей силе²⁶.

²⁶ Уже в «Немецкой идеологии» (1845 г.) дана картина буржуазного труда. «Единственная оставшаяся еще связь их (рабочих — Э. Л.) с производительными силами и с их собственным существованием — труд потерял у них всякую тень самостоятельности и сохраняет их жизнь лишь тем, что калечит ее. В то время как в прежние эпохи самостоятельность и порождение материальной жизни были разделены благодаря тому, что они являлись уделом различных индивидов, и порождение материальной жизни считалось ввиду ограниченности самих индивидов каким-то подчиненным видом самостоятельности, теперь они настолько разошлись между собой, что вообще материальная жизнь начинает казаться целью, а порождение материальной жизни, труд (который является теперь единственно возможной, но, как мы видели, отрицательной формой самостоятельности), кажется средством». («Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 249).

²⁶ Очень показательны, что, называя в ранних работах (а также в подготовительных тетрадях к «Капиталу») товар, продаваемый наемным рабочим, словом *Arbeitsvermögen* (рабочая способность или способность к труду, рабочее достоинство, рабочее содержание), Маркс меняет это слово на слово *Arbeitskraft* (рабочая сила) и уже только последний термин употребляет в «Капитале», ибо рабочая сила есть не все «*Arbeitsvermögen*», а лишь некоторая сторона его, наиболее лишенная многообразия человеческой жизнедеятельности, наиболее близкая к простому физиологическому явлению.

«Природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего»²⁷. И действительно, капитализм создает эту «перему труда», но создает ее в совершенно антагонистической, разрушительной форме. В о п е р в ы х, «вновь обретенная всеобщность рабочего в этой системе существует лишь в себе, поскольку он равнодушен к своему труду, оставляет содержание вне ег о и поскольку не развивает никакой специальности; в действительности однако это есть развитие б е с с о д е р ж а т е л ь н о й с п е ц и а л ь н о с т и»²⁸. В о в т о р ы х, крупная промышленность «в своей капиталистической форме воспроизводит старое разделение труда с его закостеневшими специальностями». В т р е т ь и х, самая «перемена теперь пролагает себе путь только как непреодолимый закон природы и со слепой разрушительной силой закона природы, который повсюду наталкивается на препятствия». Это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе со средствами труда выбить у него из рук и средства существования и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого; это противоречие ведет к чудовищному факту возникновения промышленной резервной армии, которая должна существовать в нищете, чтобы всегда быть готовой к услугам капиталистического спроса; оно находит свирепое выражение в непрерывных гекатомбах рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией, которая всякий экономический прогресс превращает в общественное бедствие²⁹. Ни в одной стране не осуществились с такой полнотой эти открытые Марксом тенденции, как в самой передовой капиталистической стране—в Соединенных штатах. Конвейер, сотни тысяч бродячих рабочих, «переменяющих» по нескольку раз в год свою неспециализированную специальность, упорная козность (почти кастового характера) жалкой специализации в старых угольных, текстильных и других районах, — и все это на фоне неисчерпаемой безработицы, необеспеченности заработка и буквально массовой нищеты. Такова современная иллюстрация открытого Марксом «абсолютного противоречия» в капиталистическом развитии машинного труда.

При капитализме созданная трудом техника выступает против труда—обстоятельство, которое непосредственно представляется абсурдом, невозможностью и которое однако действительно существует в обществе, в котором все вещные условия и все духовные потенции, действующие в производстве, отчуждены от самого производителя и противостоят ему как враждебная сила капитала, а сам производитель низведен до положения (и до содержания) вещного условия и подчиненного момента производства. Экономическим отношением, в котором и при посредстве которого реализуется этот закон технического развития капитализма, является конкуренция между машиной и рабочим. «Средство труда, выступив как машина, тотчас же становится конкурентом самого рабочего». «Однако машина действует не только как непреодолимый конкурент, постоянно готовый сделать наемного рабочего «излишним». Капитал громогласно и с обдуманном намерением возвещает о ней как о силе, враждебной рабочему, и пользуется ею как таковой. Она становится самым

²⁷ М а р к с, Капитал, т. I, гл. XIII.

²⁸ М а р к с, тетрадь XIX из подготовительных работ к «Капиталу».

²⁹ М а р к с, Капитал, т. I, гл. XIII, § 9.

мощным орудием для подавления периодических возмущений рабочих, стачек и т. д., направленных против самодержавия капитала».

А это означает прямой антагонизм между наемным рабочим и капиталистически применяемым средством труда. И «тот характер самостоятельности и отчужденности, который капиталистический способ производства вообще придает условиям труда и продукту труда по отношению к рабочему, с появлением машин развивается в совершеннейшую противоположность между рабочим, с одной стороны, и условиями труда и продуктом труда — с другой»³⁰.

Таково отношение между трудом, работником и средством труда при капиталистическом способе производства. Оно могло быть раскрыто Марксом лишь на основе строгого различия машины от ее капиталистического применения. Известен вывод Маркса на этот счет³¹: «Не подлежит никакому сомнению, что машины сами по себе не ответственны за те страдания, которые они приносят с собою. Не их вина, если они при современных отношениях «освобождают» рабочего и отделяют его от средства существования. Они удешевляют и увеличивают продукт в той отрасли, которой они овладевают, и сначала оставляют без изменения массу средств существования, производимую в других отраслях промышленности. Следовательно после введения машин, как и до него, общество владеет все таким же или большим количеством средств существования для освобожденных рабочих, не говоря уже о той огромной части готового продукта, которая расточается неработниками... Машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем как ее капиталистическое применение удлиняет рабочий день³²; сама по себе она облегчает труд, капиталистическое же ее применение повышает его интенсивность³³; сама по себе она знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же ее применение порабощает человека силами природы; сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом же применении превращает его в паупера и т. д.»³⁴.

³⁰ Разрядка наша. Все цитаты из Маркса, Капитал, т. I, гл. XIII, § 5.

³¹ «Капитал», т. I, гл. XIII, § 6.

³² Th. Luddecke («Meisterung der Maschinenwelt», 1931 г.) пишет о конвейере: «Чувство времени усыпляется монотонностью. Вследствие этого 8-часовой день кажется не столь длинным» (стр. 61).

³³ Много писалось о сокращении длительности жизни рабочего фордовского конвейера. Другой результат интенсификации — несчастные случаи. Сугур сообщает, что в Германии в 1932 г. из 24 млн. застрахованных 460 тыс. стали жертвой несчастного случая, в том числе 7 500 было убито на месте. Сугур определяет ежедневную норму: 1 535 несчастных случаев, в том числе 230 с тяжелыми увечьями и 25 убитых. И это только официальные сведения.

³⁴ Конечно Schulze-Guvernitz другого мнения: «Не фабрика была причиной нужды, а нужда была предпосылкой фабрики. Не рабочий стал паупером, как Маркс объясняет в «Коммунистическом манифесте», а паупер стал фабричным рабочим, как убедительно вывел Фр. Оппенгеймер» (Arch. Soz. Wiss. u. Sozpol., 1931, 66/1, стр. 240). Официальные цифры и те не указ для профессоров политэкономии!

Но для капитала невозможно иное применение машины, кроме как с целью производства прибавочной стоимости, и для буржуазного экономиста «эксплуатация рабочего при посредстве машины тождественна с эксплуатацией машины рабочим. Поэтому тот, кто раскрывает, как в действительности обстоит дело с капиталистическим применением машин, тот вообще не хочет их применения, тот противник социального прогресса. Совершенно во вкусе знаменитого головореза Билль Сайкса (в «Оливере Твисте» Диккенса): «Господа присяжные, конечно этим комивояжерам горло было перерезано. Но это не моя вина, а вина ножа. Неужели из-за таких временных неприятностей мы отменим употребление ножа? Подумайте однако. Что было бы с земледелием и ремеслами без ножа? Не приносит ли он спасение в хирургии, не научает ли в анатомии? А потом —

Нетрудно видеть после изложенного, что капиталистическое применение машины органически связано с простым машинным трудом и вне его образования немислимо. Простой машинный труд может быть функцией лишь обезчеловеченной, «деиндивидуализированной» рабочей силы. Если простой машинный труд есть общественно созданная натуральная основа капиталистического применения машины, то капиталистическое применение машины, т. е. капиталистическое противопоставление машины работнику, есть экономическое отношение, которое развивает общественные производительные силы посредством разрушения индивидуального развития работающих людей. В совершенно точных терминах Маркса (см. особенно «Капитал», т. I, гл. XIII; § 2 и 6) связанная с этим экономическая проблема представляется следующим образом: а) машина *о б е р е г а е т* (erspart) труд т. е. позволяет обходиться для производства одной и той же вещи меньшим количеством труда; *с б е р е г а е т*, но не *з а м е щ а е т* труд, ибо не может продукт труда, каковым каждое средство труда является, занимать место и выполнять функции самого живого труда, т. е. субстанциального процесса общественной жизни (всякой общественной жизни, в том числе и капиталистической)³⁵; б) машина *з а м е щ а е т* (ersetzt) в материальном процессе производства *р а б о ч у ю с и л у*, ибо капитализм обезчеловечивает ее, оставляет в ней лишь то материально-техническое содержание, которое присуще механической системе машин; в) тем самым машина может в руках капиталиста *в ы т е с н я т ь* (verdrängen) *р а б о ч е г о*, живого носителя рабочей силы. Нетрудно в свете этого точного решения проблемы, вытекающего из основ экономического учения Маркса, оценить по достоинству «марксизм» и научность пресловутого *З о м б а р т а*, который вот уже несколько десятилетий «расколдовывает» и «рационализирует» Маркса и который усматривает сущность машины в том, что она-де является «активным средством труда, служащим для замещения человеческого труда», в отличие от пассивного орудия, предназначенного для «поддержки человеческого труда». Поистине знахарски хитрое и знахарски невежественное «расколдовывание», поистине расчетливая апологетическая «рационализация»...

Такова одна сторона дела, так сказать, *о т р и ц а т е л ь н а я* сторона. *П о л о ж и т е л ь н а я* сторона заключается в создании класса пролетариев, который именно на основе машинной капиталистической промышленности все более вырастает в сознательно действующую социальную силу (одновременно и классовую и народную), направленную на борьбу против капиталистического применения машин.

Конечно простой машинный труд означает опустошение и умертвление живого труда. Но вместе с живым содержанием труда умерт-

---

не желанный ли это помощник в веселых пирах? Уничтожьте нож, и вы отбросите нас назад к глубочайшему варварству». Не в бровь, а прямо в глаз не только Зомбарту, но и Грину (председателю Американской федерации труда), обвиняющему рабочих в противодействии техническому прогрессу.

Вообще если экономисты и признают иногда разницу между машиной и ее применением, то вовсе не в том смысле, что в современном антагонистическом развитии техники виновато капиталистическое использование машины, а лишь в том, гораздо более скромном смысле, что-де до сих пор еще «остался» ряд «недостатков» в деле применения машин, неосторожностей, поспешностей, недоговоренностей и т. п. недостатков, которые могут и должны быть устранены «умной» буржуазной политикой, «умным» буржуазным сговором с рабочими, «умным» регулированием со стороны буржуазного государства.

³⁵ Что сказали бы о механике, который в рычаге увидел бы средство замещать силу. А меж тем в буржуазной экономии аналогичные «теории» считаются вершиной науки!

вляется и выкидывается вся — та примитивная и косная содержательность, которая составляет докапиталистический труд. Беспощадно вытравляются географические, местные, семейные, племенные расовые — словом все естественно данные привязанности старого труда, его цеховые перегородки и весь столетиями нагромождавшийся хлам жалких эмпирических «истин» и традиционных «поучений», освещенный религиями и суевериями, патриархальными пережитками, рабской зависимостью от земли, ремесленной этикой, дедовскими преданиями и индивидуальным мастерством отдельных виртуозов-ремесленников³⁶. А тем самым из отношений между трудящимися людьми постепенно изгоняется узость, столетиями господствовавшая в них, та страшная (буквально — идиотская) узость, которая сеяла и поражала отчужденность и даже враждебность отдельных групп работников друг к другу, создавала разобщенность и изолированность исторического развития отдельных человеческих обществ, питала почти полную вековую неподвижность общественной жизни. «Крупная промышленность создала класс, которому во всех нациях присущи одни и те же интересы и у которого уже уничтожена национальность, — класс, который действительно отрешился от всего старого мира и вместе с тем протривоится ему»³⁷.

Конечно, выражаясь вышеприведенными словами Маркса из подготовительной тетради к «Капиталу», «всеобщность» рабочего в капиталистической системе «существует лишь в себе», ибо есть лишь «развитие бессодержательной специальности». Но эта капиталистическая всеобщность бесповоротно (пусть жестоко, разрушительно) вырвала работника из замкнутой, усыпляюще уютной и потому бессильной и застойной «всеобщности» старого ремесла — «всеобщности» примитива и неразвитого благополучия. И как раз то обстоятельство, что в капиталистической промышленности всеобщность рабочего «существует лишь в себе», заставляет рабочий класс стремиться к всеобщности труда для себя. «Сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих. Она как вопрос жизни и смерти ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя развитой общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»³⁸.

Конечно тенденция капиталистического производства состоит в том, чтобы убить в непосредственном процессе труда всю ту сознательную и одухотворенную жизнедеятельность, которая присуща труду как субстанции общественной жизни. Но процесс отчуждения общественных потенций от наемного рабочего осуществляется лишь таким образом, что «общественное» и т. д. в труде рабочего не только в «воображении», но и «фактически» противостоят рабочему не только

³⁶ «Ne sutar ultra crepidam!» («Сапожник, знай свой колодки!»). Эта вершина ремесленной мудрости превратилась в ужасную глупость с того момента, когда часовщик Уатт изобрел паровую машину, цырюльник Аркрайт — прядильную машину, ювелирный рабочий Фультон — пароход» («Капитал», т. I, гл. XIII, § 9).

³⁷ Маркс и Энгельс, *Немецкая идеология*, Собр. соч., т. IV, стр. 51.

³⁸ Маркс, *Капитал*, т. I, гл. XIII, § 9.

как нечто чуждое, но и как враждебное и противоположное, как овеществленное и олицетворенное в капитале»³⁹.

Именно как олицетворенное, ибо «отделение заходит так далеко, что условия труда противопоставляются рабочему как самостоятельные лица»⁴⁰, следовательно как самостоятельный, враждебный класс. Борьба наемного рабочего против обезличения, опустошения и разрушения его труда является поэтому борьбой класса рабочих против класса капиталистов. Несколько недель тому назад стало известно следующее место из Маркса, в котором историческое содержание этого процесса, глубочайший реальный смысл его двойственности и социальные корни его движущих противоречий резюмированы в исключительно мощной и в то же время простой форме: «Рабочий здесь с самого начала стоит выше, чем капиталист, поскольку последний уходит корнями в этот процесс отчуждения и находит в нем абсолютное удовлетворение, между тем как рабочий в качестве его жертвы с самого начала восстает против него и воспринимает его как процесс порабощения... Самовозрастание стоимости капитала, создание прибавочной стоимости есть определяющая, господствующая и всепоглощающая цель капиталиста, абсолютное стремление и содержание его деятельности, на деле лишь рационализированное стремление и цель собирателя сокровищ, совершенно убогое и абстрактное содержание, которое заставляет капиталиста, с другой стороны, выступать под рабством капиталистического отношения, так же как рабочего, хотя и с другой стороны — на противоположном полюсе»⁴¹. Подчеркиваем: рабочий с самого начала стоит выше, чем капиталист — и в капиталистическом процессе производства и следовательно в классовой борьбе, обусловленной этим способом производства. Наемный рабочий не только носитель опустошенной (абстрактной) рабочей силы, но он также (и тем самым) носитель борьбы против опустошения рабочей силы. «Рассматриваемое исторически господство капиталиста над рабочим и следовательно опустошение труда рабочего есть необходимый этап для того, чтобы насильственно добиться за счет большинства создания богатства как такового, т. е. создания неограниченных производительных сил общественного труда, которые одни могут образовать материальный базис свободного человеческого общества. Необходимо пройти через эту содержащую противоположности форму»⁴². Именно классовая борьба наемных рабочих есть то социальное движение, которое с самого начала не дает буржуазному опустошению труда выйти за пределы его исторически ограниченной миссии. Именно классовая борьба рабочих в форме пролетарской революции свергает капитал, когда этот последний стремится сохранить буржуазное опустошение труда после того, как его историческая задача выполнена. И именно классовая борьба рабочих в форме диктатуры пролетариата возвращает труду человеческих индивидов все его общественное содержание, оторванное от него властью капитала.

Но далее развитие капиталистического производства, и именно реального подчинения труда капиталу, т. е. подчинения,

³⁹ «Архив Маркса и Энгельса», т. VII (II), стр. 99.

⁴⁰ Там же, стр. 83.

⁴¹ Там же, стр. 35. Интересно сопоставить это место с рассуждениями Гегеля о рабе и рабовладельце в античном обществе («Феноменология духа»).

⁴² Там же.

покоящегося на изменении самого способа производства (в том числе технологического способа, путем развития машин и т. д.), подготавливает наемных рабочих к выполнению их исторической задачи. Буржуазное опустошение труда вовсе не означает деградацию класса носителей этого труда. Напротив, прогрессирующая тенденция к опустошению труда все в большей мере и все в более нестерпимых формах усиливает для рабочих масс разрыв между человеком и носителем труда. С другой стороны, именно создание простого машинного труда, нивелированного, бессодержательного, открывающего простор для легкой изменчивости занятий и для простого взаимного понимания между любыми рабочими, представляет технико-производственную основу для рождения великой пролетарской солидарности и пролетарской дисциплинированности. Уже в «Немецкой идеологии» (1845—1846) Маркс и Энгельс сформулировали следующий тезис: «Пролетарии, лишившись всякого реального жизненного содержания, стали абстрактными индивидами, но лишь поэтому-то они и получают возможность вступить в связь друг с другом»⁴³. Наконец опыт классовой борьбы научает рабочих отличать машину от ее капиталистического применения, научает видеть в машине собственную силу их труда и труда прошлых рабочих поколений, которую капитал направляет против них, научает рабочих ценить и понимать культуру машины и вместе с тем научает их тому, что производительные силы общественного труда лишь тогда станут производительными для самих пролетариев, когда они будут революционным путем вырваны из рук капитала и подчинены всему классу пролетариев как целому. Словом, «растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического процесса производства»⁴⁴.

Что касается впрочем буржуазной науки, то ее теоретические турниры вокруг проблемы машинного труда гораздо примитивнее (расчетливо примитивнее!) этой сложной и революционизирующей противоречивости капиталистического отношения между трудом и средством труда. Вполне понятно, что присущее капитализму отношение к труду как к натуральному, вещному моменту (фактору) производства определяет методологию и содержание буржуазной теоретической и практической экономики и технологии. Трагикомизм буржуазной науки заключается при этом в том, что в таком коренном вопросе она находится в постоянном и безысходном противоречии сама с собою. Она не может относиться к труду иначе, как механически, как отождествляя его с работой машины, ибо только так она может подвести теоретический фундамент под хозяйственную практику капитализма. Но она не может признать тенденцию капиталистического производства к абсолютному опустошению трудовой деятельности рабочего класса, к приравнению рабочего к машине, к превращению рабочего в еще не вытесненный придаток к машине, ибо, признав это, она бы признала классовое содержание буржуазного труда и буржуазной техники. С первых своих шагов и до нынешнего дня буржуазная экономическая и техническая наука стремится разнообразными доводами удерживать или выпячивать то одну, то другую из этих двух сторон.

⁴³ Собр. соч., т. IV, стр. 57.

⁴⁴ Маркс, Капитал, т. I, гл. 24, § 7.

И дискуссии о машинном труде, происходящие в буржуазной науке, это лишь «борьба» между теоретическим отождествлением человеческого труда с работой машины⁴⁵ и теориями «одухотворения труда»⁴⁶, т. е. между деляческим цинизмом и продажным сюсюканьем под идеализм (в том числе под боженьку!), и нередки случаи, когда обе «враждующие» и «принципиально различные» установки мирно соединяются под одной книжной обложкой у какого-либо хитроумного или поседевшего в апологетике теоретика.

Буржуазная наука видит одну из своих главных задач в том, чтобы скрыть причастность технического развития к классовой борьбе. Пускаются в ход всяческие средства «теоретического убеждения»: оборона и нападение, вороватое ханжество и откровенное издевательство. С одной стороны, буржуазия непрочь изобразить конкуренцию между машиной и рабочим демагогической выдумкой марксистов, делом, не стоящим выеденного яйца. При этом либо отрицается самый факт конкуренции (или он признается детской болезнью раннего капитализма), либо конкуренция эта объявляется переходным, кратковременным и несущественным осложнением, по природе дела неизбежным при введении технического улучшения. Первый прием исходит из «теории» о сотрудничестве рабочего и предпринимателя в процессе производства, о полубовном дележе ими результатов производства и т. д. Второй прием исходит из пресловутой «теории» компенсации. Современная социал-демократия конечно пользуется обоими приемами, чтобы реабилитировать капитализм; ее идеи промышленного ми-

⁴⁵ Например один из обычных «научных» приемов буржуазных писателей — это сосчитать вместе «силы машины» и «силы рабочих». В книге, вышедшей в 1932 г. (L e o H a u s l e i s t e r, *Revolution der Weltwirtschaft*, стр. 17), встречаем такое «разрешение» вопроса об изменении в соотношении силового аппарата Европы, Америки и остального мира: «Сумма всех любимыми способами эффективно действующих машин (I P S = 12 чел.) приводится к одному знаменателю с человеческой мускульной силой и к этому прибавляется число работающих взрослых людей. В результате получается силовая ценность (Kraftwert) в миллионах людей». Как ни наивен такой прием, характерно, что к нему прибегают наиболее серьезные и максимально объективные буржуазные ученые, как например Рело (1884 г.). Из нынешних писателей см. D e s s a u e r, *Philosophie der Technik*, стр. 93.

⁴⁶ Буржуазная наука на все лады воспекает «благотворность» машинного труда для рабочего. В основном это вариации двух «доводов»: 1) что машина берет на себя самую тяжелую часть труда, делая физический труд более легким и менее утомительным, и 2) что машина забирает себе физическую сторону работы, оставляя на долю рабочего духовную и вдобавок еще особо развивая последнюю. Маркс еще в 60-х годах доказал ложность этих буржуазных домыслов. С того времени развитие машинного труда целиком подтвердило правоту Маркса, а развитие буржуазных теорий о машинном труде не только не ослабило их ложность, но зато намного усилило их нарочитую лживость. «Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания», не говоря уже об интенсификации труда и о вовлечении женского и детского труда на базе его опустошения, — обоснованием этого положения Маркс ответил на болтовню об облегчении труда. Что же касается болтовни об одухотворении труда, то Маркс ответил на нее анализом тенденции рабочего персонала при машинном производстве капитализма. Вывод Маркса из этого анализа гласит, что наряду с «главными классами» занятых в машинном производстве рабочих, наряду с этой подавляющей массой духовно опустошенных рабочих «выступает количественно незначительный персонал, который занят наблюдением за всеми машинами и постоянной их починкой, например инженеры, механики, столяры и т. д. Это — высший, частью научно образованный, частью ремесленного характера класс рабочих, стоящий вне круга фабричных рабочих, просто присоединенный к нему». Таким образом создание незначительной группы носителей духовно содержательного труда есть присущий капитализму метод осуществления его тенденции к духовному опустошению труда остальной (почти всей) массы работающего населения, к низведению ее на уровень физиологического процесса, в котором психические моменты превращены в чисто рефлекторные реакции.

ра, хозяйственной демократии, фордизации, рационализации составляют не что иное, как подсахаренную на современный манер поганенькую премудрость буржуазной апологетики⁴⁷. Образцом и учителем может считаться Гомперс, который еще в 1899 г. перед правительственной комиссией на примере объяснял, что совсем нетрудно примирить рабочих с капиталистическим применением машины: стоит-де только организовать их и с помощью этой организации «разумно» подготовить введение новой машины⁴⁸. Но наконец выходит и сам Каутский (1927 г.) и одной фразой перечеркивает остатки своего былого марксизма, выставя напоказ буржуазное перерождение социал-демократии. Он провозглашает: «В технике никаких противоречий классовых интересов не существует»⁴⁹.

Но, с другой стороны, буржуазия согласна признать факт конкуренции между машиной и рабочим, но лишь для того, чтобы перейти в наступление и объявить этот факт благим и неотъемлемым завоеванием человеческой культуры, который останется на вечные времена как закон природы или как естественный закон общества. Наука и церковь, природа и быт, надежды и отчаяние, карьеризм и усталость, этика и мистика, история и здравый смысл — все рычаги общественной жизни мобилизуются буржуазией, чтобы внушить рабочему классу идеологию раба, безвольного элемента производства, «говорящего орудия», но раба, довольного своей участью и считающего ее добрым законом природы. Теоретическим стержнем буржуазных писаний служит при этом подстановка разделения труда на место классовых отношений, растворение классовых различий в различии профессий. Г. Зиммель пожалуй проще и лучше всех изложил эту высшую мудрость наступательной апологетики современной буржуазии: «Великий химик, который в своей лаборатории размышляет над составлением красок из угольной смолы, трудится для крестьянки, выбирающей себе у лавочника пестрый шарф; оптовый купец, который с помощью мировых спекуляций импортирует в Германию американское зерно, — это слуга беднейшего пролетария... Благодаря разделению труда в конечном итоге часть труда, вложенного в самые

⁴⁷ Тем величественнее встает фигура классика буржуазной экономической науки — Рикардо. Он пишет: «Мнение, разделяемое рабочим классом, что употребление машин часто наносит большой ущерб их интересам, не основано на предрассудке и заблуждении, а соответствует правильным принципам политической экономии». Для научной честности Рикардо характерно, что этот вывод означал пересмотр его первоначальной точки зрения. «Я теперь убедился, что замена человеческого труда машиной часто приносит большой ущерб интересам рабочего класса» («Начала», гл. XXXI).

Но вот через 100 с лишним лет появляется снова признание ошибки, на этот раз со стороны социал-демократа (или социал-демократствующего) Ледерера («Technischer Fortschritt und Arbeitslosigkeit», 1931 г.). Конечно же Ледерер стоит при этом несравненно «выше» устарелого Маркса! Не шутите: он исходит из «современной трактовки проблемы» и «пользуется современными мыслительными орудиями», т. е. «гипотезами статического и динамического равновесия»! Видимо и в теории, как в реальной истории, повторение трагедии дает фарс. Подумать только в самом деле: в эпоху умирания капитализма «открыть» и с важностью провозгласить истину, которая была известна первым буржуазным теоретикам зрелого капитализма! Впрочем есть и немаловажная разница: классик-буржуа интересовался положением пролетариата, социалист периода всеобщего кризиса капитализма радеет о положении капитала... Но это не все. Ниже мы увидим, что, разочаровавшись в компенсирующей силе промышленности, Ледерер утешается компенсирующей силой... торговли!

⁴⁸ Samuel Gompers, Labor and the Employer (выдержки из статей и речей и т. д., собранные Kayes Robins, стр. 58—59).

⁴⁹ «Material Geschichtsanfassung», т. I, стр. 727. Да и Отто Бауэр придерживается этой точки зрения. В его книге «Rationalisierung — Fehlrationalisierung» (1931 г.) все рассуждения строятся на тождественности технических проблем в капиталистических странах и в СССР.

низменные предметы потребления, исполняется наиболее высокостоящими индивидами», как и обратно: «самые грубые руки участвуют в изготовлении самых утонченных продуктов высочайшей культуры», — и это-то и составляет «основу разделения труда». Так писал небезызвестный опровергатель марксизма Зиммель еще в 1900 г.⁵⁰, а социал-демократия повторяет и разжевывает эти рабовладельческие «истины» (в нарочито прилизанной форме) в своих теоретических «творениях» периода всеобщего кризиса капитализма.

Между тем подлинный смысл этих творений выболтал еще в 1911 г. Пленге: «Ручной труд не может господствовать. Он не является, как в свое время буржуазия, новым господским слоем, продвигающимся наверх с помощью современных средств власти и все усиливающимся, он не поднимающийся «класс» (иронические кавычки! — Э. Л.), с которым могло бы сравниться какое-нибудь подъемное движение прошлого... В действительно существующем мире, в этом политехническом обществе, подъем ручного труда по аналогии с подъемом самостоятельной буржуазии совершенно невозможен»⁵¹. Так заклинал историю идеолог капиталистического рабовладения в период огромного напряжения империалистических противоречий, всего за полдесятка лет до первой победы охаяющего им движения «ручного труда» на одной шестой земного шара. Как можно здесь не привести изумительного наказа, данного примерно в то же время Лениным рабочим депутатам в царской Думе: сказать о «близости осуществления социализма». «Крайне важно сказать об этом с думской трибуны, поведать рабочим России о начале великих битв за социализм в Европе и Америке, о близости торжества (неминуемого торжества) социализма в цивилизованном мире»⁵².

Впрочем действительный интерес представляет не теоретическая «контроверза» буржуазной науки, обреченной, как белка в колесе, вертеться вот уже сто лет между двумя рядами довольно примитивных аргументов, не подвигаясь вперед ни на иоту. Действительный интерес представляет историческое развитие внутренних противоречий капиталистического отношения техники и труда, развитие, которое в топтании буржуазной науки на одном месте либо не улавливается, либо сознательно прячется. Все вышеизложенное делает понятной поразительную двойственность технического развития при капитализме. Из связанности машинной техники с непосредственно общественным трудом в масштабах крупной промышленности вытекают огромная, широко охватывающая прогрессивность созданной капитализмом техники, ее сказочная способность к росту и к распространению, ее научность, ее революционизирующий характер и тем самым постоянные (с самых первых шагов!) и неизбежные столкновения с узостью капиталистического способа производства. Из связанности машинной техники со специфически буржуазной неполнотой, извращенностью и классовой антагонистичностью обобществления труда берутся постоянное (тоже с самых первых шагов!) и неизбежное приспособление машинной техники к узости капиталистического производства и следовательно обрывание ее прогрессивных тенденций, игнорирование ее производственных возможностей, борьба против открываемых ею социальных перспектив,

⁵⁰ «Philosophie des Geldes». Вот кстати мера падения и вырождения буржуазной политэкономии: от разделения труда А. Смита до разделения труда Г. Зиммеля.

⁵¹ P l e n g e, Max u. Hegel, 1911.

⁵² «К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов» (ноябрь 1912 г.). Впервые опубликовано во 2-м изд. Собр. соч., т. XV.

разрушение природных основ общественного развития и в конце концов ограничение и извращение ее собственно технической структуры. Маркс в таких словах подводит итоги своему исследованию машинной техники в связи с капиталистической крупной промышленностью: «Капиталистическое производство развивает технику и комбинацию общественного производственного процесса, лишь подкапывая одновременно родники, из которых бьет всякое богатство: землю и рабочего».

Каковы же общие контуры исторического развёртывания противоречий технического прогресса при капитализме?

* * *

«Так как машинный продукт, например один аршин машинной ткани, дешевле, чем вытесненный им однородный продукт ручного труда, то получается следующий абсолютный закон: если общее количество товаров, произведенных машинным способом, остается равным общему количеству замещенных ими товаров, производившихся ремесленным или мануфактурным способом, то общая сумма прилагаемого труда уменьшается. То увеличение труда, которое обусловливается производством самих средств труда, — машин, угля и т. д., — должно быть меньше того труда, который сберегается применением машин. Иначе машинный продукт был бы не дешевле или даже дороже ручного продукта»⁵³.

Этот «абсолютный закон» приобретает специфический характер в условиях капиталистического производства, а именно: «В применении машин к производству прибавочной стоимости заключается то имманентное противоречие, что из двух факторов прибавочной стоимости, доставляемой капиталом данной величины, машины увеличивают один фактор, норму прибавочной стоимости, только таким способом, что они уменьшают другой фактор, число рабочих». Это значит, что при каждом продвижении техники для капитала стоит проблема: а не будет ли выигрыш на относительной прибавочной стоимости съеден сокращением массы прибавочной стоимости, произошедшим в силу уменьшения числа рабочих?

Как же развивается это «имманентное противоречие» капиталистического технического прогресса? Ответ может быть получен лишь из рассмотрения тех способов и тех форм, коими капитализм пытается преодолеть это свое противоречие, борясь против него на обоих мыслимых путях увеличения массы абсолютной прибавочной стоимости.

а) Прежде всего капитал стремится устранить это противоречие посредством увеличения массы производимых товаров при переходе к более совершенной технике. Это должно приводить к сохранению (или даже увеличению) числа рабочих, занятых не только в том самом производстве, где введено улучшение, но и в производствах, связанных с ним цепной связью (доставляющих ему сырье, средства труда или отделяющих, дорабатывающих, перевозящих и т. д. его продукты). Однако увеличение товарной массы есть не только техническая проблема — это еще экономическая проблема: проблема общественной потребности в этой выросшей массе предметов, или (в условиях капитализма) проблема рынка. Вопреки заверениям и заклин-

⁵³ Маркс, Капитал, т. I, гл. XIII.

нениям вульгарной экономии, метафизического тождества этих двух проблем не существует⁵⁴. Масштабы и темпы технических совершенствований контролируются поэтому при капитализме условиями рынка. И это контроль не только со стороны частнокапиталистической рациональности, — существенно то, что через призму этой последней здесь преломляется общественная граница капиталистического развития техники. Ибо дело идет о том, чтобы не допустить уменьшения массы создаваемой прибавочной стоимости, которое должно произойти от вытеснения рабочих новой техникой, не дать уменьшению числа рабочих съесть прирост относительной прибавочной стоимости, словом, дело идет о борьбе против ослабления жизненной основы капитала. Быть может одним из наиболее поразительных теоретических «пророчеств» Маркса является его вывод о наступлении катастрофического конфликта между условиями роста техники и условиями производства прибавочной стоимости в тот период, когда абсолютное вытеснение рабочих машинами не сможет быть задержано увеличением машинной продукции. Вот буквальные слова Маркса:

«Такое развитие производительных сил, которое бы уменьшило абсолютное число рабочих, т. е. в действительности позволило бы целой нации совершить все свое производство в меньший отрезок времени, привело бы к революции, т. к. оно вывело бы в тираж большинство населения»⁵⁵.

Возможность постоянной безработицы, которая не рассасывается в периоды облегчения конъюнктуры, поистине предсказана Марксом, т. е. совершенно закономерно выведена им почти три четверти века назад из его понимания взаимного отношения труда и средства труда при капиталистическом способе производства. Превращение этой возможности в действительность должно было произойти в период всеобщего кризиса капитализма, ибо именно этот кризис создает то колоссальное препятствие к увеличению продукции, которое в условиях монополистического капитализма приводит к сочетанию постоянной недогрузки производственного аппарата с неслыханно неравномерным и скачкообразным движением техники. Понять современную безработицу можно поэтому лишь на основе учения Маркса и Ленина, лишь на основе ее анализа, данного большевистской партией. Как жалько в самом деле выглядят так называемые теории «технологической безработицы», «структурной безработицы» и т. д., на скорую руку придуманные буржуазными апологетами! Эти поверхностные, прагматические теории видят свою прямую задачу в том, чтобы снять ответственность с капитализма, сваливая ее то на технику (как будто СССР не ликвидировал безработицу как раз путем небывало быстрой и небывало универсальной технико-экономической реконструкции!), то на неудачную «структуру» нынешнего капитализма (как будто есть какая-нибудь безработица, которая бы не объяснялась структурой капитализма, или как будто можно изменить нынешнюю структуру капитализма, оставив в силе самый капиталистический способ производства!) и т. д. Зато в марксовом анализе, данном три четверти века назад, раскрыт с м ы с л двух важнейших фактов умирающего капи-

⁵⁴ Спрос на товар вовсе не должен возрасти ровно во столько раз, во сколько раз понизилась его стоимость, не говоря уже о том, что сбалансирование прибавочной стоимости (сбалансирование потерь от сокращения числа рабочих с выигрышем от увеличения относительной прибавочной стоимости) есть нечто гораздо более сложное, чем такое «тождество», даже если бы последнее имело место.

⁵⁵ Капитал, т. III; гл. XV — «Добавления».

тализма. В о-п е р в ы х, в нем определено историческое место современной безработицы как одного из выражений предельного и безысходного (заключительного) обострения внутренних противоречий капитализма. В о-в т о р ы х, в нем дано подлинно научное доказательство узости границ автоматизации производства при капитализме, доказательство того, начав с автоматизации производства и сделав ее своим техническим знаменем, капитализм по своей природе не в состоянии провести ее сколько-нибудь полно и универсально: такая автоматизация означала бы капитализм без производительной прибавочной стоимости, т. е. бессмыслицу, невозможность⁵⁶.

Для капиталистического производства «пределом является избыточное время рабочих. Абсолютный избыток времени, выигрываемый обществом, его не интересует. Развитие производительной силы важно для него лишь постольку, поскольку оно умножает прибавочное рабочее время рабочего класса, а не постольку оно вообще уменьшает рабочее время для материального производства»⁵⁷.

б) Но капитал имеет еще другой путь борьбы против опасности уменьшения массы прибавочной стоимости, которое могло бы возникнуть вследствие вытеснения рабочих новой техникой. Это — увеличение абсолютной прибавочной стоимости, создаваемой о с т а в ш и м и с я рабочими.

Вообще капитал должен превратить рабочего в персонифицированное рабочее время. С первых же шагов, которые он делает еще в недрах старого общества, он борется за «установление полного рабочего дня» (т. е. за удлинение рабочего дня), пользуясь содействием законодательства. Здесь надо различать два периода. «После того как капиталу потребовались целые столетия, чтобы удлинить рабочий день до его нормальных максимальных пределов, а затем и за эти пределы, до границы естественного двенадцатичасового дня (первый период — Э. Л), со времени возникновения крупной промышленности в последней трети XVIII в. начинается стремительное, лавинообразное (опрокидывающее все преграды) движение в этой области (второй период — Э. Л.)»⁵⁸.

Этот второй период, период стремительного увеличения рабочего дня, связан с применением машин в качестве технической основы крупной промышленности: желание использовать машину в течение всего времени ее существования, уничтожив простой машинного оборудования. Но очень скоро рабочий начинает оказывать сопротивление, в результате упорной борьбы вынуждая у буржуазного государства фабричное законодательство. «Фабричное законодательство — это первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй процесса его производства»⁵⁹. Это есть к а п и т а л и с т и ч е с к о е воздействие, т. е. его объективным смыслом является улучшение («рационализация») условий выколачивания прибавочной стоимости. И действительно, законодательное ограничение рабочего дня открывает почти безбрежный простор для интен-

⁵⁶ Вопреки Туган-Барановскому, мечтавшему о капитализме с грандиозной системой машин, приводимой в действие одним единственным рабочим. Интересно сопоставить с этим идеалом ученого буржуазного обывателя действительные достижения капитализма. Fames. S. Thomas дает такую выкладку для 1910 г.: все население САСШ — 107 млн., работающее население — 41,6 млн., действительно занято у машин (actual machine tender) — 5 млн., т. е. машинные рабочие составляют всего около 4½% всего населения, или 13% работающих людей САСШ («Electr. World» от 11 июня 1932 г.).

⁵⁷ М а р к с, Капитал, т. III, гл. XV—«Добавление».

⁵⁸ М а р к с, Капитал, т. I, гл. VIII, § 6.

⁵⁹ Там же, гл. XIЦ, § 9.

сификации труда. «Когда сокращение рабочего дня, которое создает сначала субъективное условие для конденсации труда, т. е. дает рабочему возможность расходовать больше силы в течение данного времени, проводится принудительно, т. е. в законодательном порядке, машина в распоряжении капитала становится объективным и систематически применяемым средством, для того чтобы выжать больше труда в течение данного времени»⁶⁰.

Таким образом фабричное законодательство, по природе дела связанное с машинной техникой, приводит к углублению и очищению антагонизма между капиталистами и рабочими. Оно поднимает возмущение рабочих на более высокую ступень — с возмущения количественной непомерностью труда до возмущения его качественной непосильностью и вместе с тем самой системой буржуазного труда. Одновременно с этим растущее самосознание рабочего класса все более дает себя знать и по другой линии: опыт классовой борьбы поднимает общий уровень классовой сознательности пролетариата и все более ставит его в положение сознательного антагонизма к буржуазному способу производства. Таким образом рабочий класс (и следовательно также отдельный рабочий, поскольку он себя сознает членом своего класса) вступает все в более глубокое и осознанное противоречие с тенденцией капиталистической крупной промышленности к опустошению машинного труда. Но к этому изменению на стороне труда присоединяется изменение на стороне средств труда. Все более обнаруживается недостаточность механической техники для развития крупной промышленности. Новые же (более совершенные) технические методы производства, например химические, электрические, биохимические, предъявляют (для своего адекватного применения) требование на более содержательный труд, заключающий в себе ряд серьезных интеллектуальных функций — контролирования сложных средств труда и точных процессов, умной, умелой и быстрой ориентировки, сравнительно высокой технической грамотности и т. д. Тем самым и техника все чаще и все в более решающих звеньях становится несовместимой с тенденцией к беспредельному опустошению труда. Таким образом к историческому концу капитализма назревает глубокий конфликт между тенденцией капиталистического применения техники к абсолютному опустошению и духовному умертвлению человеческого труда, с одной стороны, и требованиями живых носителей труда и мертвых средств труда, — с другой. Рабочие и средства труда смыкаются в единый фронт, направленный против капиталистического применения техники.

Спасаясь от нарастания этого рокового для него конфликта, капитализм прежде всего стремится обуздать рабочих. Возникают и мнжатся (а порою и сознательно насаждаются) убудочные и фетишистские экономические формы, смысл и назначение которых в том, чтобы выйти за пределы ограниченности буржуазного труда, оставляя его однако буржуазным. Историческое значение этих форм в том, чтобы замазать разрыв между трудом и капиталом, который фабричным законодательством не только не смягчается, но углуб-

⁶⁰ «Это достигается двояким способом: увеличением скорости машин и увеличением размера механизма, который находится под контролем одного и того же рабочего. Усовершенствования в конструкции машин отчасти необходимы для того, чтобы усилить давление на рабочего, отчасти они сами собой сопровождают интенсификацию труда, потому что ограничение рабочего дня побуждает капиталиста к самой строгой экономии на издержках производства» Маркс, Капитал, т. I, гл. XIII, § 3.

ляется и обостряется, чтобы создать видимость примирения, соглашения, видимость уступки труду со стороны капитала не только в вопросе простой длительности труда, но и в вопросе его интенсивности и его содержательности. Эти формы экономического обмана и подкупа рабочих капитализм создает под видом форм заработной платы (усложненные виды почасовой платы, участие в прибылях, собственность рабочих на акции «своего» предприятия, фордовская единая плата и т. д.) и под видом форм регулирования зарплаты (третейские суды, принудительный арбитраж, коллективные договоры через профсоюзную бюрократию и т. д.). Именно монополистический капитализм и особенно всеобщий кризис капитализма является величайшим рассадником этих фетишистских форм. Наступает время для «обобщений», практических и теоретических. Историческое место «хозяйственной демократии», фашистской «харты», разных вариантов послевоенной «рационализации», «промышленного мира», «корпоративного хозяйства», «кооперативного хозяйства» и т. д. и т. п. в значительной мере характеризуется этим претенциозным и хитрым стремлением капитала, пользуясь принуждением и убеждением, примирить рабочий класс с капиталистической крупной промышленностью и капиталистическим применением техники в ту эпоху, когда и крупная промышленность и связанная с нею техника окончательно вырываются из рук капитала. В послевоенное время и (что весьма знаменательно!) особенно в период относительной стабилизации капитализма наплодилась многочисленная литература, не то призывающая реформировать труд, не то поясняющая, что эта реформа происходит на наших глазах, не то уверяющая, что буржуазный труд уже отошел в прошлое. Кого только здесь не встретишь! Купленные и «идейные» певцы Ф о р д а и Б а т т и из всех политических легарей буржуазии⁶¹; подозрительно сердобольные интеллигенты, тоскующие о радостном труде, вроде Hellrach и особенно на шумевшего Н. de Man⁶², открыто реакционные планы Ferd. Fried⁶³ насчет поощрения мастерской; поучения социал-демократических вождей и теоретиков о том, что рабочая сила перестала быть товаром⁶⁴, писания Dubreil⁶⁵ и плодовитого Rosenstock о «командитной мастерской»; восторги «рабочего от станка» Brüger, которого буржуазия частью подкупила, частью запугала и запутала и с которым она носится на всех перекрестках как с неоспоримым авторитетом⁶⁶; старый «объективный» буржуазный профессор политэкономии Шульце-Геверниц, неожиданно нашедший в психотехнике спасительный путь для капитализма⁶⁷; путаные прожекты творцов высокой идеологии немецкого фашизма—мистика-мракобеса Розенберга и экономиста Федера; истерические (но с хитрецей) причитания «культур-философов» вроде J. Popp⁶⁸. Простой смысл многоликого хора выболтал как раз этот «культур-философ» и истерический реакционер Popp: дело, видите ли, идет о том, чтобы «создать личную

⁶¹ Нзвейшие идеи Форда о специализации представляют лишь иной вариант для разрешения все той же задачи. Как ни странно, но о фордизме удачно сказал Шульце-Геверниц: это—де американский «способ примирения машины с капитализмом» (Arch. Sozwiss, 63—2, 1930 стр. 263).

⁶² Hellrach, Sozialpsychologische Forschungen; Н. de Man, Der Kampf am d. Arbeitsfreunde.

⁶³ F. Fried, Ende des Kapitalismus, 1931.

⁶⁴ Тарнов, Нельтинг и Браунталь.

⁶⁵ Н. Dubreil, Das Industrielle Gemeinwesen — Eugen Rosenstock. «Werkstattsaussiedlung», 1923; «Industriesslu», 1924, «Lebensarbeit in der Industrie, 1926.

⁶⁶ Brüger, Von neuen Siun der Arbeit.

⁶⁷ Schulze-Gevernitz, Die Maschine in der Kapitalistischen Wirtschaftsoerdung.

⁶⁸ I. Popp, Technik als Kulturproblem, 1929.

жизнь в труде и пойти навстречу массовой жажде к заполучению хозяйственной власти — без того чтобы каким-либо образом пошатнуть частную собственность или общее управление».

Уже в годы относительной стабилизации капитализма было ясно, что вся эта громоздкая, пестрая и помпезная шумиха может иметь лишь самые ничтожные результаты. Но с первыми ударами кризиса невиданная в истории (по масштабам, разнообразию средств и систематичности) попытка капитала загнать, обуздать и приручить труд, с тем чтобы на этой основе устранить препятствия к капиталистическому применению новой техники, эта попытка рассыпалась, как карточный домик. Мишура облетела сразу же, и выступила вульгарная буржуазная нагота: сразу стало ясно, что успехи «стабилизации», «просперити», «рационализации» и т. д. были достигнуты не за счет принципиального изменения положения рабочего в производстве, а в основном за счет самой зверской интенсификации труда. Сама «идеологическая» клика выступила при этом не в слишком лестном виде подспоря и дымовой завесы монополистического капитала в деле проведения этой интенсификации труда. Но сроки капитализма сочтены, история подхлестывает, и капитал в первые же годы кризиса меняет идеологический фронт. Если невозможно обуздать труд, чтобы укрепить свое могущество на продвижении техники, то надо попытаться обуздать технический прогресс, чтобы на базе задержанной техники удержать, расширить и углубить власть над трудом. Еще обильнее, быстрее и нервнее, чем в период стабилизации, возникали планы «реформирования труда», возникают в период кризиса планы «реформирования» техники. Достаточно широко известен этот анти-технический поход капитала, чтобы здесь следовало на нем подробно останавливаться. Капитал вводит все новые силы и в этот небывалый в истории открытый поход общества против созданных им материальных производительных сил.

Кризис породил такую безработицу и такую недогрузку производственного аппарата, которые воочию показывают неспособность капитала овладеть производительными силами, извлеченными им из недр общественного труда, и в их числе овладеть системой предметных средств труда, техникой. Капитал хочет скинуть с себя вину за колоссальное расточение и разрушение людских и предметных производительных сил, и он снова, с другого бока, пытается обмануть историю. И чтобы изобразить смертельную нужду в виде добродетели, реакцию в виде реформы и улучшения, социальный регресс в виде социального прогресса, капитал мобилизует всю армию своих идеологов. Любопытно, что почти весь фронт «реформаторов» труда включился в армию «реформаторов» техники. Но последняя армия гораздо шире и разнообразнее, ее выступления гораздо настойчивее и, так сказать, публичнее, ибо дела капитализма хуже, могильщик капитала стал опытнее, да и ставка-то одна из последних. Муссолини и Отто Бауэр, фашиствующий Ферд. Фрид и социал-демократствующий Э. Ледерер, вице-президент американского общества «Mechanical Engineers» Р. F. Flanders и председатель союза «Республиканский флаг» Герзинг, Шпеглер и Кайо, архиепископ Иоркский⁶⁹ и французский академик Борель, Чейз и генеральный директор полуфашистской «Dinta Vögler» и философствующие немецкие мещане профессорского звания (например

⁶⁹ Любители исторических анекдотов с удовольствием прочтут его статью в «Contemporary Review» за апрель 1932 г.

ректор Кельнского университета Кр о л ь), почтенный политэконом старой школы А д. В е б е р и бывший министр труда Франции Ж ю с т е н Г о д а р и т. д., тракторы и монографии⁷⁰, газетные дискуссии⁷¹, выступления целых организаций⁷² и наконец беллетристика⁷³ — все пушено в ход капиталом в его войне против технического прогресса. И все же можно сказать наверняка, что обуздать технику капиталу так же не удастся, как не удастся обуздать труд. Самонадеянный расчет капитала грубо ошибочен в самой основе: буржуазное общество еще менее может «обдуманно» и планомерно провести регресс общественной техники, нежели ее прогресс. Для осуществления регресса капитализм не имеет ничего кроме того же самого средства, что и для прогресса: стихию конкурентной борьбы индивидуальных капиталов. «Буржуазия не может существовать, не революционизируя постоянно орудий производства», при этом оставаясь «безвольным носителем» технического прогресса, как сказано еще в «Коммунистическом манифесте». Усилившаяся неравномерность развития заставляет действовать закон конкуренции с особой необузданностью и разрушительностью. Нет той силы, которая могла бы заставить капиталиста-монополиста отказаться от технического улучшения, если ему кажется, что это может ослабить его конкурента. Маркс писал, что ни один капиталист не применит нового способа производства добровольно (как бы он ни повышал производительность труда), если при этом не повысится прибыль. Но точно так же ни один капиталист не станет принципиально задерживать технического развития своего индивидуального предприятия, если это не сулит ему по крайней мере стабильности прибыли. Поэтому всякий конкретный шаг против техники лишь тогда может иметь место, если он увеличит прибыль или уменьшит убытки соответствующего, индивидуального капитала. Не может следовательно дело идти так, что сначала буржуазия понизит (или задержит) технический уровень общественного производства и лишь затем на этой основе «успокоит» рабочий класс и снова начнет выколачивать прибавочную стоимость. Утеря относительной прибавочной стоимости, которая каждый раз будет сопровождать снижение техники (или ее задержку), должна обязательно тут же (в том же самом производственном процессе индивидуального капитала, быть перекрыта (или хотя бы покрыта) увеличением абсолютной прибавочной стоимости, т. е. усилением интенсивности труда. А это значит, что снижение техники капитал мог бы провести лишь в прямой борьбе против рабочего класса.

В известном смысле можно было бы сказать, что то специфическое обострение противоречий капиталистического применения техники, которое порождается всеобщим кризисом капитализма, толкает капи-

⁷⁰ Наиболее интересны: F. F r i e d, Ende des Kapitalismus, 1931; E. L e d e r e r, Technischer Fortschritt u. Arbeitslosigkeit, 1931; F o l k e r t W i l k e r, Die Metamorphosen der Wirtschaft, 1931; T h. L u d d e c k e, Meisterung der Maschinenwelt, 1931, S t. C h a s e, Machine-Moloch; O. S p e n g l e r, Der Mensch u. d. Technik, 1931; F r. L a w a c z e k, Technik u. Wirtschaft im Dritten Reich, 1932; S. S t a r k, Auferstehung der europäischen Wirtschaft, 1932; R. M. F o z, The triumphant machine, 1928; L. L o m b r o z o, La rançon du machinisme, 1930.

⁷¹ См. например весною (1931 г.) дискуссию об итогах рационализации в Германии. Вообще нет ни одной крупной газеты, которая бы не давала у себя места буржуазным машиноборцам.

⁷² См. например нашумевший совсем недавний отчет группы профессоров Колумбийского университета во главе с Бассет Джомсом, Говард Скоттом и др.

⁷³ Роман P i r a n d e l l o, Kurbeln (немецкий перевод) или совсем недавно вышедший роман A n d r e M a u r a i t, Le peseur d'ames, а также переиздания утопического романа B u t l e r.

тализм к двойной попытке обмануть историю. Капитализм стремится, с одной стороны, развенчать классовую борьбу в глазах пролетариата, как бы столкнуться с техникой за счет рабочего класса, как бы обойти труд со стороны техники. Он стремится, с другой стороны, развенчать технический прогресс, как бы столкнуться с трудом за счет техники, как бы обойти технику со стороны труда. В годы относительной стабилизации расцветает первая идеология, в годы кризиса она дополняется второй идеологией. По сути же дела это две стороны одного и того же процесса неслыханного наступления умирающего капитализма на рабочий класс, стремления выйти из тупика за счет рабочего класса и путем увековечения капиталистического способа производства. «Обуздание техники»⁷⁴ есть другая сторона и другая форма все того же обуздания рабочего класса.

Соотношение между трудом, средством труда и капиталом выступает теперь в новом виде. На заре капитализма рабочий бунтовал против капитала и машины, отождествляя их и рассчитывая поразить капитал, разрушая применяемые им машины. Созревание капиталистических противоречий научает рабочего отличать капитал от машины; в эпоху зрелого капитализма пролетариат борется не против машины, а против ее капиталистического применения. Ныне, в период всеобщего кризиса капитализма, когда буржуазия объявляет поход против машины, рабочий класс должен свергнуть господство капитала, чтобы, взявшись за революционное переустройство всех общественных отношений, открыть путь для дальнейшего развития техники и вообще производительных сил общества. Тем самым рабочий класс получает от истории прямой мандат на дальнейшее продвижение технического прогресса. В этой своей исторической миссии пролетариат убеждается и укрепляется все быстрее и активнее двумя реальными обстоятельствами. Во-первых, антитехнический поход буржуазии это не просто «идеология», а идеологически оправдываемые и организуемые конкретные действия все большего числа капиталистов. Во-вторых, перед пролетариатом буржуазных стран стоит опыт страны диктатуры пролетариата, где путем низложения капитала и непосредственно экономического соединения труда и средств труда развертывается впервые в истории социалистическое строительство, которое на основе невиданных темпов технического прогресса ширит и множит свободу, власть и благосостояние рабочего класса и руководимого им человеческого общества.

4. Средства общественного труда и прибыль общественного капитала

Движение прибавочной стоимости выражается в движении прибыли. Поэтому связанность технического прогресса с ростом прибавочной стоимости выражается в виде связи технического прогресса с движением прибыли. Здесь нас пока не интересуют индивидуальный капитал и развитие общественного капитала при посредстве борьбы индивидуальных капиталов — об этом речь будет ниже. Здесь нас интересует, во-первых, общая (т. е. принципиальная) граница, которую производство ради прибыли ставит техническому прогрессу общества, и, во-вторых, влияние, оказываемое на технический прогресс движением прибыли всего общественного капитала или совокупной общественной прибыли капитала. Разберем по порядку эти две проблемы.

⁷⁴ Буквальные слова Ледерера: «Общественное обуздание (gesellschaftliche Zügelung) технического развития стало жизненным вопросом европейских наций» (цитируемое сочинение, стр. IV—V).

1. Производство ради прибыли есть производство для непосредственного результата. «В такой общественной организации, где отдельные капиталисты ведут производство и обмен ради непосредственной прибыли, могут приниматься во внимание прежде всего лишь ближайшие, самые непосредственные результаты...» «При теперешнем способе производства считаются — одинаково как по отношению к природе, так и к обществу — лишь с первым самым осязательным успехом» (Энгельс, Диалектика природы).

Какими только способами буржуазная наука не пробует скрыть это роковое условие капиталистического технического развития! Тут и пошлые «сравнительно-исторические» разглагольствования на тему о том, как далеко-де современный человек ушел от дикарей в умении «делать запасы», «заботиться о завтрашнем дне», «хозяйничать» и т. д., причем эти изыскания обязательно сопровождаются учеными ссылками на «открытия» историков культуры. Тут и пошлые «экономические» откровения о том, что хозяйственные формы современного капитализма по природе своей составляют ориентацию на будущее, как это-де неоспоримо видно в акциях, выводящих, мол, капитал за пределы жизни единоличного человека, в денежных пенсиях, в страховании и вообще в приложении капитала с «неизвестными перспективами». Тут и столь же пошлые экономико-психологические постулаты, якобы вытекающие из духовной природы человека, например тезис Бем-Баверка о предпочтении настоящих благ будущим, который буквально отражает и выражает это несовершенство капиталистического производства, изображая нужду в виде добродетели, ограниченность исторически определенного общества—в виде естественного закона всякой экономической жизни. Тут наконец и горестные вздохи и резиньации о «несовершенстве человеческом»⁷⁵.

Следующее положение Маркса о машинном производстве при капитализме остается в полной силе и в наши дни. На основе машинной техники расширяются такие отрасли производства, «продукты которых (например каналы, доки, тоннели, мосты и т. д.) приносят плоды лишь в сравнительно отдаленном будущем... Однако их относительную роль в общем производстве нельзя признать значительной даже в наиболее развитых странах»⁷⁶.

Подчинение капиталистического технического прогресса производству для непосредственного эффекта составляет одну из общих (универсальных) границ этого прогресса. И подобно тому как прибыль есть выражение и результат прибавочной стоимости, так и это подчинение завтрашнего дня сегодняшнему дню, характерное для капиталистического способа производства, есть лишь выражение и результат подчинения настоящего (живого) труда прошлому (мертвому) труду, т. е. выражение и результат той основы, на которой покоится произ-

⁷⁵ «Все, что человек в состоянии делать, это на короткие сроки», плачется гейдельбергский профессор философии К. Jaspers («Die gestige Situation der Zeit», 1931, 2 Ausgabe).

Тем интереснее послушать последнего честного рыцаря (Дон-Кихота) капитализма — Вальтера Ратенау. «Откуда это наше время берет еще мужество говорить о развитии, о будущем и о целях, направлять половину своей деятельности к грядущему, работать для будущих поколений, открывать законы, устанавливать ценности, сберегать блага. Оно не устает исследовать, откуда оно идет, но оно не знает, где оно стоит, и оно не хочет знать, куда оно ведет. Потому самые лучшие и устают от этой работы дня ради дня, многие ставят свое сомнение, свою усталость и отчаяние в центр своего мышления, предпочитают утешаться мгновением и отступаются от самой прекрасной привилегии — от права заботиться» («Von Kommanden Dingen», Соч., т. III; в изд. 1925 г., стр. 14—15).

⁷⁶ «Капитал», т. I, гл. XIII, § 6.

водство прибавочной стоимости. Здесь не место показывать проявление этой границы капиталистического производства и его техники в различных сторонах экономической жизни: в деле овладения землей, в обращении капитала, в деле организации общественного производства и т. д. Обо всем этом — ниже. Здесь только следует отметить, что в эпоху монополистического капитализма (и особенно в период его всеобщего кризиса) эта граница, которую система производства ради прибыли ставит развитию материальных производительных сил, превращается в величайший и неустрашимый источник противоречий и торможений технического прогресса ⁷⁷.

2. Тенденция нормы прибыли к понижению и технический прогресс. В движении органического состава общественного капитала (или среднего органического состава капитала) заключено противоречие между развитием технического состава капитала и развитием состава капитала по стоимости ⁷⁸, причем заключено в постоянно напряженной форме, т. е. в форме, ищущей для себя внешнего разрешения. Это положение открыто и развито Марксом на основе его учения о двойственном характере труда и производства в капиталистическом обществе; в нем скрыта поэтому глубокая основа той специфически-исторической ограниченности, на которую постоянно и, так сказать, принципиально, обречено самое прогрессивное движение общественной техники в условиях капитала. В самом деле. С одной стороны, «прогрессирующее развитие общественной производительной силы труда сказывается именно в том, что посредством возрастающего применения машин и вообще основного капитала при том же числе рабочих в такое же время, т. е. с меньшим трудом, превращается в продукты большее количество сырых и вспомогательных материалов». С другой стороны, в условиях капиталистического производства это означает «непрерывное относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным и следовательно со всем капиталом», а это «тождественно с развитием более высокого среднего органического состава капитала». Общим экономическим выражением этого антагонизма является сформулированный и математически точно обоснованный Марксом «закон тенденции нормы прибыли к понижению». «Постоянная тенденция общей прибыли к понижению есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, выражение, свойственное капиталистическому способу производства» ⁷⁹.

Таким образом в условиях капиталистического производства всякий новый шаг вперед, который делает техника, есть в то же время воздвигание нового препятствия по пути ее дальнейшего продвижения вперед. Непосредственно дело выглядит так, что капиталистическая форма технического прогресса непрестанно порождает препятствия к техническому прогрессу. Самая возможность технического прогресса капиталистического производства выглядит каким-то *contradictio in adicto*, бессмыслицей, невозможностью, ибо движущей пружиной является прибыль, а технические улучшения вызывают понижение нормы прибыли. Между тем капитализм колоссально развивает произво-

⁷⁷ Один из неисчислимых примеров («The Nation», Vol. 128/129, т. I, стр. 415) рассказывает, что вопреки указаниям геологов и экономистов, вопреки решениям конгрессов, комиссий, комитетов и т. д. американские производители нефти сделали своим лозунгом: «К черту будущие поколения!» Но вот они наконец решились сократить производство. Почему? «Просто потому, что цены заколебались», горько иронизирует интеллигентский еженедельник.

⁷⁸ М а р к с, Капитал, т. I, гл. 23, § 7.

⁷⁹ М а р к с, Капитал, т. III, гл. 13.

тельные силы общества и в том числе технику; в чем же историческое содержание этой непосредственно-иррациональной формы технического прогресса, характерной для капитализма? Это содержание процесса можно в общем виде выразить следующим образом: при капитализме всякое совершенствование техники лишь тогда и лишь постольку может быть реализовано, поскольку удастся преодолеть те преграды специфически-общественного характера, которые по природе самого капиталистического общества противостоят техническому прогрессу в форме тенденции к падению нормы прибыли. При капитализме прогресс техники в целом и в частях есть не только завоевание человечества в борьбе против природы, но и в борьбе человечества против его собственного общества.

Нетрудно понять огромное принципиальное (и, так сказать, методологическое) значение такого понимания способа технического продвижения при капитализме. Оно показывает, что буржуазная наука в этом вопросе буквально ходит на голове. Ибо действительная научная трудность относительно каждого сколько-нибудь значительного этапа в развитии техники при капитализме заключается вообще не в том, чтобы объяснить возникновение технической идеи и общего интереса к ее производственной реализации, а в том, чтобы понять, как данный технический прогресс смог прорваться в жизнь сквозь закон тенденции нормы прибыли к понижению, а если дело идет о намечающемся или предстоящем техническом прогрессе, то в том, чтобы понять, сможет ли он вообще прорваться через этот закон.

Само техническое улучшение приводит в движение ряд экономических рычагов, компенсирующих непосредственно вызываемое им понижение нормы прибыли. Это, во-первых, методы увеличения нормы прибавочной стоимости: а) производство относительной прибавочной стоимости путем понижения товарных цен, б) производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости в силу усиления интенсивности труда, сопровождающего техническое развитие, в) дополнительная эксплуатация рабочих путем понижения заработной платы ниже стоимости рабочей силы, опираясь на рост промышленной резервной армии. Это, во-вторых, методы увеличения числа капиталистически эксплуатируемых рабочих: а) расширение производства на базе расширения спроса на удешевленный товар, б) вытеснение и занятие места разоренных (техническим усовершенствованием) докапиталистических производителей, в) завоевание внешних рынков путем применения усовершенствованной техники. Это, в-третьих, методы прямой перекачки стоимости из отсталых стран путем внешней торговли и вывоза капиталов. Это, в-четвертых, методы удешевления элементов постоянного капитала: а) в силу прямого понижения цен товаров, образующих постоянный капитал, б) путем экономии в применении постоянного капитала на основе технического прогресса, в) путем импорта дешевого сырья на основе (форсируемой техническим прогрессом) внешней торговли. Если первые три группы рычагов действуют в сторону прямого увеличения массы прибавочной стоимости (и следовательно прибыли), то четвертая группа действует в сторону уменьшения стоимости общественного капитала; но увеличение числителя и уменьшение знаменателя дроби, образующей норму прибыли, увеличивают эту дробь, т. е. противодействуют тому понижению нормы прибыли, которое непосредственно вытекает из технического прогресса. Мы видим, что в реальном движении нормы прибыли скрыто сочетание тенденции нормы прибыли к пониже-

нию с тенденцией масштаба и нормы капиталистической эксплуатации (массы и нормы прибавочной стоимости) к возрастанию. А это значит, что при капитализме прогресс техники возможен лишь постольку, поскольку он с той или иной стороны, тем или иным образом приводит в движение механизм увеличения эксплуатации класса наемных рабочих. Учение Маркса раскрывает это важнейшее положение и придает ему строгие и простые очертания математической формулы. В этом положении и заключается реально-экономический смысл того указанного выше обстоятельства, что при капитализме прогресс техники в целом есть не только завоевание человечества в борьбе против природы, но и в борьбе человечества против его собственного общества⁸⁰.

Совершенно очевидно, что факторы увеличения нормы и поля эксплуатации, разбуженные техническим улучшением, не составляют чего-то внешнего по отношению к понижению нормы прибыли, вызываемому этим же улучшением, но что это две стороны капиталистически своеобразной экономической формы технического прогресса. Эти противоположно направленные влияния техники связаны друг с другом не автоматически и не просто функциональной связью. Между ними существует очень сложное взаимодействие через глубоко пролегающие и перекрещивающиеся экономические каналы, пронизывающие весь общественный производственный процесс как целое взаимодействие через движение совокупного общественного производства. Но раз так, то условия этого взаимодействия и его реальные результаты, т. е. судьба технического прогресса, зависят в основном от движения общественного капитала как целого, следовательно в каждый истори-

⁸⁰ Один пункт должен быть особо подчеркнут: экономия в применении постоянного капитала. Последняя всегда играла существенную роль в деле развития техники при капитализме. Между тем именно в период всеобщего кризиса капитализма буржуазная наука провозгласила «новой» и «великой» задачей капитала борьбу против расточительства в производстве, за утилизацию и т. д. Перед нами разыгрывается интересный двойственный процесс. С одной стороны, налицо возросшая возможность экономизации, утилизации и т. д., вытекающая из возросших масштабов обобществления труда в крупной промышленности и связанных с этим новых технических методов (особенно — химия). С другой стороны, возросшая потребность капитала в экономизации, вытекающая из все более затрудняющейся борьбы против тенденции нормы прибыли к понижению. Смысл этих новейших «великих открытий» буржуазной экономии и техники о «рациональном» хозяйстве и т. д. легко раскрывается в свете марксова анализа проблемы, данного лет 50 назад. «Экономия в применении постоянного капитала, — писал Маркс, — с какой бы точки зрения мы ее ни рассматривали, с одной стороны, всецело является результатом того факта, что средства производства функционируют и потребляются как общие средства производства коллективного рабочего, так что сама эта экономия оказывается продуктом общественного характера непосредственно производительного труда; с другой стороны, она есть результат развития производительности труда в сферах, которые доставляют капиталу его средства производства... Тем не менее в глазах капиталиста экономия на постоянном капитале представляется условием, совершенно чуждым и посторонним рабочему. Но и для рабочего дело выступает совершенно замаскированно. («Капитал», т. III, гл. V, § 1).

Маркс уже тогда установил главные виды экономии постоянного капитала: 1) сбережения в условиях труда за счет рабочего (этот буржуазная наука наших дней никак не может признать, ибо здесь «антагонистическая природа капиталистического способа производства приводит к тому, что расточение жизни и здоровья рабочего... само причисляется к экономии в применении постоянного капитала»); 2) экономия при введении и использовании двигателей, передаточных механизмов и рабочих машин; 3) утилизация экскрементов промышленности; 4) экономия, достигаемая благодаря изобретениям. В наше время нет почти ни одной буржуазной теории, в которой одним из основных принципов техники не объявлялась бы экономия. Вслед за всей буржуазной наукой и Каутский (1927) поучает, что в области техники принцип «хозяйственности» не имеет ничего общего с общественным строем и классовой борьбой...

ческий этап капитализма от характера движения всей капиталистической экономики в целом на данном этапе. При этом дело идет конечно не только об условиях производства прибавочной стоимости, но и об условиях ее реализации.

Поэтому совершенно смешны и ничего общего не имеют с наукой многочисленные (все множасьщиеся) буржуазные «теоретические» объяснения нынешнего открытого конфликта буржуазного общества с техническим прогрессом. Зомбарт мечется между грубо натуралистическим (иссякли угольные запасы!) и «утонченно-духовным» (иссякла капиталистическая предприимчивость!) объяснениями. Шпенглер, Чейз и другие на разные тона плачутся о конфликте между машиной и «Человеком» (с большой буквы). Социал-демократы (О. Бауэр, Герзинг, Велс и др.) перепевают их в облеченных в марксистскую терминологию теориях «гипертрофии» технического развития. Ф. Фрид возвещает, что человечество уже пришло к абсолютному пределу техники и что дальнейшее техническое развитие вообще немислимо, и т. д. и т. п. Но действительные причины бунта, поднятого капиталом против техники, лежат конечно не в этом. В движении прибыли эти причины выступают двояко. С одной стороны, система монополистического, загнивающего капитализма до крайности затрудняет (а временами и местами парализует) противодействующее влияние некоторых из тех экономических рычагов, которые новая техника должна своевременно и более или менее полно привести в действие, чтобы перекрыть понижение нормы прибыли, вызываемое этой техникой. С другой стороны, система загнивающего капитализма открывает монополистам новые возможности повышения эксплуатации работающего населения без помощи технического прогресса — прямые пути выколачивания абсолютной прибавочной стоимости. Изучение общих перспектив технического развития в эпоху империализма (и в частности в период всеобщего кризиса капитализма) должно обязательно учитывать эти два русла, направляющие движение прибыли. Капиталистические границы механизации и автоматизации выступают здесь как результат огромного усиления противоречий в движении прибавочной стоимости в эпоху монополистического капитализма.

Ясно, во всяком случае, что техническое развитие упирается в границу производства прибавочной стоимости сразу с двух концов: падения нормы прибыли и безработицы основных масс населения. Условия развития техники на базе капиталистического способа производства вступают в столкновение сразу с экономической и с социальной базой господства капитала, поскольку прогресс техники фактически начинает угрожать производству прибыли и поскольку он начинает угрожающе ускорять революционизирование пролетариата — исторического могильщика капитала.

ЗОМБАРТ ПРОТИВ МАРКСА

Широко известны следующие слова, которыми Ленин начинает «Государство и революцию» и которые нельзя не вспомнить в пятидесятилетнюю годовщину смерти Маркса.

«С учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение. Угнетающие классы при жизни таких революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачивания их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опояывая его» (подчеркнуто Лениным).

Полстолетия прошло со дня смерти К. Маркса. И весь этот период был заполнен попытками мужей буржуазной экономической «науки» подорвать влияние и силу марксизма. Попытки эти шли как по линии фронтальной атаки, по линии потуг прямого «ниспровержения» марксизма, так и по пути тихого удушения его «посредством объятий», посредством ловкого жонглирования и мимикрии Маркса при выхолащивании революционной сущности его учения. Вернер Зомбарт был одним из виднейших представителей бесчисленной камарильи буржуазных «ученых», пытавшихся ниспровергнуть учение Маркса. Но избрал он для себя второй более сложный путь. Он начал свою антимарксистскую деятельность, прикрывшись той буржуазной «полумарксизма» в конце прошлого столетия. Последовательно разворачивая ее в течение трех с половиной десятилетий, выступая в эпоху всеобщего кризиса капитализма как поставщик фашистской идеологии, Зомбарт в конце концов связывает себя с фашизмом и организационно.

Путь Зомбарта отображает развитие и крах германского капитализма; отражая в негативной форме развитие германского рабочего класса, его революционизирование, путь Зомбарта тем самым отражает путь развития тактики и форм борьбы германской буржуазии с рабочим движением.

Поэтому изучение зомбартизма как определенного течения буржуазной экономической мысли, направленного своим острием против революционного учения Маркса, представляет для нас немаловажный интерес.

1. «Историзм» Зомбарта

1. Вернер Зомбарт утверждает, что его нельзя считать представителем «исторической школы». «Меня, — говорит он, — отделяет от нее конструктивный момент в расположении материала, радикальный постулат единообразного объяснения из последних причин, построе-

ние всех социальных явлений в единую систему. Коротко говоря, меня (Зомбарта) отделяет от Шмоллера и его школы то, что составляет специфическую особенность всякой теории, всякой науки, или, в двух словах, меня отделяет от нее Карл Маркс»¹. Оставим пока разбор действительного смысла зомбаровской ссылки на Маркса. Установим лишь то, что, несмотря на эту претенциозную декларацию, Зомбарт безусловно является э п и г о н о м «исторической школы». Конечно, подходя к Зомбарту, нужно исходить из особенностей его эпохи. Сама буржуазная политическая экономия к этому периоду претерпела расцвет и крушение двух школ: с одной стороны, крушение старой «исторической школы», которая оказалась полным теоретическим банкротом, неспособным состязаться с экономической системой марксизма, а с другой — имели место расцвет и последующее крушение австрийской школы, пришедшей на смену старой, исторической и пытавшейся противопоставить марксистской политической экономии систему буржуазной субъективной политической экономии².

Все это происходило в эпоху непосредственного перерастания промышленного капитализма в капитализм монополистический, в эпоху последующего развертывания империализма. Это в свою очередь означало вступление капитализма в полосу исключительно острых классовых противоречий, исключительно острой классовой борьбы буржуазии и пролетариата, в частности — борьбы идеологической. Эпоха требовала от буржуазной науки решительной борьбы с марксизмом как идеологией поднимающегося класса. И здесь мы замечаем как бы два встречных течения: с одной стороны, подкуп на монополистические барыши верхушки рабочего класса создает внутри рабочего класса Германии мощную по своему влиянию прослойку агентуры буржуазии. Мы видим таким образом процесс «обуржуазивания» известной части рабочего класса, процесс проникновения «империалистической идеологии» (Ленин) в ряды рабочего класса и идеологического загнивания верхушечных его звеньев. С другой же стороны, мы видим напряженную работу буржуазной мысли, направленную к отвоеванию рабочего класса у марксизма, к ослаблению революционизирующего влияния марксизма на рабочий класс, к притуплению классовой борьбы. Оба эти процесса выдвигали требование на систему, которая более или менее тонкими и удачными маневрами поддельвалась бы под марксизм (хотя бы терминологически), но, поддельваясь, выхолащивала бы попутно из марксизма все его революционное естество. В лице зомбартизма (так же как и социальников) буржуазия преподносила пролетариату «троянского коня». Нужно сказать, что германская социал-демократия весьма тепло приняла этот «дружеский» подарок.

Это и понятно. Внутри германской социал-демократии в это время зрел процесс ее перерождения. Ленин дает следующую замечательную характеристику этого процесса: «Относительно «мирный» характер периода с 1871 до 1914 г. давал питание оппортунизму сначала как на строению, потом как на правлении и наконец как группами или слою рабочей бюрократии и мелкобуржуазных попутчиков. Эти элементы могли подчинять рабочее движение лишь таким образом, что они на словах признавали революционные цели и революционную тактику»². Ленин в статье «Некритическая критика», отно-

¹ «Современный капитализм», т. I, стр. 466.

² Ленин, т. XIX, стр. 7.

сящейся к 1900 г.³, говорит, что это направление в философии становится на сторону неокантианства, а в политэкономии — на сторону тех, кто обвиняет Маркса в «тендециозности». «...представители этого эклектического направления группировались... вокруг Э. Бернштейна». Эти сдавленные условиями легальности (статьи печатались в «Научном обозрении») политические оценки означали, что «критики» (Штаммлер, Зомбарт, Струве, Бернштейн) под шумок криков о «тендециозности» стараются выхолостить марксизм, лишить его революционного содержания.

Эпоха требовала подготовки пролетариата к решающим боям. Но центризм Каутских не шел дальше словесного признания этой задачи. Так же точно он не мог идти и дальше видимости борьбы с бернштейниадой.

И вот «...слегка подкрашенный в марксистский цвет социал-либерализм а la Brentano и Zombart»⁴ господ Бернштейнов делает все, чтобы идейно и политически разоружить германский пролетариат. Для этого им нужно уничтожить революционную суть марксизма. В отличие от теоретиков либеральной буржуазии, говорит Ленин, в революционных периодах «видел Маркс не уклонение от «нормального» пути, не проявление «социальной болезни», не печальный результат крайностей и ошибок, а самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ». Именно поэтому «...идейные вожди либерализма вроде Зомбарта... ненавидят от всей души эту черту в деятельности и литературных произведениях Маркса»⁵.

И Зомбарт выступает как один из носителей борьбы буржуазии против революционного марксизма — оружия пролетариата.

Все эти особенности и определили новое лицо эпитгона исторической школы — лицо Зомбарта и з о м б а р т и з м а.

Историческая школа в лице Зомбарта претерпела два серьезнейших изменения: во-первых, ей пришлось отказаться от отрицания необходимости широких, обобщающих теоретических построений, формулировки общего мировоззрения. Она не могла уже ограничиться голым эмпиризмом. Стало существенно необходимым для противопоставления марксизму создать рядом, параллельно эмпирическому историзму обобщающие абстрактные конструкции. Если еще Шмоллер заявляет, что «мы даже не можем эмпирически ответить на вопрос, является ли экономическая жизнь человечества единой, представляет ли она единообразное развитие и идет ли к прогрессу», то для Зомбарта подобного вопроса уже не существует. Он считает как раз своей задачей конструирование системы, объясняющей единство экономической жизни человечества. Во-вторых, историческая школа в лице Зомбарта присваивает себе кое-что из доспехов австрийцев. В этом отношении Зомбарт, правда, не является самостоятельным, он выступает прямым продолжателем Шмоллера как своего учителя. Однако психологизм приобретает всеобъемлющий характер и становится стержнем новой абстрактно-теоретической конструкции Зомбарта, ключом для отмыкания всех и всяческих вопросов истории. «Дух», психика выступают на авансцену и определяют собой пристроенное к груде исторических фактов «единство экономической жизни». Однако эти два «новшества» не изменили самого «исто-

³ Ленин, т. III, стр. 499—500.

⁴ Ленин, т. XV, стр. 498.

⁵ Ленин, Против бойкота, т. XII, стр. 32—33.

ризма» исторической школы, так как основа основ старой «исторической школы» передается в наследство Зомбарту в безукоризненной сохранности. Принципиальный эмпиризм исторической школы остается принципом Зомбарта. Разница, повторяем, заключается лишь в том, что в старой школе этот исторический эмпиризм существовал без сосуществующих с ним абстрактных конструкций, а в системе Зомбарта этот эмпиризм уже существует наряду и вместе с абстрактным конструктивным построением. Сам же зомбартовский «историзм» носит в себе все черты старого «историзма» исторической школы. Эмпирическое классификаторство, раскладывающее на бесчисленные полочки бесконечное разнообразие общественных явлений, беспросветное «терминотворчество» в виде ярлыков к каждому этакому ящичку подменяет собой действительный анализ существа исторических процессов. Нет исторического исследования, нет вскрытия сущности естественно-исторического процесса, а есть беспомощное плавание по поверхности явлений бесконечно разнообразной общественной жизни и беспомощное классификаторство этих явлений. Зомбарт, несмотря на услужливость буржуазной критики, обвинявшей его в марксизме, ни на шаг не отошел в своих работах от формального историзма. Он остался на почве голого эмпиризма.

Нельзя вместе с тем хотя бы в двух словах не остановиться на общности — о чем более подробно ниже — Зомбарта и социального направления. Здесь имеется не только общность задач, определенных эпохой, но кроме того и известная общность мимикрии.

Строго говоря, Зомбарт отрицает действительное историческое развитие. Для Зомбарта нет развития как изменения самой сущности. Зомбарт — вульгарный эволюционист. Все, что имеется в историческом процессе сегодня, уже было дано в своих существенных чертах вчера и в далеком прошлом. Эпоха настоящая отличается от эпохи прошедшей только тем, что количество одних элементов стало больше, количество других относительно уменьшилось и таким образом общая характеристика соотношения этих элементов изменилась. Сущность же осталась неизменной.

Понятно, что, подходя с такой антиисторической эволюционистской установкой к историческому развитию и к общественному развитию, Зомбарт должен взять за основу явления не общественного, а биологического порядка. Действительно, Зомбарт кладет в основу общественного развития биологические явления. Говоря об источниках капиталистического духа, он утверждает, что «естественные побуждения, инстинктивная способность заранее даны, они в крови у человека, они могут только либо быть подавлены и зачахнуть, остаться неиспользованными, либо быть возбуждаемы, развиваемы и поддерживаемы. Это,—заявляет он решительно далее,—биологические основы, на которых строится вся история капиталистического духа»⁶.

Этот биологизм Зомбарта доходит иногда до прямых курьезов. Когда он натывается на факт превращения дворянства, которое, по Зомбарту, имеет «сеньоральную кровь, чуждую мещанского расчета, кровь, принципиально отличную от предпринимательской и мещанской крови» (входящих в «состав» капиталистического духа), когда он наталкивается на превращение дворянства в капиталистических предпринимателей, то он приходит к такому заключению, что это

⁶ «Буржуа», стр. 125.

превращение происходит на основе порчи дворянской крови через внебрачные связи с мещанством⁷.

В другом месте, анализируя мещанский «дух», Зомбарт приходит к такому заключению, что «в конечном счете способность к капитализму коренится уже в половой конструкции»⁸.

Для Зомбарта «основные явления человеческой жизни: рождение и смерть, любовь и ненависть, верность и предательство, ложь и правда, голод и жажда, бедность и богатство всегда одни и те же» (подчеркнуто мной — В. Б.).

Зомбарт думает, что он приводит в движение и дает в развитии этот мертвый, застывший мир, когда он начинает перетасовывать различные «вечные» составные элементы человеческого духа. Он делает дух источником и основой общественного развития. «Дух в хозяйственной жизни, — говорит Зомбарт, — означает... все психическое, т. е. в этом смысле духовное, проявляющееся в области хозяйственной жизни». Современный капитализм «вырос из глубины европейской души»⁹. Не из товарного хозяйства вырос современный капитализм, не развитие товарного хозяйства создал капиталистический дух, а, наоборот, капиталистический дух создал современную экономическую систему. На вопрос, не капитализм ли создает капиталистический дух, Зомбарт, разделяя капитализм на тело и дух, исходя из того, что тело не может создать дух, отвечает: «Так как организация (тело) есть дело рук человеческих, то человек и «дух» его должны существовать заранее». Он ссылается например на Америку и заявляет, что «элементы капиталистического духа были свойственны американской народной душе с тех пор, как основаны колонии, и тогда еще, когда этому духу не соответствовало... никакого «тела», т. е. никакого капиталистического хозяйственного устройства»¹⁰. Капиталистический дух — предварительное условие существования капиталистической системы хозяйства. Этот общий подход к историческому развитию, к общественному развитию определяет и зомбартовское толкование общества. Для Зомбарта хозяйственная эпоха определяется не способом соединения рабочей силы и средств производства, не способом эксплуатации, не отношением классов в процессе производства. Зомбарт начисто отрицает марксистское понимание общественно-экономических формаций. Вместо этого он выдвигает два понятия: первое и основное понятие «хозяйственной системы», под которым он понимает способ хозяйства, внутри которого «господствует определенный хозяйственный образ мысли, применяется определенная техника»¹¹, и понятие «хозяйственной эпохи», т. е. исторический отрезок времени господства той или иной «хозяйственной системы». Первое понятие необходимо для теоретического исследования; второе — для реалистическо-эмпирического исследования.

⁷ «Буржуа», стр. 172.

⁸ Там же, стр. 162.

⁹ «Современный капитализм», т. I, полутом 1-й, стр. 333.

¹⁰ «Буржуа», стр. 118.

¹¹ В работе «Строй хозяйственной жизни» Зомбарт дает следующее краткое развернутое понятие «хозяйственной системы»: «Это вид хозяйствования, понимаемого как духовное единство—1) подчиненное определенному смыслу, 2) имеющее определенный строй и «организацию» и 3) применяющее определенную технику» (стр. 52). Первое есть «дух», второе — «форма». Интересно отметить, что в докладе «Судьбы капитализма» Зомбарт заявляет: «Введение этого понятия («хозяйственной системы» — В. Б.) я считаю одним из крупнейших достижений теоретической экономики — без кавычек — последнего времени («Буржуазные ученые о закате капитализма», стр. 15).

Неправильно думать, будто бы Зомбарт у Маркса взял идею социально-экономической формации, но принизил ее до уровня веберовского идеального типа (Зоркий, Предисловие к I т. зомбартовского «Современного капитализма»). Такая постановка является натяжкой, искусственно приближающей Зомбарта к Марксу. Зомбарт сознательно отбрасывает марксистскую идею общественных формаций и заменяет ее идеалистическим понятием «хозяйственной системы». А эту последнюю определяет, по Зомбарту, не способ производства, не отношение классов, не эксплуатация одного класса другим и не классовая борьба, а «определенный хозяйственный образ мысли», определенный хозяйственный «дух». Для Зомбарта производственные отношения не могут определять собой общественную систему уже по одному тому, что он начисто отрицает классы. Он заявляет, что «классовое положение и даже в классе пролетариата так необычайно разнообразно, что из этого эмпирического классового положения нельзя вывести, нельзя сконструировать никакого единства, никакой однозначности» (Sombart, Die Idee des Klassenkampfes).

Чем же отличаются тогда экономические системы одна от другой? Они отличаются, стало быть, не способом эксплуатации, а господствующим «духом» (та же хозяйственная система). Здесь мы снова подходим к одному из основных пороков зомбартовской метафизической конструкции. С одной стороны, капитализм как хозяйственная эпоха — явление историческое; с другой стороны, сам капитализм мог вырасти только из элементов капиталистического духа. Значит эти элементы капиталистического «духа» должны были существовать извечно, как биологические, естественные побуждения, как элементы, определяющие кровь человека. Но, казалось бы, на основе этого вечного духа невозможно построить исторически преходящее общество.

Зомбарт ищет себе выход на путях метафизического понимания законов развития. Вместо историзма научного, диалектико-материалистического, понимающего развитие как количественно-качественный процесс со скачками и прерывностью, Зомбарт подсовывает историческое развитие как простое количественное выращивание отдельных элементов, как перегруппировку внутри этих постоянных, вечных, неизменных частей. Поэтому каждая отдельная экономическая эпоха, по Зомбарту, будет отличаться от другой тем, какой «дух» в данную эпоху господствует, т. е. элементы какого «духа» в данную эпоху находятя в наиболее подавляющем количестве, и таким образом определяют собой общий цвет, характеризующий эпоху. «Эпохи в хозяйственной истории,— говорит он,— я различаю по духу хозяйственной жизни в том смысле, что в определенное время определенный дух преобладает»¹². Вся зомбартовская работа является попыткой исчерпать в бесконечных классификациях характеристику того или иного «духа» экономической эпохи, в частности и в особенности «духа» капитализма. Однако все эти определения, все эти «исследования» являются лишь поверхностным перечислением ряда признаков, произвольно уложенных Зомбартом в желательном для него порядке. Само собой разумеется, что зомбартовское понимание общества, выбрасывающее за борт существо классового общества, — отношения классов в процессе производства, подменяющее эти существенные отношения сгруппированными в понятие капиталистического духа внешними проявлениями капитализма, исключает возможность

¹² «Буржуа», стр. 2.

сколько-нибудь научного подхода к изучению капиталистической экономики. Зомбарт поэтому выступает как типичный вульгарный экономист-эклектик, самой постановкой вопроса исключающий возможность проникновения в сущность явлений, в сущность капитализма. Вся зомбартовская теория есть не что иное, как наглая буржуазная апологетика, сознательно выбрасывающая и замазывающая, ступшевызывающая все противоречия капитализма, превозносящая достижения капиталистического строя. Зомбарт дал целую серию работ, посвященных капитализму и его истории. Он привлек к этому делу громадный конкретный материал и этим создал видимость научности своих работ.

Маркс анализом основных законов движения капитализма, анализом исторического возникновения и развития капиталистического строя и раздирающих его противоречий доказал неизбежность крушения капиталистической системы, неизбежность замены ее «строем ассоциированных производителей».

Зомбарт уже в эпоху империализма, в эпоху загнивания капиталистического строя и необычайного обострения классовой борьбы и всех противоречий капитализма берет на себя задачу не только «оправдать» капитализм исторически, но и доказать, под каким бы соусом это ни преподносилось, «вечность» этого строя. Чтобы выполнить эту задачу, он апеллирует к истории как эволюционист и там открывает вечные элементы, соединение которых в наилучших пропорциях дает современный — совершенный строй — капитализм. Этот строй перерастает в «экономический рационализм», но все же остается капитализмом¹³. Но пролетарское движение ширится и растет. Марксизм завоевывает все более широкие пролетарские массы. И Зомбарт вынужден свою многотомную «историческую справку» безгрешности капитализма облачать в понятные массам термины и одежды своего исконного, коренного врага — марксизма. Зомбарт выступает как апологет капитализма, создающий буржуазии оружие в ее борьбе против марксизма, против рабочего класса. Именно поэтому его псевдоисторизм, радующий сердце каждого буржуа, его экономическая теория, оправдывающая капитализм как естественное проявление капиталистического духа европейских народов, отрицающая классы и классовую борьбу, «приспособляющая пролетариат к буржуазии», теория, проповедующая надклассовый характер современного государства, — является основой «теоретических» построений как фашистов, так и социал-фашистов. Первых привлекает открытое прославление капитализма, вторых — марксистская фразеология, позволяющая говорить о «близости Зомбарта в основных его выводах к Марксу».

2. Метод Зомбарта

Уже из изложенного выше совершенно очевидно, что ни зомбартовский формально-эмпирический историзм ничего не имеет общего с историческим материализмом, стало быть, с действительным историзмом, ни зомбартовский идеализм ничего общего не имеет с марксизмом. Более того, они выступают как враждебные противоположности марксистскому методу, действительно научному пониманию исторического процесса. Тем не менее в нашей литературе встречаются взгляды, которые исходят из того, что Зомбарт «усвоил метод

¹³ З о м б а р т, Судьбы капитализма, сб. «Буржуазные ученые о закате капитализма», стр. 25.

Маркса—Энгельса»¹⁴, что Зомбарта не без основания считают «сторонником материалистического понимания истории», несмотря на то, что он сам совершенно прямо и определенно отмежевывается от исторического материализма и заявляет, что он ни в коей мере не является последователем этого «течения».

Более «тонкий», но не более правильный подход к Зомбарту и его общая оценка даны тт. Варгой и Альтером. Тов. Варга в своей статье, опубликованной в «Экономической жизни», а позже в приложениях к русскому изданию «Современного капитализма» Зомбарта¹⁵, утверждает, во-первых, что его (Зомбарта) работа представляет собой «причудливую смесь марксизма и антимарксистской критики», во-вторых, что при чтении работы Зомбарта «получается впечатление, что перед нами труд автора, внутренне убежденного в полной правильности теории Маркса; однако из чисто оппортунистических соображений (подчеркнуто мной — В. Б.) автор в угоду буржуазии постоянно стремится доказать, что хотя теория Маркса верна, но политические выводы марксистского мировоззрения ложны». И далее: «Только оппортунистические мотивы заставляют Зомбарта сознательно отказаться от необходимых выводов марксизма, которые он сам определяет (якобы — В. Б.) как основу своих воззрений».

На такой же позиции стоит и Альтер, утверждающий в статье «Эволюция Вернера Зомбарта», что «Если Зомбарт и пользовался половиной своей жизни — и теперь еще сплошь и рядом все еще бессознательно пользуется — методом исторического материализма, то он никогда его не понимал и не признавал»¹⁶. Это определение, подкрашивающее Зомбарта под Маркса, зомбартовский эклектизм — под марксистский метод, зомбартовский исторический идеализм — под материалистическое понимание истории, объективно служит интересам буржуазии, так как оно позволяет ей использовать против рабочего класса под видом марксизма апологетические установки Зомбарта.

Не только общая конструкция Зомбарта, о которой мы говорили выше, ничего общего не имеет с марксизмом, но каждая отдельная деталь, ее освещение, ее толкование коренным образом расходятся с марксизмом и враждебны последнему. Сам метод, которым Зомбарт ведет свое исследование, исключает возможность «несознательного применения метода исторического материализма».

Нельзя смешивать зомбартовское толкование явлений и зомбартовский характер освещения с тем толкованием, которое может и должен сделать марксист для тех же самых фактов. Достаточно указать (о чем подробно ниже), что даже капиталистический нажим на зарплату Зомбарт преподносит как достижение капитализма, как показатель его особой мудрости. Зомбарт начисто отрицает материалистическую диалектику. Он заявляет, что диалектика Маркса — это «курьезный прием», «мистификация», чуть ли не «простое жульничество»¹⁷.

В строгом соответствии с этой своей общей установкой Зомбарт в своем предисловии ко второму изданию «Современного капитализма» пишет, что он «обратил особое внимание на разделение теоретической

¹⁴ Зомбарт, Современный капитализм, предисловие т. Степанова, т. I, стр. 491.

¹⁵ Том III, полутом 2-й, стр. 525.

¹⁶ Том III, ч. I, стр. 547.

¹⁷ Zombart, Der proletarische Socialismus, т. I, стр. 215—216.

и эмпирической части при рассмотрении каждой отдельной проблемы и строго провел этот двойной способ исследования через всю работу». Он пристроил, как мы говорили выше, к эмпирико-исторической линии исследования параллельную, самостоятельную абстрактно-теоретическую линию. Исследование оказалось расколотым на две части. Его метод дуалистический: логическое принадлежит миру теории, миру абстрактных схематических построений; историческое — миру эмпирии. Первому принадлежат «объективные» предпосылки, второму — «субъективные». Сущность и явление разорваны. Между ними нельзя перебросить никакого мостика. «Действительность и идея, — говорит Зомбарт, — сами по себе не имеют ничего общего друг с другом и во всяком случае не стоят ни в какой причинной связи» (Введение, стр. XXI). Зомбарт таким образом прямо выступает (и это более подробно будет показано на анализе его экономических понятий) против выведения теоретического обобщения из эмпирии, так как мир абстракции не отражает сущности явлений, не связан с миром эмпирии. Мир абстракций для Зомбарта — это просто искусственный мир, созданный человеческим мышлением для собственного удобства, для схематизации и систематизации совершенно отдельных, самостоятельных и равноценных явлений эмпирической действительности. Совершенно бесспорно, что мы имеем здесь во всей методологии Зомбарта воскрешение кантианства. Неокантианство, дуализм метода, дуализм сущности и явления, отрицание познаваемости сущности явлений или в крайнем случае признание относительности ее познания вообще выступали в течение последних десятиков лет как основное методологическое знамя (скрытое или открытое) борьбы против марксистского материалистического монизма. Неокантианская абстракция Зомбарта есть произвольная мертвая абстракция, расщепляющая живую жизнь, уводящая от понимания сущности явления. Это знамя, поверженное Лениным, последние десятилетия пытались поддержать махисты.

«Законы природы, — говорит Мах, — порождаются нашей психологической потребностью найтись среди явлений природы, не стоять перед ней смущенно и чуждо»¹⁸.

Эта насквозь идеалистическая установка есть вместе с тем и установка Шмоллера—Зомбарта.

«Линия, — говорит Шмоллер, — которую мы проводим, всегда является только линией, намечаемой субъективно по соображениям целесообразности, с тем чтобы с большим удобством окинуть взором бесконечность, многосложность явлений»¹⁹.

Зомбарт целиком основывается на этой методологической посылке своего учителя. Но этим самым вскрывается и определяется коренное, принципиальное различие между марксистской методологией, с одной стороны, и враждебной ей дуалистической неокантианской методологией — с другой. Эта дуалистическая расщепленность действительно последовательно во всех вопросах проводится Зомбартом через всю его последнюю работу о современном капитализме. Он действительно избавился от «смещения теоретического и эмпирического метода» (Зомбарт). Это не помогло ему создать стройную систему, но зато безусловно облегчило апологетическую работу.

Служебная роль этой расщепленности особенно ясно обнаруживается, когда Зомбарт подходит к отделению политики от экономики. Это

¹⁸ «Познание и заблуждение», стр. 449.

¹⁹ Цит. по «Современному капитализму», т. I, полутом 1-й, стр. 79.

расщепление характерно и для всей той части буржуазной мысли, которая рассчитана на обман рабочего класса. Такое разделение является символом веры не только Зомбарта, но и социал-фашизма. Зомбарт не был бы буржуазным апологетом, если бы он не сумел, выхолостив из общественного развития классовую борьбу, «доказать» никчемность революции, ненужность революции, в частности революции пролетарской. И это «доказательство» он черпает из отделения политики от экономики, что позволяет ему сделать тот вывод, что революция явилась результатом случайного совпадения отдельных факторов. Зомбарт заявляет:

«Теории о закономерности и необходимости марксистского прихода их (революций—В. Б.) надо противопоставить предложение: все революции случайны». «В особенности, — продолжает он, — развитие капитализма можно считать совершенно независимым от великих политических революций последнего века»²⁰.

Отрицание диалектического метода, расщепление теоретического исследования на две части с выделением и выхолащиванием абстракций, вытекающий отсюда вульгарный эклектизм Зомбарта (как основное средство, позволяющее ему обходить затруднения, в которые он попадает на каждом шагу) и его грубый эмпиризм, — все это делает Зомбарта неспособным подняться до выявления сущности явления. Все это не только говорит о том, что зомбартизм ничего общего не имеет с историческим материализмом, с методом Маркса, но говорит о полной вытекающей отсюда методологической беспомощности Зомбарта. Беспросветный эклектизм Зомбарта замечательно хорошо охарактеризован Р. Люксембург. «Зомбарт, — говорит Роза, — выступает на арену, исполненный сознания, уверенный в себе, во всеоружии всей суммы знаний и последних достижений века: он усвоил социальную гармонию Шульце—Дейча, Шульце—Геверница и других вульгарных Шульце, исторический метод Рошера, английскую ограниченность супругов Вебб, блестящие жесты Лассала, сомнение Юлиана Шмитта, целый мешок цитат из всех языков, поэтов и времен, стиль, сплетенный из стародедовских архаизмов, профессорского велеречения, афоризмов Ульриха фон Гутена и пророческих пошлостей собственного изготовления, наконец клевету и лесть как безошибочные средства психологического воздействия»²¹.

Неверно однако думать, что эклектизм Зомбарта заключается в том, что он «пытается соединить «историзм» не с классической политической экономией, а с марксизмом»²². Зомбарт эклектик не потому, что он соединил элементы «исторической школы» с элементами марксизма. Неверно, что у Зомбарта имеется часть или элементы марксистского учения: марксизм не конгломерат самостоятельных кусочков, которые может произвольно выдергивать для своих надобностей тот или иной ретивый профессор. Но дело даже не в этом. Дело в том, что соединение тех или иных систем само по себе является лишь внешним выражением внутреннего порока, заложенного в методологии «соединителя». Марксизм-ленинизм не останавливается на внешности явления, идет глубже к познанию сущности его, к познанию закона развития данного явления (как «спокойного в явле-

²⁰ S o m b a r t, Die formen des gewaltsamen Sozialen Kampfes, S. 4—6.

²¹ Р. Л ю к с е м б у р г, Избранные сочинения, т. I, ч. 1, стр. 242.

²² См. статью т. Розенберга «О методологии изучения современной буржуазной политической экономии» в «Проблемах экономики» № 2 за 1932 г., стр. 88.

нии»), вскрытию основного противоречия, определяющего саморазвитие данной сущности. Зомбарт рассекает явление и сущность. Он по-махистски превращает закон в логическую фикцию. Он оставляет для своих операций лишь внешность явлений. Зомбарт таким образом «последовательный» эклектик, ибо сама его методология обязывает его к эклектизму. Начисто отрицая диалектику, а вместе с ней и реальность абстракции, Зомбарт приходит к созданной им самим непознаваемости сущности явлений. Многообразные явления жизни оборачиваются к Зомбарту своим внешним фасадом, за которым скрывают свое подлинное содержание. Но если не познать явления, то их нужно по крайней мере объяснить и описать. И вот для объяснения и описания явлений вытаскиваются и раскладываются по полочкам все бесчисленные их внешние признаки и модуляции этих признаков. Создается бесконечная цепь более или менее остроумных «дефиниций» (сплошная «игра в дефиниции», выражаясь языком Ленина), которые однако не приближают ни на пядь к сути дела. Для Зомбарта, апологета капитализма, самое страшное — вскрыть существо дела, ухватиться за основное звено, ибо это значит обнаружить противоречия капитализма и увидеть неизбежность его крушения. И он делает все, чтобы покрутиться с большим или меньшим треском вокруг да около, чтобы замаять корни вопроса.

Ленин в своем широко известном примере со стаканом говорит: «Логика формальная, которой ограничиваются в школах... берет формальные определения, руководствуясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза (подчеркнуто мной — В. Б.), и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно (и стеклянный цилиндр и инструмент для питья), то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета — и только»²³. Именно на таких эклектических определениях и основаны все многотомные «труды» Зомбарта.

Зомбарт заменяет диалектическое требование — брать предмет во всех его связях и опосредствованиях и в его самодвижении — эклектическим соединением разных внешних и случайных признаков явления, вне развития сущности его и без обнажения противоречий, движущих развитие данной сущности. Именно в этом суть эклектики Зомбарта. Начисто отрицая метод исторического материализма и материалистическую диалектику и вооружаясь доспехами неокантианства, оставаясь на почве эмпиризма и пристраивая к ней абстрактно-идеалистическую схему, он должен в конечном счете притти к объяснению бесконечного числа эмпирических явлений множественностью внешних и случайных для данных явлений причин.

3. Зомбарт и марксизм

В своем предисловии ко второму изданию «Современного капитализма» Зомбарт выбрасывает ряд рекламных, бьющих на эффект положений, касающихся отношений между зомбартизмом и марксизмом. Он заявляет, во-первых, что «всем, что есть хорошего в моей работе, я обязан духу Маркса»; во-вторых, что «настоящий труд претендует лишь на то, чтобы быть продолжением и до некоторой степени завер-

²³ Том XXVI, стр. 134.

шением марксовой работы». «Насколько резко я отрицаю, — говорит Зомбарт, — мировоззрение этого человека (Маркса — В. Б.) и все то, что ныне называется обобщающим тенденциозным термином — «марксизм», настолько безоговорочно я восхищаюсь Марксом как теоретиком и историком капитализма»²⁴. Конечно эта фразеология является типичной социальной демагогией. Она рассчитана на то, чтобы придать марксистский оттенок фашистским работам Зомбарта, и было бы величайшей наивностью принимать за звонкую монету эти зомбартовские фальшивки.

В каком смысле можно действительно говорить о «влиянии» Маркса на Зомбарта? Что именно и как усвоил Зомбарт из грандиозной системы Маркса? Прежде всего нужно отметить, что на Зомбарта как на одного из умнейших буржуазных экономистов произвела сильнейшее впечатление сама мощь марксовой системы, ее монолитность, ее цельность, все то, что делало ее неуязвимой перед лицом легионов буржуазных «опровергателей». Зомбарт еще в своей критике экономической системы Маркса пишет: «По-моему для дальнейшего положительного развития экономических теорий наряду с австрийской школой преимущественное внимание заслуживает научный социализм. Во всяком случае он создал целостную систему» (стр. 20; подчеркнуто мной — В. Б.). И вот эта целостная система все время маячит перед Зомбартом. Он хочет быть сам «Марксом буржуазии», хочет создать для буржуазии целостную систему, способную противостоять марксизму, способную подобно марксизму «во всех подробностях светом центрального светила»²⁵ озарить современный капитализм. Именно так, и только так, нужно понимать то место у Зомбарта (цитированное нами в начале статьи), где он говорит, что его от Шмоллера отделяет Маркс. Его от Шмоллера отделяет попытка создать целостную систему буржуазной политической экономии наподобие системы Маркса. Поэтому Зомбарт против старой исторической школы, принципиально отвергающей необходимость подобной единой целостной системы.

Второе, что оказало на Зомбарта большое влияние, — это учение Маркса о неизбежности развития капитализма и его прогрессивной исторической роли на определенном этапе. Неизбежность и прогрессивность капитализма — вот идея, которую выхватывает Зомбарт у Маркса, абстрагирует ее от конкретного историзма и действительности, от законов движения и развития капитализма, от неизбежного крушения капиталистической системы и революционной замены ее новой общественной формацией.

Ухватившись за эту идею, Зомбарт доходит до того, что изображает Маркса буржуазным апологетом, человеком, который «ко всем существенным чертам капиталистического мира проявил положительное, одобрительное отношение», который «в глубине души любит капитализм» (Введение к «Современному капитализму»). Зомбарт находит еще в «Коммунистическом манифесте» «дифирамбическое прославление исторической миссии капитализма»²⁶.

Он заявляет: «То, что говорил Маркс, было первым гордым сло-

²⁴ Том III, полутом 1-й, стр. XXV.

²⁵ См. «Научное обозрение» за 1898 г., ст. Зомбарта, стр. 483.

²⁶ «К критике экономической системы», стр. 21.

вом о капитализме». Маркс — певец капитализма. И это уже определяло всю последующую конструкцию Зомбарта, всю его последующую тактику в отношении марксизма. Не опровергать марксизм, а продолжать Маркса — так заявляет он во Введении к «Современному капитализму», и так заявил он в конце прошлого столетия в «Критике экономической системы Маркса». («Здесь дело должно идти, — говорит Зомбарт, — о дальнейшем развитии, а не об опровержении»). Забвение этого является непониманием классовой природы зомбартизма, его специфических исторических задач, его лживой тактики. Поэтому ошибочно утверждение т. Зоркого в предисловии к I тому «Современного капитализма», будто одна из задач Зомбарта, которой он оставался всегда верен, заключалась в том, чтобы «омолодить» путем марксистской прививки, укрепить буржуазную науку» (стр. XXXIX). Еще в «Критике экономической системы» Зомбарт декларировал, что капиталистический мир подошел к началу, а не к концу критики Маркса. Вся работа Зомбарта является не прививкой марксизма буржуазной науке, а ожесточенной борьбой с марксизмом путем выхолащивания из него его революционной сущности, путем жонглирования марксистской терминологией, из которой изгоняются всякие элементы марксистского содержания, всякие намеки на подлинный марксизм. Эта борьба ведется путем подсовывания марксизму гнусной зомбартовской апологетики, путем изображения зомбартовской апологетики как подлинного марксизма.

Совершенно неверной является и та установка т. Зоркого в его предисловии, что «считать идею капиталистического духа действительным средоточием исторических концепций Зомбарта было бы ошибкой», что «Зомбарт ввел теорию духа в свои работы отчасти и для того, чтобы дурачить своих буржуазных коллег, чтобы маскировать свои заимствования у Маркса». Это — скрытая защита Зомбарта.

В этой защите все поставлено на голову. Вместо того чтобы показать, что неокантианец Зомбарт, идеалист и эклектик, ярый защитник буржуазии, маскируется марксистской терминологией, для того чтобы поднять собственный вес и одновременно опорочить систему Маркса, обезвредить ее, — вместо этого т. Зоркий протаскивает идею идеалистической маскировки Зомбартом его якобы марксистских теорий. Не за дух прячется Зомбарт, будучи по существу марксистом, а прячется за марксизм именно потому, что он идеалист, именно потому, что он имеет классовую задачу — не просто «опровергать» марксизм с плеча, не просто, выражаясь языком Щедрина, «совершить злодеяние», но так «продолжить» марксизм, так это «блестящее злодеяние» проделать, чтобы от классового содержания марксова учения ничего не осталось. В этом отношении безусловно прав Шмоллер, который заявляет с большой классовой пронизательностью, что «Зомбарт постарался так интерпретировать квинтэссенцию учения Маркса о ценности, что оно становится совместимым с здравым человеческим рассудком. Конечно, — прибавляет он цинично, — другой вопрос, что сохранилось при этом от действительного Маркса» (цитировано по «Современному капитализму», т. I, полутом 1-й, стр. 472).

Классовое чутье матерого буржуазного волка подсказало ему правильную оценку Зомбарта.

Было бы величайшей ошибкой с нашей стороны заменить розысками «общих элементов» у Зомбарта и у Маркса действительный анализ его насквозь лживой и насквозь враждебной пролетариату системы. Рубин и Блюмин показали достаточно ясно, откуда идет и куда тащит «исследование» подобного рода. Какие политические выводы следуют из данной экономической системы, в каком направлении пытается она «развить» марксово учение, — вот основной вопрос, с которым мы должны подходить к анализу буржуазных экономистов, подкрашивающихся под марксизм.

Мы не против развития марксизма, но «... в каких направлениях, — спрашивает Ленин, — хотят претворять и развивать марксизм...»²⁷ к Канту, в сторону выхолащивания его революционной сущности. Тогда это уже ничего общего с марксизмом не имеет, тогда это буржуазный либерализм (струвизм, брентанизм и т. д.), это лишь «...отражение марксизма в буржуазной литературе»²⁸, но не марксизм. Ленин прямо заявляет, что «Струве был контрреволюционером в 1894 г., когда делал брентановские оговорки к марксизму в своих «Критических заметках»²⁹, ибо этими оговорками умерщвлялся марксизм...

Зомбарт считает своей задачей «продолжение» Маркса, «приведение его в научный вид». Совершенно понятно, что это приведение в научный вид происходит в целях умерщвления марксизма, осуществляется таким же способом, каким Зомбарт пытался истолковать признание Марксом прогрессивности капитализма. Это, с одной стороны, а с другой — конечно это «продолжение» идет в строгом соответствии с общей методологией Зомбарта.

Остановимся на основных категориях политической экономии в их зомбартовской интерпретации. Нельзя не остановиться на по меньшей мере странном утверждении т. Варги о том, что «Зомбарт стоит на почве марксистской теории ценности и прибавочной ценности». Зомбарт в действительности «стоит на почве» только этих терминов, что отнюдь не означает, что он в какой бы то ни было мере соглашается с существом этих категорий, с их объективным смыслом, с их общественным содержанием. А ведь именно этим определяется действительное содержание, действительная ценность всякой экономической теории. Нельзя не отметить совершенно исключительного отношения к этому вопросу со стороны одного из наших комментаторов Зомбарта — Герценштейна. Он заявляет, что «мы не считаем нужным остановиться на его (Зомбарта — В. Б.) теоретических характеристиках капитала, прибавочной стоимости и воспроизведения капитала... Эти теоретические формулировки говорят сами за себя, и не в них конечно большая познавательная ценность соответствующих глав его работы»³⁰.

Совершенно очевидно, что такая постановка вопроса сама исходит из абстрактно-формалистического толкования категорий Маркса и ничего общего не может иметь с подлинно марксистской оценкой Зомбарта.

Подойдем к отдельным категориям.

1. Чем является для Зомбарта стоимость? Стоимость — это не опре-

²⁷ Ленин, т. III, стр. 499.

²⁸ Ленин, т. XII, стр. 69.

²⁹ Ленин, т. IX, стр. 134.

³⁰ Том III, полутом 2-й, стр. 247—248.

деленное производственное отношение людей. Стоимость для Зомбарта — это лишь абстракция, теоретическая фикция. Такой же фикцией является абстрактный труд. «Произведенные затраты труда, — говорит Зомбарт, — представляют собой измеряемую в единицах времени величину, которая... есть фикция, необходимая нам для разрешения целого ряда проблем политической экономии. Эту величину можно по старой традиции называть «стоимостью», но не связывая с этим никаких таинственных побочных мыслей»³¹.

Здесь почти буквально совпадение Зомбарта со Струве, для которого стоимость является не чем иным, как «фантомом». По этой же линии идет совпадение Зомбарта с целым рядом социал-фашистов II Интернационала. «Для чего же тогда, — спрашивает Зомбарт, — учение самого Маркса о стоимости и прибавочной стоимости?» И отвечает: оно нужно, во-первых, как «необходимое условие для того, чтобы явления экономической мысли были доступны нашему мышлению»; во-вторых, этим путем «Маркс... вводит законообразность в экономическую жизнь»³².

Мы видим, что это целиком вытекает из общей методологии Зомбарта, из его отрицания объективности закономерностей, из его разрыва абстрактного и конкретного, из его превращения абстракции в пустую, мертвую, схоластическую схему.

Чудовищное положение Герценштейна о том, что зомбартовская «философская концепция соотношения идей и хозяйственной жизни мало вредит по существу его научному анализу»³³, буквально вопиет против фактов.

2. Не менее просто разделяется Зомбарт с прибавочной стоимостью. Что такое прибавочная стоимость? Зомбарт отвечает, что этот излишек, который исчисляется на весь капитал общества. Как типичный вульгарный экономист он просто уходит от вопроса о том, откуда получается, как и где создается этот «излишек», эта «прибавочная стоимость». «Производство прибавочной стоимости, — говорит он, — означает, что меновая стоимость (цена) всех произведенных в течение операционного года доходных благ больше, нежели вознаграждение класса наемных рабочих, т. е. больше зарплаты, или меновой стоимости (цен) рабочей силы, или фондов зарплаты»³⁴.

Далее он перечисляет целый ряд моментов, влияющих на образование прибавочной стоимости, причем одним из основных является скорость оборота капитала. Зомбарт прямо нападает на Маркса, предварительно его искажая, и заявляет: «Утверждать, что класс наемных рабочих получает меньше произведенной им стоимости, т. е. меньше дохода своего труда, значит утверждать бессмыслицу, так как такой поддающейся выделению суммы не существует. В капиталистическом хозяйстве общий доход является продуктом всех необхо-

³¹ «Современный капитализм», т. III, полутом 1-й, стр. 147.

Аналогичные формулировки мы имеем в известной статье Зомбарта «К критике экономической системы Маркса», относящейся к 1894 г.: «Понятие ценности есть логический факт, вспомогательное средство мышления» и т. д. («Научное обозрение» № 4 за 1898 г., стр. 692—694). В одной из своих последних работ «Die drei Nationalökonomie», относящейся к 1930 г., Зомбарт ссылается на эту свою оценку стоимости, но идет уже дальше и ставит под сомнение, насколько понятие стоимости и может быть использовано даже как «рабочая идея». Уже слишком оно «скомпрометировано и потрепано».

³² К «Критике экономической системы Маркса», «Научное обозрение», стр. 698.

³³ Т. III, полутом 2-й, стр. 233.

³⁴ Том III, полутом 1-й, стр. 144.

димо участвующих в производстве факторов, а в капиталистическом хозяйстве необходимо участие предпринимателя, капиталиста и рабочих, что опять-таки является идентичным положением; капиталистическое хозяйство есть такое хозяйство, в котором обязательно участвуют эти три фактора»⁸⁵.

Не моргнув глазом, Зомбарт взбирается здесь на разбитые вдребезги Марксом позиции Адама Смита о распадении продукта общественного труда на доходы, а самую стоимость, произведенную рабочими, на основе этой позиции приравнивает к доходу рабочего от труда.

В письме к Энгельсу от 30 апреля 1868 г. Маркс, говоря о формах проявления прибавочной стоимости, разбираемых в III томе «Капитала», писал, что здесь «опровергается нелепость (подчеркнутой — В. Б.) А. Смита, остающаяся и поныне основным положением всей политической экономии, будто цена товаров состоит из... трех видов дохода, т. е. только из переменного капитала (зарплата) и прибавочной стоимости [земельная рента, прибыль (процент)]»⁸⁶.

Через три десятка лет после опубликования III тома «Капитала» твердолобая буржуазная «наука» с необыкновенным апломбом как свое новейшее изобретение повторяет нелепости домарксовой политической экономии, нелепости, вскрытые и разоблаченные Марксом до конца. Апологетический характер этой забывчивости не требует особых комментариев.

Но Зомбарт на этом не останавливается. Он идет дальше, и в своей защите капитализма не пренебрегает прямой клеветой на учение Маркса. В целях «дальнейшего развития» (но не «опровержения») Маркса Зомбарт подробно распространяется о том, что будто бы Маркс понимает под рабочими не только рабочих, но и всех, занятых на производстве, т. е. и самих капиталистов. Он спрашивает: «Кто же увеличивает ценности?» И отвечает: «Эмбриональный критик Маркс думает: только рабочих. Это конечно ложно, так как уже в I томе сказано, что производитель не только физический труд, но также и труд руководителей и управляющих («К критике экономической системы Маркса»).

Таким образом Зомбарт пытается приписать Марксу ту мысль, что будто бы прибавочная стоимость не выражает отношения эксплуатации, не выражает капиталистического присвоения неоплаченного прибавочного труда рабочих классом капиталистов, а есть не что иное, как теоретический символ, как абстракция, которая принимается для удобства анализа.

3. Капитал, по Зомбарту, не есть общественное отношение людей в производстве, не есть самовозрастающая стоимость, не есть эксплуатация чужого труда, а «понятие». Капитал, по Зомбарту, есть «понятие историко-экономическое, т. е. образуемое на основании целевой связи определенной хозяйственной системы, а именно — капитализма»⁸⁷. Здесь нужно вспомнить, как Зомбарт понимает экономическую эпоху. Он отличает одну эпоху от другой господствующим в эту эпоху духом. Каждая эпоха соответствует «хозяйственной системе», внутри которой господствует определенный, хозяйственный образ мыслей»⁸⁸.

⁸⁵ «Современный капитализм», т. III, полетом I-й, стр. 145.

⁸⁶ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXIV, стр. 5.

⁸⁷ Том III, полетом I-й, стр. 133.

⁸⁸ Там же, стр. 34.

Именно в этом специфическом, зомбартовском, т. е. идеалистическо-метафизическом, «историко-экономическом», понимании выступает у Зомбарта капитал, но отнюдь, стало быть, не в марксистском понимании, т. е. не как капиталистические производственные отношения, которые возникли в определенную эпоху и должны быть уничтожены в процессе развития своих собственных противоречий. Это «понятие» капитала, по Зомбарту, получило определенный отчетливый смысл лишь с тех пор, когда в «капиталистическом мышлении» имущество предприятия приобрело самостоятельный характер».

Капитал выражает не общественное отношение людей, а господствующую психологию. Здесь опять-таки интересна та оценка коренного различия между Марксом и Зомбартом, которая дается учителем Зомбарта — Шмолером. Последний заявляет: «Маркс отрицает все психологические, этические причины, причины, лежащие в учреждении; он признает только механическо-технические хозяйственные процессы (большого понимания конечно нельзя требовать от буржуазного профессора — В. В.). Накопление капитала и употребление капитала в современном производстве является, по Марксу, единственной причиной современных хозяйственных и социальных отношений, распределения собственности и доходов, обеднения масс. Но Зомбарт уже не стоит на такой точке зрения. Он совершенно правильно признает — об этом у Маркса не было и предчувствия: он думал, прямо наоборот — что только психологические причины дают сознание всего происходящего в народном хозяйстве...»³⁹.

Подобным же образом Зомбарт выхолащивает и цены производства. Еще в «Критике экономической системы Карла Маркса» Зомбарт называет абсурдом «стремление связать индивидуально произведенную прибавочную ценность с прибылью». Он заявляет, далее, что «было бы не только ошибочной теорией, но прямо грубо плохой нелепостью пытаться констатировать какое бы то ни было соотношение между индивидуальной прибавочной ценностью и прибылью, например считать, что колоссальный капитал, заключающийся в доменных печах или в электрических станциях, покрывается жалкими крохами прибавочной ценности, произведенными согласно теории Маркса лишь горсткой занятых в производстве рабочих».

Основываясь на своей методологии и исходя из своего толкования стоимости и прибавочной стоимости, Зомбарт заявляет, что «выравнивание» высших и низших норм прибыли в капиталах различного органического строения к средней норме прибыли «есть операция мышления но, не явление действительной жизни».

4. О концентрации капитала и зомбартовской теории народонаселения мы имеем совершенно исключительное по своей беспардонности высказывание Герценштейна в его статье «Новый труд В. Зомбарта», опубликованной в «Проблемах экономики» № 6 за 1929 г. Он заявляет, что «особенно ценны попытки Зомбарта почти на каждом шагу осветить лучами исторического анализа возникновение и развитие многообразных условий капитализации дохода. Если не считать разрозненных ценных замечаний Маркса, — продолжает развязно Герценштейн, — в марксистской литературе нет сводного анализа этого вопроса. Отбрасывая несостоятельную теорети-

³⁹ Том 1, стр. 480.

ческую схему накопления капитала и реализации общественного продукта, которую предлагает Зомбарт, мы, — говорит Герценштейн, — можем почти целиком принять установленные им в анализе положения». Какие же положения выдвигаются Зомбартом? Во-первых, Зомбарт объявляет: «Объяснение концентрации как стремления капитала к реализации прибавочной стоимости, упрощенным представлением»⁴⁰; во-вторых, он выдвигает как основу концентрации «психологическое принуждение, подчиняющее себе отдельных предпринимателей»; в-третьих, Зомбарт совершенно изгоняет классовую борьбу и обнищание рабочего класса как другую сторону накопления капитала (об этом — несколько ниже) и сводит вопрос к совершенно тавтологической пустейшей классификации, посылая читателя «от Понтия к Пилату». Он дает понятие первичной концентрации, которое вытекает из причин, лежащих внутри концентрации; вторичной концентрации вследствие концентрации в другой области и третичной, основывающейся на вторичной, и т. д. Все это понадобилось Зомбарту для того, чтобы подготовить опровержение марксистской теории обнищания, марксистской теории относительного перенаселения, иначе говоря, марксистского всеобщего закона капиталистического накопления. И вот эту главу, XXVII, об экономическом приспособлении, главу, которая должна выполнить сугубо утилитарную задачу — разгром центрального пункта марксово учения, Герценштейн характеризует следующими словами: «Это превосходный исторический комментарий к марксово теории относительного перенаселения и резервной промышленной армии. Перечислив весь относящийся сюда фактический материал, Зомбарт приходит к выводу, под которым подпишется всякий марксист»⁴¹.

Посмотрим, чем восхищается Герценштейн. Он восхищается тем, что Зомбарт вместо анализа классовых отношений, вместо анализа накопления капитала и накопления нищеты «показывает сложную комбинацию, разнородность психологических элементов, сгруппировавшихся в процессе длительного исторического отбора новой категории руководителей хозяйства». Герценштейн восхищается, оказывается, та глава, в которой Зомбарт с необычайной бесцеремонностью оправдывает мудрость капиталистической системы, ее необходимость, ее естественную «нормальность». Действительное отношение Зомбарта к марксову закону народонаселения определяется следующими высказываниями Зомбарта. Он заявляет, что «Маркс пытается оторвать движение населения от его биологической основы и рассматривает его исключительно как следствие хозяйственного процесса»⁴²; и ежели двумя строками раньше Зомбарт декларировал словесное признание правильности исторической установки Маркса в вопросе о народонаселении, то этой биологической постановкой он тут же коренным образом изменяет существо дела, вульгарски подсовывает читателю вместо марксизма положения жупельного материализма, положения, непосредственно направленные против диалектико-материалистической конкретнейшей классовой постановки вопроса Марксом.

Далее Зомбарт заявляет, что «поистине чудовищной является мысль выводить средний рост пролетариата из тех же самых причин, которые ведут к образованию промышленной резервной армии». Здесь

⁴⁰ Том III, полутом 2-й, стр. 315.

⁴¹ Там же, стр. 553.

⁴² Там же, стр. 327.

Зомбарт снова меняет тактику. Идя против революционных выводов марксизма, он уже прямо сбрасывает со счетов внутренний закон капитализма, закон накопления капитала, выбрасывает классовую борьбу, выражающуюся в категории капитала. Этой постановкой вопроса он пытается сразу снять всякую ответственность с капитализма за создание громадной резервной армии. Резервная армия — это не результат, не неизбежный спутник капиталистической системы хозяйства, не следствие капиталистического накопления, а результат других причин. Причины эти при ближайшем рассмотрении в основном оказываются мальтузианскими. Зомбарт перечисляет три ряда причин:

- 1) биологически-технический ряд, выражающий естественные свойства рас и народов и технические средства;
- 2) психологический ряд — желание поддержать род, отношение к семье и детям;
- 3) социалистический ряд — экономические отношения, в том числе социальные причины, жизненные условия, условия профессиональные и т. д.

Разбираясь дальше в куче зомбартовских дефиниций, мы видим, что все они наворочены для того, чтобы подвести читателя к убеждению, что психологические и биологические причины — лень рабочих, неспособность работать и т. д. — играют решающую роль в образовании резервной армии капитализма.

Примечание: Здесь нельзя не вспомнить следующие рассуждения Л. Д. Троцкого, вдохновляющие Зомбартов в их восхвалении заслуг капитализма, перевоспитавшего «ленивых рабочих». «По общему правилу, — говорит Троцкий, — человек стремится уклониться от труда. Можно сказать, что человек есть довольно ленивое животное, и на этом качестве в сущности основан человеческий прогресс». Оказывается, что движущей силой развития капитализма является не борьба классов, что известно со времени опубликования «Коммунистического манифеста», а лень и «стремление экономно расходовать свои силы».

Ничего не поделаешь если в этом стремлении, основанном на прирожденной человеку лени... миллионы безработных выбрасываются на улицу. Это тоже «экономия». Ясно, что с этих позиций не понять ни развития капитализма, ни существа соцсоревнования и ударничества в СССР.

Кто посмеет после этого обвинять капитализм в неслыханных страданиях многомиллионных армий безработных?

Интересно то нахальство, с каким Зомбарт именно в этом коренном вопросе выступает на защиту капитализма. Он заявляет, что промышленная резервная армия «служит главнейшим орудием в руках класса капиталистов, для того чтобы не давать деревьям расти до неба, т. е. не давать зарплате увеличиваться свыше подобающей нормы». Эта пропаганда положительного значения резервной армии, не позволяющей «чрезмерно» расти зарплате, встречается во всех трех местах, где только Зомбарт говорит о резервной армии и о зарплате. Стремясь доказать необходимость низкой зарплаты, стремясь оправдать капиталистическую эксплуатацию, Зомбарт бьет на чувства и буквально оплакивает страдания... капиталистов: «Предприниматели сильно помучились над тем, чтобы приспособить к своим целям эту неукротимую рабочую массу, заставить проникнуться капиталистическим духом... в ранней стадии капитализма считалось целесообразным платить возможно более низкую зарплату (как будто теперь платят «более высокую» — В. Б.), исходя из правильного понимания психологии того поколения рабочих, ко-

торое вообще можно было заставить работать без перерыва только при очень низкой оплате труда»⁴³.

Беднякам капиталистам «пришлось помучиться», для того чтобы «приспособить» рабочих к капитализму. Рост прибавочной стоимости состязался в своем беге с ростом зарплаты, но у прибавочной стоимости оказались, как торжествующе декламирует Зомбарт, более здоровые легкие, она обогнала зарплату, и этим самым пролетариат оказался экономически приспособленным к капитализму. Вот торжественный вывод прямого апологета капитализма, вывод той самой XXVII главы, которую Герценштейн называет превосходным комментарием к марксовской теории относительного перенаселения!

5. Наконец последняя проблема, на которой вкратце нельзя не остановиться, это вопрос о первоначальном накоплении капитала. Известный контрабандист буржуазной идеологии Альтер в статье «Эволюция Вернера Зомбарта» заявляет, что «Современный капитализм» — первые два тома — можно рассматривать как комментарий, правда, достаточно невыдержанный, к XXIV главе «Капитала»^{43а}. Известно, что XXIV глава есть глава о первоначальном капиталистическом накоплении. Эта оценка зомбартовского «Современного капитализма» является совершенно апологетической, ибо первые два тома «Современного капитализма» не являются чем-то принципиально новым, отличающимся от зомбартовского «Буржуа». Основная же задача зомбартовского «Современного капитализма» и зомбартовского «Буржуа» заключается в том, чтобы показать, каким образом развивался капитализм без периода первоначального накопления, каким образом развивался капитализм не на основе ограбления колоссальных масс мелких собственников путем насильственного отделения их от средств производства, не на основе ограбления колоний, не на основе огораживания земли и чудовищной эксплуатации рабочих, а на бесплотной основе развития капиталистического духа. Оперативное политическое значение работы Зомбарта не в комментировании XXIV главы I тома «Капитала», а в опровержении этой главы на основе искусственного подбора громадного материала, искусственной перестановки вопроса в другую плоскость, в плоскость анализа психики носителей развивающегося капитализма.

Зомбарт ищет например «конечную причину (кризиса) в каком-нибудь психическом состоянии, или психическом процессе, совершающемся в душе хозяйствующего субъекта, т. е. капиталистического предпринимателя»⁴⁴. Точно так же он ищет истоки развития капитализма не в экономических условиях предкапиталистической эпохи (и отсюда предпосылку быстрого развития капитализма он видит не в первоначальном накоплении), а в развитии и в вызревании капиталистического духа. Эта теория «непорочного зачатия» капитализма от святого «духа» является стержнем работы Зомбарта, острие которого направлено против учения Маркса в целом и XXIV главы «Капитала» в особенности. При ознакомлении с работой Зомбарта вызывает глубокое возмущение его наглое обращение с Марксом.

⁴³ Том III, полутом 1-й, стр. 441.

^{43а} Том III, полутом 1-й, стр. 550.

⁴⁴ Там же, стр. 55.

В одном месте например он говорит, что в первом издании «Современного капитализма» он считал собственным открытием то, что постоянный капитал растет быстрее переменного, но, говорит он, к настоящему времени, т. е. ко второму изданию, он убедился, что это было до него сформулировано Марксом, только конечно менее внятно и менее членораздельно, чем у господина Зомбарта. В толковании стоимости общественного производства Зомбарт, как уже говорилось, возвращается к позиции Адама Смита. Он объявляет, что общественное воспроизводство распадается на доходы. Он декларирует, что иная точка зрения неправильна, нелепа. Но он даже не пытается дать хотя бы видимость критики Маркса в этом конкретном вопросе. Он делает вид, что уничижающей критики этого положения А. Смита со стороны Маркса просто не существовало. Эта манера уйти от критики Маркса, делать вид, что ее не существует, или нагло исказить и оболгать Маркса вообще чрезвычайно характерна для зомбартовских работ.

Теперь остановимся в двух словах на классовом содержании работ Зомбарта. Мы снова сошлемся на уже известного нам свидетеля—г. Шмоллера. Он говорит, что «основное содержание книги «Современный капитализм» можно обозначить двумя словами как прославление капитализма»⁴⁵. Под этой характеристикой Зомбарта действительно может подписаться любой марксист. Чтобы покончить с зомбартовским «марксизмом», мы приведем еще две оценки этого профессора, данные Лениным и Розой Люксембург.

Ленин, борясь со струвизмом с момента его зарождения, не устал подчеркивать, что струвизм есть лишь российский филиал международного стремления либеральной буржуазии проводить свои взгляды и пожелания под прикрытием «марксизма», очищенного от революционности. «Струвизм, — говорит Ленин, — есть не только русское, а... международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы признания «всех» истинно научных сторон и элементов марксизма, к р о м е «агитаторской», «демагогической», «бланкистско-утопической» стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, только его революционность»⁴⁶.

Аналогичную характеристику Зомбарта дает и Р. Люксембург: «Оспаривать открыто социал-демократию, опровергать ее учение, фи, как несовременно, как нереалистично, как «неисторично». Нет. Стать без обиняков на почву рабочего движения, признать все: профсоюзы и социал-демократию, классовую борьбу и конечную цель, подо всем подписаться. Только... подвести под профсоюзы в их собственных интересах такой фундамент, на котором они неизбежно станут в противоречие с социал-демократией, «цивилизовать», т. е. превратить социал-демократию в ее собственных интересах в национал-социальную партию, и социализм в интересах его-собственного осуществления превратить в нечто тождественное с капитализмом, словом, в интересах

⁴⁵ Том I, полутом 1-й, стр. 475.

⁴⁶ Л е н и н, Крах II Интернационала, т. XVIII, стр. 251.

классовой борьбы свернуть шею этой самой классовой борьбе — вот в чем штука»⁴⁷.

Эти оценки дают исчерпывающую характеристику зомбартизма как особого течения буржуазной теоретической мысли.

Сравнивая это течение с современным ему течением, с «социальной школой», мы должны признать, что зомбартовские подделки Маркса более грубы, чем подделки социальной школы. Безусловно также и то, что зомбартовское восхваление капитализма более нахально, чем восхваление капитализма социальниками. Но самое содержание, самое существо выхолащивания марксизма — превращение учения о классовой борьбе в мертвую абстрактную схоластическую схему, начисто отрицающую классовую борьбу, — это общее содержание, роднит Зомбарта с социальниками. Оно вместе с тем выражает собой специфическое место, которое принадлежит в истории зомбартизму.

4. Историческое место зомбартизма

Зомбартизм есть апологетика капитализма. Однако этого недостаточно. Важно показать, в каких условиях развивался зомбартизм, почему он возник и почему возник он именно в Германии. В свое время классическая политическая экономия появилась в Англии как первой стране развивающегося и ведущего капитализма. Зомбартизм как теория воинствующего капитализма появился в эпоху, когда Германия выдвигалась на передовые позиции борьбы за мировую гегемонию, когда германский восходящий империализм ставил перед собой мировые задачи. Певец капитализма Зомбарт в «Буржуа» пишет, «что в настоящее время Германия борется с САСШ за венец физического совершенства капиталистического духа, это никем не оспариваемый факт»⁴⁸. Он говорит далее, что «немецкий предприниматель представляет собой ныне (наряду или, скажем, вслед за американцем) самый чистый тип этой человеческой разновидности». Германия как носитель самого чистого капиталистического духа — вот зомбартовское понимание исторического места Германии в эту эпоху.

Это определяет и самого Зомбарта.

Но Германия являлась не только передовой страной империализма, которая оттеснила ряд старых капиталистических стран и выдвинулась на первое место, она вместе с тем была страной чрезвычайно развившегося рабочего класса, который еще со времени Маркса оценил значение третьего фронта классовой борьбы с буржуазией — борьбы идеологической. Поэтому здесь воспевание капитализма должно было идти в такой форме, должно было быть преподнесено пролетариату под таким соусом, который затемнил бы классовое сознание пролетариата, ограничивал бы его «агрессивные» тенденции против капитализма и тем самым затруднял бы классовую борьбу. Отсюда марксообразная маскировка и фразеология зомбартизма, прикрывающая его решительную борьбу с подлинным, революционным учением Маркса—Энгельса.

Эта эпоха, эпоха империализма, знала два основных крыла буржуазной политической экономии: с одной стороны, зомбартизм, с дру-

⁴⁷ Р. Люксембург, Избранные сочинения, т. I, ч. 1, стр. 239.

⁴⁸ Зомбарт, Буржуа, стр. 113.

гой — социальники. Оба они пытались дать единую буржуазную экономическую систему, способную преодолеть марксизм. Оба они состояли на службе у буржуазии, и оба прибегали к подлейшей фальсификации марксова учения. Однако разный характер этих фальсификаций определялся разными политическими течениями буржуазии, которые шли за этими «теориями» или для которых создавались эти «теории». Если зомбартизм как более открытый апологетизм капитализма привлекал к себе в период до всеобщего кризиса капитализма либеральную буржуазию, а в современный всеобщий кризис — фашистское буржуазное крыло, то социальная школа в основном обслуживала своими идеями социал-фашизм. Это не значит конечно, что между обоими этими крылами буржуазной науки существовал принципиальный разрыв, что они взаимно не оплодотворялись. Как раз наоборот. То, что оба эти крыла являлись буржуазными течениями, обусловило их внутреннюю идейную связь. Зомбартизм есть берштейнианство, более последовательно доведенное до конца, ставшее грубо апологетическим, сбрасывающее последние фиговые листки, но отнюдь не отказывающееся от бесшабашной социальной демагогии. Бернштейнианство есть социал-фашизм как особая, более толкая разновидность фашизма, непосредственным продолжением которого является зомбартизм.

Ленин учил, что «на деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия... Второй метод — метод либерализма, шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»⁴⁹

Общий кризис послевоенного капитализма внес серьезнейшую перестановку сил правящего класса, необычайно усложнил обе формы проведения буржуазного господства, щедро оплел их густой сетью новых приемов социальной демагогии. Либеральная буржуазия перестала быть «либеральной», она передвинулась ступенькой «выше» и облачилась в фашистские доспехи. Она за осуществление диктатуры методом прямого насилия. Но так же, как и раньше, когда будучи либеральным течением буржуазии, она подкрашивалась под «марксистские» оттенки, так теперь, будучи крылом «прямого действия», она прикрывается беспардонной демагогией. Место освобожденное либеральной буржуазией занял социал-фашизм. В эпоху общего кризиса капиталистической системы «буржуазия управляет при помощи двух своих крыльев — социал-демократии и фашизма»⁵⁰.

В области идеологии зомбартизм — фашистское крыло буржуазии, но именно как крыло буржуазии зомбартизм вместе с тем и тем самым выступает как крыло социал-демократии. Формально зомбартизм есть внепартийное, находящееся за пределами с.-д. партии крыло. Однако по сути дела все эти Гильфердинги, Реннеры и т. д. лишь иное обличье той же экономической и политической сущности, обличье, рассчитанное на привлечение иных социальных слоев.

⁴⁹ Ленин, т. XV, стр. 7.

⁵⁰ Мануильский, XII пленум ИККИ.

5. Зомбарт — идеолог фашизма

Суммируя все изложенное выше, мы можем сказать, что возможность превращения зомбартовской системы в идеологию фашизма заложена, во-первых, в методологическом эклектизме его системы, во-вторых, в эволюционизме, в-третьих, в ее апологетическом характере, в-четвертых, в национализме Зомбарта и наконец в той демагогической словесности, которая облекает как дымовая завеса зомбартовский апологетизм.

Обострение классовой борьбы в эпоху всеобщего кризиса капиталистической системы и сдвиг либеральной буржуазии в лагерь фашизма превратили эту возможность в прямую историческую необходимость, в исторический факт.

«Характерная черта фашизма заключается в том, — говорится в резолюции VI конгресса Коминтерна, — что в связи с потрясением капиталистического порядка и вследствие особых объективных и субъективных обстоятельств буржуазия использует — дабы преградить путь к развитию революции — недовольство мелкой и средней городской и деревенской буржуазии и даже некоторых слоев деклассированного пролетариата с целью создания реакционного массового движения».

Центральная задача фашизма — разгром революционных организаций рабочего класса. И в этом свете чрезвычайно важно разобрать зомбартовское отношение к рабочему движению.

Как уже было показано выше, Зомбарт не признает эксплуатации на капиталистической фабрике, отрицает присвоение капиталистом неоплаченного труда рабочего. Для Зомбарта и капиталист и рабочий одинаково «факторы» производства. Поэтому он отвергает наличие непримиримых противоречий между основными классами капиталистического строя. Нет противоречий и нет, не может быть классовой борьбы. Уже здесь закладываются, хотя прямо Зомбартом еще не формулируются, основы фашистского «корпоративного государства».

В книге «Народное хозяйство Германии в XIX и начале XX в., (Московский рабочий, изд. 1924 г.) Зомбарт дает следующую характеристику профдвижения:

«По идее своей профессиональное рабочее движение покоится на компромиссе между социализмом и капитализмом, или — если читатель предпочитает другое выражение — на осуществлении социализма при жизни капитализма...». И далее: «...конфликт между капиталом и трудом, противоречия между социализмом как идеалом и капитализмом как действительностью должны быть приближаемы к своему разрешению путем медленного проникания социалистических идей в капиталистическую хозяйственную систему: профессиональные рабочие союзы, охрана труда, страхование рабочих, кооперативы, национализация и муниципализация открыли эпоху социального развития, которую не без основания можно охарактеризовать как социалкапитализм» (стр. 249—250). Суть этой декларации: 1) отрицание революционной борьбы пролетариата, 2) вращение социализма в капитализм и 3) профсоюзы и буржуазное рабочее законодательство изображены элементами социализма.

Но вот — раз! — два! — фокусник повертывает рычаг своего ящика, и на сцену вылетают новые качества профсоюзов.

Открываем IV том, 2-й полутом «Современного капитализма» и на 178—179 страницах читаем: 1) «В развитии капиталистической хозяй-

ственной системы профессиональные союзы и картели являются необходимыми составными элементами», 2) «...профессиональное движение ничем не отличается от картельного движения».

Что это значит? Это просто «ловкость рук и никакого мошенства!» Суть дела в том, что, по меткому замечанию Р. Люксембург, социализм зомбартов есть «нечто тождественное капитализму». Это есть один из «фортелей», с которыми выступают гг. Штрамеры и Гитлеры перед публикой «благородной» (например корреспонденты американских газет) и перед потерявшими голову германскими мелкобуржуазными массами.

Но мало этого. Зомбарт прямо (!) заявляет, что «профессиональное движение в значительной степени послужило на пользу интересам капитализма», и даже перечисляет «заслуги» германских профсоюзов. Он видит эти заслуги, во-первых, в том, что «организованные рабочие в конце концов отказывались от своего принципиального сопротивления сдельной форме оплаты труда», во-вторых, профсоюзы сократили стачки и тем добились устойчивости хозяйственного процесса (он даже выводит нечто вроде закона: «число забастовок обратно пропорционально числу и степени прочности рабочих организаций»). Наконец — и это самое главное — Зомбарт прямо заявляет, что именно через профсоюзы (речь конечно везде идет о желтых профсоюзах) буржуазии удалось сломить сопротивление рабочего класса и «приспособить» его к капитализму.

«...Только благодаря профессиональным союзам, — говорит он, — рабочие во многих случаях приобрели способность работать с той энергией, которую они ныне обнаруживают. Только профессиональные союзы пропитали их капиталистическим духом, только они превратили лентяя по натуре в расчетливого, склонного к наживе «экономического человека», только они приучили его к систематическому труду. Во всяком случае они немало содействовали тому процессу технического приспособления, который должен был проделать рабочий и который представляет одну из необходимых предпосылок капиталистического хозяйства».

Что это — саморазоблачение? Фашист заговорил полным голосом? Но вот он опять крутит свою ручку. Зомбарт — уже в 1928 г. Канун всеобщего экономического кризиса. Зомбарт вещает, что капитализм переродился, что «форма конъюнктуры сейчас... отмерла и в будущем безусловно не возродится»⁵¹. И здесь оказывается, что капитализм уже не капитализм. Не пугайтесь, массы, ненавидящие капитализм! Когда Зомбарт говорит о капитализме, то он говорит уже не о капитализме, а о «послекапитализме», «антикапитализме».

Действительно. Куда ведет например картель? Оказывается, по Зомбарту, «картель ведет к усовершенствованию» (III, 2, 191). Именно к усовершенствованию, а не застою и загниванию, как всякая монополия! Но профсоюзы «однотипны» картелям. Они тоже ведут к усовершенствованию. Они ведут к «связанному хозяйству»⁵², т. е. к хозяйству «послекапиталистическому». Вот как профсоюзы, честно помогая капитализму, привели к тому, что капитализм уже «послекапитализм»...

Ну а венец, вершина, идеал этого «связывания» рабочих? Предоставим слово профессору Зомбарту: «Последним словом этого разви-

⁵¹ «Буржуазные ученые о закате капитализма», стр. 23.

⁵² Там же, стр. 90.

тия, — заявляет он, — является *charta de laboro* (так называемая фашистская «хартия труда» — В. Б.), которая создаст такое положение, что ограничен почти абсолютный характер, причем однако сохраняется капиталистическая форма хозяйства»⁵³.

Мышиная возня, которая ведется сейчас в Германии в связи с попытками фашизма отцепить от социал-фашистов профсоюзы и прицепить к себе, в этом свете заслуживает серьезного внимания. Зомбарт сигнализирует: «У итальянских фашистов рабочие крепче связаны». Практики действуют. Не всегда сейчас же, но действуют. И Штрассер под шумок пожимает руку Лейпарта. А Лейпарты уже вслух поговаривают об огосударствлении профсоюзов⁵⁴.

Рассмотрим теперь отношение Зомбарта к другим общественным классам и слоям.

Прежде всего нельзя не отметить, что зомбартовское отношение к финансовому капиталу, к монополиям, картелям крайне «неопределенно» и «туманно». Оно двусмысленно. Но это и понятно: разыгрывать двусмысленность относительно финансового капитала, гнета монополий приходится фашизму вообще. В этом одна из главных сторон его социальной демонологии, это один из козырей, которыми он обманывает трудящиеся массы. Смотрите, как Зомбарт «нападает» на финансовый капитал! Он говорит: «Развилась в небывалых до сих пор размерах плутократия и «финансократия». Хозяйство, т. е. капитал, т. е. крупный капитал, т. е. финансовый капитал, господствует над миром и заставляет танцевать, как марионеток, наших государственных деятелей»⁵⁵. «Ну, а выводы? Выводы неожиданные: происходит «сплошная рационализация» капиталистического духа. Целиком рационализированный дух перестает быть духом капиталистическим»⁵⁶. Значит вывод подсовывается тот же: монополия есть высший рационализм; это уже не капитализм. Появляется «новая» система. «Таким детищем капитализма явится,—заканчивает Зомбарт,—экономический рационализм»⁵⁷. В заключительном по своему докладу слове этот «рационализм» он называет «связанным хозяйством». «Финансократия» превращена в «антикапитализм».

Чем это хуже следующих двух высказываний эксвождя германских фашистов — Штрассера?

10 мая 1932 г. Штрассер сказал в рейхстаге: «Германский социализм является формой той великой антикапиталистической тоски и тех чаяний, которые преисполняют наш народ и которые, сознательно или бессознательно, охватили уже 95% нашего народа». Вне парламента Штрассер выразился еще более крепко: «Мы давно осознали, что эта экономическая система капитализма с ее эксплуатацией экономически слабого, с ее кражей трудовой силы рабочего должна уступить свое место новому, более справедливому экономическому порядку. Германская промышленность, германское народное хозяйство в руках международного финансового капитала обозначают конец мечтаний о возможности социального обеспечения, конец мечты о социалистической Германии. Поэтому мы проповедуем борьбу против финансовых хищников, которые под маской готовности и помощи хотят

⁵³ «Буржуазные ученые о закате капитализма», стр. 22.

⁵⁴ Статья написана до прихода Гитлера к власти и до открытой капитуляции социал-демократии.

⁵⁵ «Судьбы капитализма», стр. 20.

⁵⁶ Там же, стр. 21.

⁵⁷ Там же, стр. 25; подчеркнуто Зомбартом.

экспроприировать последние ценности и хотят еще усугубить свое экономическое господство. Мы проповедуем борьбу с германскими лособниками (международного финансового капитала), хотя бы они и были членами германского союза промышленности. Мы хотим на место капиталистической системы поставить настоящий социализм. Мы являемся социалистами, смертельными врагами капиталистической системы. Долой рабство капитализма, да здравствует национальная, да здравствует социальная революция!»

Ну, а американскому журналисту Никкер-Броккеру Штрассер заявляет: «Мы признаем частную собственность. Признаем частную инициативу. Мы признаем наши долги и наше обязательство их уплатить. Мы против огосударствления промышленности. Мы против планового хозяйства в советском смысле. Мы против инфляции и за золотой стандарт. Если мы придем к власти, то не будет никаких насильственных изменений».

Все это совершенно «в порядке вещей», ибо, как правильно сказал т. Эрколи на XII пленуме ИККИ, если в фашизме «в известные моменты как будто доминируют плебейский элемент и элемент мелкобуржуазный, то это всегда лишь по форме, лишь по внешности, лишь в смысле театральных эффектов, лишь демагогически. Существо же всегда остается последовательным, твердым осуществлением политики крупной буржуазии». Это относится к фашизму вообще и к Зомбарту в частности, ибо за спиной Зомбарта, как и всего фашизма, стоит финансовый капитал.

Но самое занятное начинается у Зомбарта, когда он, чтобы выступить на защиту уходящих классов, выступает против марксовой теории концентрации на том основании, что из этой теории «сделаны слишком далеко идущие, неправильные выводы»⁵⁹. Зомбарту не нравятся марксовы выводы о неизбежности крушения капитализма и замены его другой общественной формацией — социализмом. И вот, верный апологет и последовательный эволюционист, он выдвигает против марксова «социального монизма» «социальный плюрализм»: Отныне системы не будут вытеснять друг друга, а будут мирно пристраиваться под боком у своих предшественниц. «Таким путем, — говорит Зомбарт, — мы должны мыслить процесс развития и в будущем. Наряду с капитализмом будут существовать отчасти еще, отчасти вновь иные системы хозяйства, и в первую очередь система капиталистическая, причем, как я полагаю, в нынешних размерах»⁶⁰. Характерно, что неогегельянство, сквозящее сквозь эту схему, в настоящее время вообще выступает как «новейшее достижение» в развитии фашистской методологии. Зомбарт таким образом идет в ногу со своим движением! Но для нас не в этом основной интерес этого зомбартовского «социального плюрализма». Основной интерес его в той служебной роли, которую эта разновидность вооружения играет в общем арсенале фашизма.

А роль эта значительна: фашизму нужно установить связь с классами, которые смотрят в прошлое, которые не видят для себя ничего хорошего от развития капитализма. И эта «теория» создает видимость перспективы этим классам.

Она прежде всего обращена к дворянству, к юнкерству. Больше почтения и предупредительности к становому хребту германского мо-

⁵⁹ «Судьбы капитализма», стр. 24.

⁶⁰ Там же, подчеркнуто Зомбартом.

нархизма! И Зомбарт почителен. Зомбарт услужлив. Он лезет к себе в папку и достает ряд «исторических справок», вполне успокаивающих немецкого помещика. Во-первых, феодальный класс, поместное дворянство, «занимает могущественное положение, которому мы можем только подивиться, если принять во внимание происшедшую экономическую революцию»⁶¹, во-вторых, если буржуа обогнали феодальный класс по своему богатству, «то со стороны политической мощи и общественного престижа он несколько не пострадал»⁶², и наконец «феодальный класс подвержен непрекращающемуся процессу омоложения: он получает все новые и новые подкрепления из буржуазных кругов, которые быстро ассимилируются»⁶³. Не дрейфь, дворянство! На основе социального плюрализма тебе и твоим потомкам обеспечено теплое место под солнцем. Так сказал Вернер Зомбарт! Но Зомбарт сказал не только это. Как истый реакционер, который во что бы то ни стало хочет сохранить всю грязь и гниль современного капитализма, он заставляет общественные производительные силы двинуться вспять.

«В структуре народного хозяйства европейских стран, — вещает Зомбарт, — произойдет регресс, направленный к восстановлению такого отношения между сельскохозяйственным и несельскохозяйственным населением, какое существовало в Германии примерно в 1882 г., когда сельскохозяйственная часть составляла 40% всего населения»⁶⁴.

Примечание: Курьезно, что это пророчество Зомбарта в известном смысле «оправдалось»: удельный вес сельского хозяйства в германском народном хозяйстве с 25% в 1928 г. поднялся до 35% в 1932 г. (данные заимствованы из журнала германской компартии «Die Internationale Zeitschrift», Heft 7—8, 32 J, S. 350).

Однако на какой основе произошел этот процесс! Вместо обещанного процветания сельского хозяйства — упадок, разложение, деградация. Вместо сдержанного роста индустрии — неслыханное в истории капитализма падение

А если еще учесть, что «единственным решающим фактором является добывающая промышленность, на это правильно указывали еще физиократы»⁶⁵, то становится ясным, что роль дворянства должна расти. И если Штрассер заявляет, что «социализм — это старый офицерский корпус», то речь идет о прусском юнкере, который выступает носителем штрассеро-зомбаровского «социализма».

Ну, а как крестьянство? Как мелкая и средняя буржуазия? О, они также не забыты господином Зомбартом. И им тоже есть чему радоваться. Они могут свободно обойтись без конфликта с финансовым капиталом.

Зомбарт отвечает, что полагается, и крестьянству. Он утверждает, что ремесло сохранит свое старое положение, а «крестьянству предстоят счастливые времена. Во многих странах лишь теперь начинается то, что можно было бы назвать экономическим освобождением крестьянства»⁶⁶. «Благодаря огромному возрождению сельского хозяйства Европы крестьянство приобретает крупнейшее экономическое значение, и хотя тип крестьянина будущего будет резко отличен от его нынешнего типа, все же совершенно очевидно, что он никогда не подчинится целиком ни капиталисту, ни социалистической системе

⁶¹ «Народное хозяйство Германии», стр. 254.

⁶² Там же, стр. 258.

⁶³ Там же, стр. 260.

⁶⁴ «Судьбы капитализма», стр. 19.

⁶⁵ Там же, стр. 88.

⁶⁶ Там же, стр. 24.

производства. Характер с.-х. производства и психология с.-х. работника делают это невозможным»⁶⁷. Зомбартовский «плюрализм» это «Mädchen für alles». Он открывает широчайшее поле для фашистских маневров и фашистского надувательства масс. Ремесленник, крестьянин, помещик, капиталист, «рационалист» и ... даже рабочий,—все могут найти у «дядюшки Якова» подходящий товарец. Ибо «антикапитализм» тоже процветает здесь же, неподалеку.

Подведем итоги.

1. Методологический эклектизм—существенная черта зомбартизма—выполняет важнейшую социальную функцию. Он делает беспринципную по своей основе зомбартовскую «систему» необыкновенно гибкой, скользкой и увертливой. Вытекая из неокантианских посылок Зомбарта, она создает «научную» видимость, прикрывает абстрактными рассуждениями основную классовую задачу: увести исследование от основных противоречий капитализма.

Зомбарт представляет внешнее как существенное, существенное—как внешнее (так концентрацию капитала Зомбарт преподносит как внешний, формальный момент⁶⁸; игрой в «дефиниции», жонглированием внешними формами явлений, их искусственной классификацией, произвольными соединениями независимых элементов,—всей этой жульнической техникой, основанной на беспардонном эклектизме, Зомбарт доказывает, что белое есть черное, а капитализм есть не капитализм.

Фокус кончен. Зомбарт «доказал», что капитализм развивается без противоречий, что ему ничего не угрожает, что только невероятное «ослепление марксистов», навеянное теорией катастроф, в основе капиталистического строя видит эксплуатацию рабочего и беспощадную классовую борьбу буржуазии и пролетариата.

Так создается «теория» якобы «антикапиталистического» и «послекапиталистического», «связанного хозяйства», так создается «теоретико-экономическая» база для соответствующей «антикапиталистической» демагогии фашизма.

2. Эволюционизм Зомбарта является его вторым боевым оружием. Этот изъеденный ржавчиной меч своим острием направлен против материалистической диалектики, против исторического материализма. Скачков и прерывностей нет. Развитие есть наращивание новых и новых слоев вокруг старой сердцевины. Революции случайны. Классовая борьба пролетариата должна быть уничтожена — это одна сторона эволюционизма Зомбарта. Она направлена против рабочего класса. А другая его сторона, особенно расцветающая в условиях общего кризиса капиталистической системы, выступающая как программа фашизма: разгромить пролетарские организации, защитить капитализм, сохранить юнкерство, привлечь радужной перспективой развития мелкую и среднюю буржуазию, успокоить крестьянство обещанием укрепления «ремесленного строя».

3. Зомбарт предан капитализму, он любит его, он изумляется «колоссальностью и блеском его техники». Капитализм — это «величайшее чудо истории человечества», это — замечательное создание человеческого духа⁶⁹.

⁶⁷ «Перспективы экономического развития Европы», сб. «О закате...», стр. 28.

⁶⁸ «Судьбы капитализма», стр. 20.

⁶⁹ «Перспективы экономического развития Европы», сб. «Буржуазные экономисты о закате капитализма», стр. 29.

Это Зомбарт пропагандирует за год до экономического кризиса Фордистскую идею бескризисного развития на основе постоянно забегающего вперед спроса ⁷⁰. Это он «отечески» внушает марксистам, «что в действительности всякое увеличение продукции — в особенности при капиталистической системе отношений — означает увеличение спроса. Что только ослепление, вызванное теорией катастроф, породило чудовищную теорию Маркса и марксистов о производстве» ⁷¹. И это Зомбарт замечает следы, когда пишет, что «смысл капиталистического хозяйства... это удовлетворение потребностей (!! — В. Б.) при посредстве рынка в целях получения прибыли предприятиями» и что задачу удовлетворения потребностей капитализм выполняет «можно сказать, с совершенством, которому нет равного» ⁷².

Зомбарт утверждает, что капитализм не виновен в послевоенном кризисе ⁷³ и, успокаивая других и себя, сулит укрепление капитализма через кризис ⁷⁴.

4. Зомбарт националист. «Deutschland, Deutshland über alles!» — под которую она говорит о германском капиталистическом духе, о германском капитализме. Как все фашисты, он антисемит и питает животную ненависть к пролетарскому интернационализму.

5. И все это связывается цветистой фразеологией, словесными хитросплетениями, представляющими капитализм не капитализмом. Фашистский «социализм» Зомбартов это: «Кооперация, государственные и коммунальные предприятия, смешанно-публичные предприятия и т. д.» ⁷⁵. Это они являются «послекапиталистическими системами».

Рука руку моет. Фашизм перекликается с социал-фашизмом, и оба стараются изобразить санацию монополистических банкротов за счет германского налогоплательщика «шагом к социализму». Под ловкими руками Зомбартов акционерные общества, тресты и картели как «смешанно-публичные» предприятия тоже оказываются «социализмом». Остается только одно: борьба против тех, кто стремится разрушить этот «социализм» Зомбартов, борьба против коммунизма.

«...Фашисты прибегают для обмана масс к социальной демагогии, скрывающей контрреволюционные цели буржуазной диктатуры. Играя на нужде и бедствиях трудящихся масс, разжигая национальную вражду, империалистический дух реванша в побежденных странах, антисемитизм, спекулируя в Германии на плане Юнга, прикрывая свою службу капиталу лживой антикапиталистической фразеологией, фашисты, оплачиваемые финансовым капиталом (Гитлер), используют недовольство масс в целях усиления буржуазной диктатуры и беспощадного подавления рабочего класса» ⁷⁶.

Таков Зомбарт. Круг замкнут, цикл развития завершен.

⁷⁰ «Судьбы капитализма», сб. «Буржуазные экономисты о закате капитализма», стр. 23.

⁷¹ «Современный капитализм», т. III, ч. 1, стр. 491.

⁷² Там же, т. III, ч. 2, стр. 5.

⁷³ Там же, т. III, ч. 2, стр. 49.

⁷⁴ Там же, стр. 70.

⁷⁵ Зомбарт, Судьбы капитализма, цитир. сб., стр. 24.

⁷⁶ Из тезисов XI пленума ИККИ.

В других исторических условиях другому буржуазному либералу — Струве — пришлось проделать свой путь развития гораздо более ускоренным темпом. Оценивая путь струвизма к 1908 г., Ленин говорил, что «русский либерализм за 3 года пережил ту эволюцию, которая потребовала в Германии свыше 30 лет»⁷⁷. Революция пятого года до конца разоблачила русских либералов и либерализм. Она отбросила их в черный лагерь реакции. Десятилетием позже, в борьбе с пролетарской революцией, Струве выступает уже как министр контрреволюции, министр врангельского «правительства». Вместе с белогвардейщиной он выметается штыками Красной армии из Советской страны. Октябрьская революция таким образом списала российский струвизм в тираж...

Несколько иначе сложилась — пока что — судьба профессора Зомбарта. Правда, повылезли и пооблиняли его «подкрашенные под марксизм» перья. Поседели некогда молодые кудри. Общий кризис капиталистической системы призвал Вернера Зомбарта к действенной борьбе за капитализм. И Зомбарт, этот — по меткому замечанию Р. Люксембург — «экстравагантный профессор германской буржуазии» — открыто выступает за фашизм. Стоящий на грани революционного взрыва германский капитализм ищет спасения в фашизме. И профессор Зомбарт едет в Рим для участия в международном фашистском научном конгрессе. Это — у последней черты. Последнюю черту подведет уже победивший германский пролетариат.

---

⁷⁷ «Заказанная полицейско-патриотическая демонстрация», т. XII, стр. 156.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В КАМЕННОУГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

Огромные преимущества и достижения каменноугольной промышленности СССР выступают особенно резко на фоне мировой каменноугольной промышленности. Несмотря на все трудности, которые приходилось преодолевать каменноугольной промышленности СССР по линии бедности материальными ресурсами, техническими кадрами, техническим опытом, она в силу иной системы хозяйства и революционной готовности рабочего класса сделала огромные успехи в деле осуществления задачи «догнать и перегнать».

Как ни условно сопоставление показателей работы каменноугольной промышленности СССР с показателями работы каменноугольной промышленности капиталистических стран в силу противоположных социальных систем хозяйства, в силу различий естественных условий каменноугольной промышленности отдельных стран, все же такое сопоставление при постоянном подчеркивании и показе принципиальной разницы положения каменноугольной промышленности СССР и капиталистических стран дает яркую картину огромных возможностей каменноугольной промышленности СССР, указывает узловые участки, на которых она должна добиваться «догона и перегона» достижений каменноугольной промышленности капиталистических стран.

Огромные успехи в осуществлении индустриализации страны дали основание т. Сталину поставить со всей решительностью в его речи на съезде хозяйственников определенный срок осуществления этой задачи. «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас смнут». Осуществление поставленной задачи заключается не только в достижении объема производства, характерного для передовых капиталистических стран, но и в коренной технической реконструкции народного хозяйства на базе полного освоения тех достижений, которые накопил капиталистический мир, на базе полного освоения технического и организационного опыта промышленности передовых капиталистических стран. Именно эта сторона характерна для переживаемого этапа социалистического строительства в условиях, когда не только восстановлены, но и социалистически реконструированы промышленность, транспорт и сельское хозяйство СССР. Огромное политическое и технико-экономическое значение имеет поэтому оценка всего предшествующего развития народного хозяйства СССР, в том числе и каменноугольной промышленности в свете проверки выполнения задачи «догнать и перегнать». Сопоставление конкретных технико-экономических показателей развития каменноугольной промышленности СССР не только рисует нам степень выполнения этой задачи на этом ответственной стадии народного хозяйства, но и обеспечивает наиболее правильную разработку второй пятилетки. Тов. Молотов в своем докладе на XVII партконференции подчеркивал громадное значение этого сравнения. Вторая пятилетка для всего народного хозяйства, в том числе и для каменноугольной промышленности, должна строиться на дальнейшем использовании достижений капиталистической техники. «Мы помним,— говорит т. Молотов,— о ленинском лозунге «догнать и перегнать передовые в технико-экономическом отношении капиталистические страны», мы еще стоим довольно далеко от осуществления этого лозунга. Но во второй пятилетке мы делаем в этом отношении существенные шаги»¹. Все это достаточно ясно показывает важность работы по анализу технико-экономических показателей в каменноугольной промышленности СССР в свете мировой каменноугольной промышленности. Первая и основная предпосылка правильного анализа заключается в том, что, сопоставляя конкретные показатели работы каменноугольной промышленности СССР и капиталистических стран, необходимо помнить принципиальную разницу систем хозяйства, в которых развивается та и другая каменноугольная промышленность. Поэтому на каждом этапе исследования за цифрами, характеризующими основные технико-экономические процессы в развитии каменноугольной промышленности у нас и в капиталистических странах, должны быть проанализированы не только черты сходства, общие линии, характеризующие направление усилий, обеспечивающих перевод нашей каменноугольной промышленности на более высокую технико-экономическую ступень, но и принципиальное различие в положении нашей, социалистической каменноугольной промышлен-

¹ В. Молотов и В. Куйбышев, О второй пятилетке, Партиздат, 1932 г., стр. 33.

ленности по сравнению с капиталистической, те особые пути, по которым должны идти усилия при осуществлении задачи «догнать и перегнать», те возможности, которые имеет социалистическая каменноугольная промышленность по сравнению с капиталистической. Это не дает конечно права забывать при анализе и трудностей, рождаемых специфической обстановкой развития каменноугольной промышленности у нас, — создание новых районов, оторванных от промышленных центров, слабость нашей горнозаводской базы, малая прослойка технического персонала, низкие квалификация и культурный уровень рабочих кадров каменноугольной промышленности на данном этапе и т. д.

Помимо этого необходимо учитывать две трудности сопоставления технико-экономических показателей — общую в той или иной степени для всех отраслей промышленности и специальную для каменноугольной и прочей горной промышленности.

Общая трудность заключается в том, что по тем или иным причинам публикуемые в иностранных источниках данные искажены. Принцип коммерческой тайны в условиях капиталистической действительности находит свое отражение и в информации, характеризующих работу предприятий, в результате чего цифровая характеристика их состояния и работы получает извращенный характер. Особенно это относится к данным по труду, зарплате, себестоимости.

Другой стороной этого же момента, полностью отражающей систему капиталистического хозяйства, основанного на анархии производства, является отсутствие единой методологии обработки статистических материалов, отсутствие унифицированного понимания основных понятий. Например понятие действующей шахты неодинаково применяется не только в Германии, но и в Руре. То же самое в отношении самого понятия «шахта». Под этим понятием как в Германии, так и в других странах иногда подразумевают целую компанию со всеми ее шахтами или же каждую отдельную шахту данной компании. Хотя в общем и имеется стремление как в основном каменноугольном округе Германии — Руре, так и в ряде европейских стран — Бельгии, Франции — под понятием «шахта» понимать самостоятельную шахту данного рудника, отличительным признаком которой является «самостоятельный шахтный подъем», но при работе над технико-экономическими показателями каменноугольной промышленности у нас и в капиталистических странах различное понимание основного понятия осложняет трудности сравнения. То же самое относится и к таким основным понятиям, как «число рабочих дней», «число рабочих», «смена», «производительность», «зарплата», и даже к самому понятию добычи.

Специальные трудности анализа технико-экономических показателей в каменноугольной промышленности создаются специфичностью этой отрасли промышленности, связанной с разнообразием природных условий при добыче угля. Это можно проиллюстрировать хотя бы такими данными для каменноугольной промышленности передовых капиталистических стран по сравнению с Донбассом, который дает основное количество угля СССР: средняя мощность разрабатываемых пластов угля (битуминозного) в САСШ равна 1,6 м, в Англии — 1,27 м, в Германии (Рур) — 1,10 м, в СССР (Донбасс) — 0,94 м. Добыча с пластов мощностью сверх 1,3 м для САСШ составляет 75%, для Англии — 50%, для Донбасса — только 18%. Средняя глубина шахт в САСШ — 78 м, в Англии — 317 м, в Руре — 530 м, в Донбассе — 160 м. При пологом и почти пологом залегании основной массы разрабатываемых пластов в САСШ и Англии Рур и Донбасс например разрабатывают и крутопадающие пласты, причем и для этих двух каменноугольных бассейнов имеются колебания. С пластов до 25° Рур имеет 57% добычи, Донбасс — 67%, с пластов от 25 до 45° Рур — 18%, Донбасс — 13,6%, с пластов сверх 45° Рур — 25%, Донбасс — 19%.

Если мы в свете этого разнообразия подойдем к основным показателям по концентрации, механизации и производительности механизмов, электрификации, труду и т. д., всякое сравнение по любому показателю придется делать с большими оговорками. Концентрацию добычи, которую обыкновенно характеризуют средней добычей, приходящейся на одну производственную единицу, а также соотношением групп шахт и добычи с них в зависимости от величины производственных единиц по каждой группе, нельзя полностью, без оговорок сравнивать не только для отдельных стран, но и для отдельных районов, отличающихся мощностью пластов, стратиграфическими условиями залегания, свойствами боковых пород, глубиной работ и т. д. То же самое в той или иной степени относится и к другим показателям. С этой точки зрения необходима большая работа, устанавливающая степень влияния основных варьирующих факторов на сопоставляемые технико-экономические показатели. Наконец самая система показателей для каменноугольной промышленности ни в какой степени не может быть признана разработанной. Изменения техники эксплуатации каменноугольных месторождений, связанные со все растущей механизацией всех рабочих процессов, вносят целый ряд изменений в установившиеся показатели, создают новые показатели. Так, в Германии например в связи с интенсивно проводимой подземной концентрацией наряду с таким показателем, фигурирующим и у нас в Донбассе, как темп продвигания очистного забоя, вводится такой, как длина откаточных выработок, отнесенная на тонну добычи, призванной характеризовать явления, связанные с укорочением путей движения груза в шахте и интен-

сивностью использования транспортных выработок. Наконец затруднением для работы над технико-экономическими показателями является отсутствие обработанных и объединенных статистических данных в силу невнимания к этому участку, которое имеет место в планирующих каменноугольное производство организациях.

I

Решающим показателем, характеризующим в наиболее общем виде преимущества и успехи нашей каменноугольной промышленности по сравнению с каменноугольной промышленностью капиталистических стран, являются темпы развития каменноугольной промышленности.

Преимущества советской системы перед капиталистической системой хозяйства находят свое выражение прежде всего здесь. Индустриализация страны, растущее потребление угля в промышленности, транспорте предъявляют огромные требования к каменноугольной промышленности. Темпы развития каменноугольной промышленности играют исключительную роль в свете того, что перед СССР с момента Октябрьской революции стояла задача ликвидировать ту диспропорцию между развитием каменноугольной промышленности, которая имела место в дореволюционное время, и требованиями на уголь, которые уже тогда предъявляла к нему промышленность. Вместе с тем трудность развития каменноугольной промышленности в СССР была связана и с тем, что за время гражданской войны был значительно ослаблен и с точки зрения людских кадров и с точки зрения оборудования основной бассейн Союза—Донбасс. Восстановление каменноугольной промышленности приходилось вести в условиях вредительства. И все же, несмотря на все это, каменноугольная промышленность уже в 1926 г. достигает довоенного уровня, а в 1931 г., т. е. через 5 лет, почти удваивает довоенную добычу. Темпы добычи каменного угля в передовых капиталистических странах по сравнению с темпами добычи угля в СССР рисует следующая таблица 1а:

Таблица 1

Страны	1913 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г. (при-мерно)
САСЦ	517,0	525,9	594,7	539,8	520,1	549,7	480,0	395,0	320,0
Англия	292,0	247,1	128,3	255,3	241,3	262,0	247,8	213,7	215,0
Германия	140,8	132,6	145,3	153,6	150,9	163,4	142,7	118,6	99,0
Франция	57,1	60,1	65,1	65,4	64,5	67,3	67,1	61,4	56,0
Польша	41,2	29,0	35,7	38,0	40,5	40,1	37,5	38,2	26,0
Мировая добыча (без СССР)	1 185,9	1 167,4	1 150,8	1 242,2	1 209,5	1 281,8	1 153,8	1 004,4	862,0
СССР	29,0	18,0	27,6	33,2	35,8	41,5	48,4	56,6	62,0

В 1929 г. мировая добыча угля достигла наивысшей точки в послевоенный период (1 282 тыс. т против 1 186 тыс. т в 1913 г.,—данные без добычи, падающей на СССР),

1а Данные по капиталистическим странам взяты из журнала «Stahl und Eisen», Heft 47, 24 1932, Die Kohlenwirtschaft des deutschen Reiches und der Welt im Jahre 1931.

Добыча Германии без добычи Саарской области, Пфальца, Восточной Верхней Силезии и Эльзас-Лотарингии.

Добыча Франции с добычей Саарской области, Пфальца, Эльзас-Лотарингии.

Добыча Польши с добычей Восточной Верхней Силезии.

Мировая добыча без СССР получена вычитанием из общей мировой добычи добычи СССР, так как она указана в приведенном выше источнике. Данные о добыче СССР взяты из книги ЦУНХУ «СССР за 15 лет».

В указанных количества добычи каменного угля не включена добыча бурого угля, которая составляет за последние годы 16—18% от общей мировой добычи угля (в 1929 г.—232,8 млн. т, в 1930 г.—196,6 млн. т, в 1931 г.—179 млн. т). Три четверти добываемого в мире бурого угля приходится на Германию.

Что же касается методологии подсчета добычи, то обыкновенно цифры добычи относятся не к общему количеству сырой добычи, а только к количеству «годного к употреблению угля». Отсортированные при обогащении примеси, негодные для сжигания, газификации, не принимаются в учет.

однако все крупнейшие производители угля увеличили в очень небольшой степени свою добычу по сравнению с 1913 г. Так, САСШ добыли за 1929 г. 549,7 млн. *т*, что дает рост против 1913 г. на 60%, Англия—262 млн. *т*—меньше чем в 1913 г. на 100%, Германия—163,4 млн. *т*—увеличение на 160%, Франция—67, млн. *т*—увеличение на 180%; СССР в этом году добыл 41,5 млн. *т* против 29,0 млн. *т* в 1913 г., т. е. увеличил добычу на 430%. Кризис нанес сокрушительный удар мировой каменноугольной промышленности. В 1931 г. добыча САСШ сократилась против 1919 г. на 280%, Англии—на 150%, Германии—на 270%, Франции—на 80%; добыча СССР выросла еще на 360% против 1929 г., т. е. почти удвоилась против довоенной.

Тяжелое состояние каменноугольной промышленности в послевоенный период в капиталистических странах буржуазные обозреватели пытаются объяснить вытеснением угля другими видами топлива (бурым углем, нефтью, газом), растущим применением силы воды для выработки электроэнергии, а также успехами в использовании топлива в рационализированном в послевоенное время теплосиловом хозяйстве электростанций, промышленности и транспорта.

Действительно послевоенный период характеризуется резким изменением роли угля в используемых мировых энергетических ресурсах, огромными успехами в деле рационализации потребления энергетических ресурсов, понижения удельных расходов топлива. Но о чем это говорит? Это говорит лишь о фактах углубления неравномерного развития послевоенного капитализма. Это демонстрирует лишь растущую невозможность в условиях капитализма обеспечить использование всех энергетических ресурсов. Энергетический сектор капиталистического хозяйства в силу исторически сложившейся здесь обстановки лишь наиболее полно и выпукло отражает противоречия капиталистического развития и тот факт, что «производительные силы принимают такие размеры, при которых они перерастают руководство буржуазии» (Э н г е л ь с).

Мировой кризис резко обострил процессы, протекающие в каменноугольной промышленности капиталистических стран. Конкурентная борьба отдельных стран—производителей угля, борьба отдельных компаний и предприятий в рамках отдельных стран, стремление понизить издержки производства в отраслях, потребляющих уголь, создают предпосылки к дальнейшему обострению противоречий и дальнейшей деградации капиталистической каменноугольной промышленности. Есть лишь один выход из этого кризиса, за который борются передовые рабочие капиталистических стран, выход, при котором планомерное развитие производительных сил обеспечивает наиболее разнообразное использование всех энергетических ресурсов в полном соответствии с особенностями этих ресурсов. Картину этого планомерного использования энергетических ресурсов—и угля в том числе—дает СССР. Более быстрый, несравнимый темп развития каменноугольной промышленности СССР обеспечивает систематическое повышение ее роли в мировой добыче каменного угля. Если в 1913 г. добыча угля в границах СССР составляла 2,40% по отношению к мировой добыче, к началу первой пятилетки—2,60%, то в 1931 г. она составляет уже 5,60%. Еще рельефнее успехи быстрых темпов развития находят свое выражение при сравнении добычи СССР с добычей крупнейших капиталистических стран. В довоенное время Россия стояла на шестом месте по добыче угля (все сравнения делаются в рамках теперешних границ) после САСШ, Англии, Германии, Франции, Польши. В 1930 г. она становится на пятое место, оттеснив Польшу; в 1932 г. переходит на третье место, оттеснив Францию.

В самой непосредственной связи с темпами развития стоит проблема и с п о л ь з о в а н и я п р о и з в о д с т в е н н о й м о щ н о с т и каменноугольной промышленности. Показателем успехов социалистической каменноугольной промышленности по сравнению с капиталистической является показатель использования производственной мощности каменноугольной промышленности. Даже если взять оценку использования производственной мощности по такому показателю, как среднегодовое количество рабочих дней в каменноугольной промышленности, то преимущества, которыми обладает каменноугольная промышленность СССР, выступают достаточно ясно. Мы имеем возможность наиболее полно использовать машины и основное оборудование каменноугольной промышленности, введя непрерывную работу на наших предприятиях. Среднегодовое количество рабочих дней в капиталистической каменноугольной промышленности и до кризиса держалось на сравнительно низком уровне, во время же кризиса количество рабочих дней резко сократилось. В САСШ количество рабочих дней, поднявшись в 1929 г. до 219, в 1930 г. под влиянием кризиса упало до 187, а в 1931 г. до 168. Потери от сокращения рабочих дней в капиталистической каменноугольной промышленности огромны. Сами американцы например ведут систематический учет использования производственной мощности каменноугольной промышленности, исходя из возможности работы в 308 рабочих дней (календарный год минус праздники). Даже если взять 308 рабочих дней, то битуминозная угольная промышленность САСШ могла бы дать в 1931 г. 620 млн. *т* против фактических 340 млн. *т*. При 350 рабочих днях одна битуминозная угольная промышленность САСШ без антрацитовой могла бы дать больше, чем 2/3 мировой добычи этого года.

Более подробно проблема использования производственной мощности разработана в Германии для всей промышленности, в том числе и для каменноугольной².

На основании данных 6 тыс. фирм ежемесячно составляются следующие три показателя использования производственной мощности предприятий для 200 отраслей промышленности: процент занятых рабочих к количеству рабочих, которые могли бы быть заняты в промышленности, процент занятых служащих к количеству служащих, которые могли бы быть заняты в промышленности, количество отработанных часов в процентах к количеству часов, которое могло бы быть отработано при полном использовании рабочих мест и при продолжительности рабочего времени по тарифу. Как ни условны эти цифры, все же они дают некоторую картину степени использования производственной мощности угольной промышленности (каменноугольной и бурогоугольной) в Германии за последние годы. Наиболее высоким процент занятых рабочих был для 1929 г., колеблясь для разных месяцев от 90 до 95. В 1930 г., если не считать первых двух месяцев, когда еще действие кризиса не сказалось в достаточной степени на состоянии каменноугольной промышленности, этот процент наиболее был высок в апреле—87—и, все время снижаясь, становится наиболее низким в декабре—74,9. Весь 1931 и 1932 гг. происходит дальнейшее снижение процента занятых рабочих: 1931 год начинается с 73,9, кончается 61,5, 1932 год начинается с 60,5; во второй половине 1932 г. процент занятых рабочих немногим больше 50. Не останавливаясь на анализе динамики процента занятых служащих по отношению к количеству служащих, которые могли бы быть нормально использованы (процесс уменьшения служащих более замедлен), даем характеристику использования производственной мощности по проценту отработанных часов, взятых к количеству возможных часов. Для 1929 г. этот процент колеблется от 97 до 87. В 1930 г. систематически идет снижение процента фактически отработанных часов к возможному количеству часов работы: в январе этот процент составляет 93,7, даже превышает процент января 1929 г., когда он был 87,7, в декабре 1930 г. снижается до 72,2 против 95,3 в декабре 1929 г. Весь 1931 г. идет дальнейшее катастрофическое падение процента фактически отработанных часов. Год начинается с 69,5 и кончается 54,6. В 1932 г. эта тенденция продолжается, в результате по этому показателю производственная мощность каменноугольной и бурогоугольной промышленности используется менее чем на половину³. Только в свете этих фактов использования производственной мощности можно понять и анализировать процессы технической реконструкции каменноугольной промышленности капиталистических стран. Уже до мирового экономического кризиса ряд буржуазных исследователей каменноугольной промышленности подчеркивал значение степени использования производственной мощности каменноугольной промышленности по сравнению с другими отраслями промышленности.

«Установление степени влияния на себестоимость размеров добычи и приспособления к конъюнктурному спросу, т. е. величине нагрузки предприятия,—пишет германский исследователь горного дела Курт Зибен,—приобретает особое значение именно в горном деле, ибо здесь основной капитал оборачивается только один раз в год и даже меньше, максимум не больше двух раз, тогда как в других отраслях промышленности отношения величины оборота величине капитала доходит до 100:1. Из этого следует, что лучшее использование основного капитала в горном деле имеет в сто раз большее значение, чем в других отраслях промышленности»⁴.

Далее Зибен указывает, что капитальные затраты на тонну годовой добычи в германской бурогоугольной промышленности составляют 4—8 марок на тонну, в каменноугольной промышленности—15 марок на тонну, в американской каменноугольной промышленности—20 марок на тонну, причем и для Германии и для Америки происходит систематическое повышение капитальных затрат на тонну годовой добычи. Но если верно положение, что для каменноугольной промышленности лучшее и наиболее интенсивное использование основного капитала имеет большее, чем для других отраслей капиталистической промышленности значение, то верно и обратное положение, что падение в использовании производственной мощности, получившее свое особенно яркое выражение в период всеобщего экономического кризиса, относительно большей тяжестью ложится на капиталы, инвестированные в каменноугольной промышленности. В том же направлении происходит изменение и амортизационных отчислений на тонну годовой добычи. Ролен⁵ приводит следующую таблицу возрастания размеров списывания при неполной нагрузке шахт различной мощности:

² Vierteljahrshefte zur Statistik der Deutschen Reichs, 1932, Drittes Heft Beschäftigung der Industrie von 1928 bis 1932.

³ Приведенные цифры не характеризуют полностью степени использования производственной мощности промышленности, так как, по указанию ряда исследователей, они не включают предприятия, остановленные полностью в результате кризиса.

⁴ Д-р-инж. Курт Зибен, Основы научного управления производством в горном деле, изд. «Уголь», 1931 г. (в Германии книжка вышла в 1928 г.), стр. 21.

⁵ Glückauf 52 1930. Die Entwicklung zum Verbundbergwerk im Kuhrkoblen bezirk von Bergwerksdirektor Dr.-Ing. W. Roelen.

Таблица 2

Возможная годовая производительность шахты в год	В миллионах тонн				
	1	1,5	2	2,5	3
Списывание при полном использовании	1,32	1,16	1,04	0,25	0,40
Списывание при неполном использовании, а именно при годовой добыче в					
1,0 млн. т	1,32	1,72	2,08	2,37	2,70
1,5 „	—	1,16	1,38	1,39	1,80
2,0 „	—	—	1,04	1,19	1,35
2,5 „	—	—	—	0,95	1,08
3,0 „	—	—	—	—	0,90

Отсюда видно, что уменьшение нагрузки наполовину (т. е. то, что мы примерно имеем по данным использования производственной мощности для каменноугольной и бурогоугольной промышленности Германии, приведенным выше), увеличивает амортизационные отчисления в два раза. То же подтверждают специальные исследования и других авторов. Цитированный выше Зибен пишет:

«При специальном исследовании организации производства во времени важнее всего учитывать обычно пренебрегаемый фактор—степень использования капитала. Пусть например речь идет о том, насколько удешевляется производство работы в две смены вместо одной. Если расходы на капитал при относительной работе равны 120% всех расходов, то при двухсменной работе они обычно составляют в общем около 7—80%. Стоимость вентиляции и водоотлива, на которые затрачивается обычно около 30—50% всего расхода энергии, при переходе на работу в две смены удешевляется вдвое (на тонну добычи)⁶. В Америке считают, что исключение одной смены в месяц повышает себестоимость добычи на 10%, двух смен—на 20%, восьми смен—на 100%⁷.

Это собственно и объясняет положение, указываемое профессором Шмаленбахом, что каменноугольная промышленность часто принуждена работать с полной нагрузкой даже при отсутствии сбыта, так как в этом случае ее убытки будут меньше, чем убытки при работе с неполной нагрузкой. Но разрешать так противоречие, создающееся в связи с уменьшением использования производственной мощности, не всегда являлось возможным. Поэтому в условиях ухудшившейся конъюнктуры наряду с этим шла ликвидация производственной мощности каменноугольной промышленности капиталистических стран и по линии разорения ряда предпринимателей, не выдерживающих конкуренции, и по линии сознательного затопления ряда производственных единиц в рамках отдельных компаний.

Три автора⁸ в статье, посвященной процессам концентрации в битуминозной угольной промышленности, как положительное отмечают ликвидацию огромного количества компаний и шахт с 1920 по 1929 г. Действительно, с 1920 по 1929 г. количество шахт сократилось с 8 921 до 6 057, количество компаний—с 6 277 до 4 612, т. е. на 36%. Авторы прямо указывают в заглавии, что «решительная ликвидация чрезмерной мощности угольной промышленности просветит горизонт будущего». Что это сокращение касалось не только мало рентабельных единиц⁹, видно из того, что некоторые компании, добывающие более чем 12 млн. т в год, закрыли за восемь лет более половины своих шахт без каких бы то ни было причин для ряда шахт с точки зрения характера залегания, качества углей и общих эксплуатационных условий. Все это лишний раз говорит о том, что производительные силы переросли господство буржуазии, и ярко характеризует указание Маркса о расточительности капиталистического производства, в условиях которого «для общества теряется то, что выигрывается для отдельных капиталистов».

II

Мощность предприятия является ярким показателем технического состояния каменноугольной промышленности.

Рост мощности производственных единиц, повышение технической основы предприя-

⁶ По «Lünget'y Glückauf» за 1927 г., стр. 1315.

⁷ Д-ринж. Курт Зибен, Основы научного управления производством в горном деле, стр. 101.

⁸ Coal Age February 1931 Lignitation of Excess Capacity Brightens Prospect by F. G. Tryon, K. W. Metcalf and H. O. Rogers.

⁹ Revue de l'Industrie Mineral 270, 15 Mars 1932. A propos de la 3 Conference des charbons bitumineux par. M. Coste.

тий в условиях капитализма являются побочными продуктами капиталистического развития, следствием конкурентной борьбы, борьбы за получение сверхприбыли. Возникающие в результате процессов капиталистической концентрации монополии, обладающие огромными капиталами, создают предпосылки для дальнейшего укрупнения предприятий: «... монополия, — пишет Ленин, — обеспечивает гигантские доходы и ведет к образованию технически производственных единиц неограниченного размера»¹⁰.

В условиях капитализма укрупнение производственных предприятий ведет к дальнейшему обострению борьбы и углублению противоречий и неравномерности развития. В условиях советской системы хозяйства задачи создания наиболее совершенных, мощных, органически увязанных со всем народным хозяйством, технически оборудованных предприятий лежат в основе нового строительства.

Процессы производственной концентрации в каменноугольной промышленности обычно в их общей форме характеризуются движением средней добычи, приходящейся на одну производственную единицу — шахту.

Не имея обработанных цифр о концентрации добычи для всего СССР, сопоставляем с иностранными данными концентрацию в Донбассе, добыча которого составляет около $\frac{3}{4}$ всей добычи СССР.

Процессы концентрации в Донбассе тем более характерны, что они протекают не только за счет ввода в строй новых шахт, но и за счет реконструкции старого шахтного фонда, закрытия мелких шахт и концентрации добычи на более совершенных производственных единицах.

Динамика процессов концентрации рисуется следующей таблицей¹¹.

Таблица 3

	1913 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
САСШ (битуминозный уголь)					
Добыча (в млн. тонн)	434,0	469,7	454,3	485,3	424,1
Количество шахт	5 776	7 011	6 450	6 057	5 891
Средняя добыча шахты (в тыс. тонн)	75,3	66,9	70,4	80,0	72,0
Англия					
Добыча (в млн. тонн)	292,0	255,3	241,3	262,0	247,8
Количество шахт	3 121	2 861	2 539	2 419	2 328
Средняя добыча шахты (в тыс. тонн)	93,5	89,2	95,0	102,8	106,0
Германия					
Добыча (в млн. тонн)	140,7	153,6	150,8	163,4	142,7
Количество шахт	285	303	294	266	253
Средняя добыча шахты (в тыс. тонн)	494,0	506,0	512,5	607,0	565,0
СССР (Донбасс)					
Добыча (в млн. тонн)	25,3	24,5	27,3	30,8	36,2
Количество шахт	1 200	480	440	428	328
Средняя добыча шахты (в тыс. тонн)	21,1	51,1	62,1	71,8	110,3

Снижение добычи на одну шахту, наблюдаемое в период кризиса почти во всех капиталистических странах, связано с возрастающей недогрузкой производственных единиц. Как ни условна характеристика процессов производственной концентрации по динамике добычи на 1 шахту, все же она достаточно полно показывает отличие каменноугольной промышленности СССР от каменноугольной промышленности капиталистических стран.

Последовательный курс на более мощную шахту в условиях СССР выступает из приведенных цифр достаточно ясно. Средняя добыча на одну шахту в Донбассе выросла в

¹⁰ Ленин, Соч., т. XIX, Империализм как высшая стадия капитализма.

¹¹ Добыча по САСШ (только битуминозный уголь, но не антрацит), по Англии, Германии (и количество шахт для Германии) — из Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1932. Количество шахт в САСШ — по официальным отчетам Bureau of mines, публикуемым в Mineral resources of the United States. Количество шахт в Англии — по статье Е. Юнгст «Состояние рационализации в каменноугольной промышленности Англии» в «Глисткауп» № 1, 1931 г. СССР (Донбасс) — из книги Г. Ренке, Каменноугольная промышленность СССР; для сопоставления с календарными годами 1927—1930 по СССР (Донбасс) взяты операционные годы 1926/27 — 1929/30.

1930 г. по сравнению с довоенной больше чем в 5 раз. Эта же тенденция получает свое развернутое выражение при рассмотрении отдельных групп шахт в добыче за последние годы (Донбасс)¹².

Таблица 4

Д о б ы ч а	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
Меньше 10 тыс. тонн	1,1	0,5	0,2	0,1
От 10 до 50 тыс. тонн	17,4	14,2	10,8	6,7
" 50 " 100 " "	17,8	22,6	24,4	17,7
" 100 " 200 " "	36,5	32,3	30,8	33,4
" 200 " 500 " "	24,3	27,7	31,4	38,7
" 500 тыс. тонн и выше	2,9	2,7	2,4	3,4
	100	100	100	100

Несмотря на быстрый рост концентрации, который ясно выступает из рассмотрения динамики добычи в среднем на одну шахту для Донбасса, а также при рассмотрении перегруппировки добычи по отдельным группам шахт разной производительности каменноугольная промышленность СССР, и Донбасс в особенности, все же отставала еще от концентрации, достигнутой в передовых капиталистических странах, что видно из следующей таблички (сопоставление для последнего предкризисного года)¹³.

Таблица 5

Д о б ы ч а	СССР (Донбасс)	САСШ (битуминозная каменно- угольная промышлен.)	Германия (Рур)
Меньше 10 тыс. тонн	0,2	1,5	0,02
От 10 до 100 тыс. тонн	35,2	15,4	0,31
" 100 " 500 " "	62,2	53,5	23,75
" 500 тыс. тонн и выше	2,4	29,6	76,25

Но характеристика производственной концентрации по средней добыче на 1 шахту для СССР и капиталистического мира будет не совсем верной. В СССР в количестве шахт входят новые шахты, не дающие полной добычи, в каменноугольной промышленности капиталистических стран новое шахтное строительство совсем замерло. Более полную картину мощности шахт в СССР можно получить из следующих цифр: в 1932 г. весь шахтный фонд СССР составляет 656 единиц с добычей не меньше чем 100 тыс. *т* на одну единицу. Старые шахты имеют добычу больше чем 110 тыс. *т*. Реконструируемые шахты имеют проектную производственную мощность почти 740 тыс. *т*, новые, средние и крупные и восстанавливаемые шахты имеют среднюю производственную мощность почти 540 тыс. *т*.

Проектная средняя мощность шахт, закладываемых в СССР, из года в год возрастает. Если в 1928 г. заложенные шахты имели проектную мощность на одну единицу 540 тыс. *т*, то для 1932 г. она доходит до 1 100 тыс. *т*¹⁴.

Более полную картину процессов производственной концентрации каменноугольной промышленности СССР рисует следующая таблица, в которой для 1932 г. взяты две графы: фактическая добыча, падающая на 1 шахту независимо от того, дает ли шахта полную добычу или находится в стадии проходки и оборудования, и производственная мощность, подсчитанная как фактическая добыча для нереконструируемых шахт, плюс про-

¹² В. П. Ренке, Каменноугольная промышленность СССР.

¹³ Источники: СССР (Донбасс) — В. П. Ренке, Каменноугольная промышленность; САСШ — Mineral Resources of the United States, 1929, p. 11; Германия (Рур) — Die deutsche Kohlenwirtschaft, Verlag Mittle, Berlin, 1929.

¹⁴ Н. Г. Финкельштейн. Типы и качественные масштабы нового шахтного строительства во втором пятилетии (тезисы к докладу на Всесоюзной конференции 1932 г.).

изводственная мощность для шахт, находящихся в реконструкции, и для новых шахт, отнесенных на 1 шахту¹⁵.

Таблица 6

	1924/25 г.	1927/28 г.	1932 г. добыча	1932 г. мощность
	В тыс. тонн на одну шахту в среднем			
Донбасс	54,8	86,0	111,3	288,
Москвоуголь	39,6	62,0	53,7	242,0
Уралуголь	54,5	86,4	57,0	400,0
Кузбассуголь	49,3	128,0	143,0	469,0
Востсибуголь	—	—	89,6	329,0
Караганда	—	—	37,2	329,0
Дальуголь	20,2	73,0	88,0	356,0
Средзуголь	16,0	32,5	63,5	810,0
Новые районы	—	—	23,5	219,0
В с е г о	50,0	81,5	97,0	340,0

Таблица дает яркую картину того, как в результате реконструкции и нового шахтного строительства растет средняя добыча на шахту. Вместе с тем по этим данным районами наибольшей концентрации становятся как раз те, которые по-настоящему только осваиваются и естественные условия которых как раз в большей, чем в других районах, степени позволяют создавать наиболее мощные единицы. Все это говорит о том, что успехи концентрации в каменноугольной промышленности СССР огромны, особенно в свете динамической оценки этих результатов и в оценке нового шахтного строительства.

Благоприятной предпосылкой к этому является и консолидация всех средств и возможностей в руках государства и возможность наиболее полного использования производственной мощности вновь созданных комбинатов каменноугольной промышленности. Мы видим, что одним из решающих, ограничивающих факторов концентрации в каменноугольной промышленности капиталистических стран является невозможность полного использования производственной мощности. Огромные возможности каменноугольной промышленности СССР в этом отношении можно иллюстрировать тем, что каменноугольная промышленность СССР, показала практическую возможность вести непрерывную добычу угля в продолжение года. Число рабочих дней в каменноугольной промышленности установлено в 348. СССР показал практическую возможность иметь две и три выдачных смены в сутки. Мы еще очень плохо используем эти возможности, но их плохое использование, неполная нагрузка подъемов в выдачные смены, неравномерность работы шахты, отставание подготовительных работ и наконец медленное освоение мощностей новых и реконструированных шахт ни в какой степени не отвергают возросших возможностей использования производственных возможностей каменноугольной промышленности СССР.

Вскрывая ограниченность и пределы концентрации в каменноугольной промышленности капиталистических стран, понимая принципиально иное положение социалистической каменноугольной промышленности, необходимо вместе с тем заимствовать весь положительный опыт концентрации каменноугольной промышленности капиталистических стран. Опыт в Германии по переходу к объединенным шахтам, объединение подземных выработок ряда шахт, рациональное использование при этом шахтных подъемов, объединение в ряде случаев поверхностного хозяйства,—все это дает нам ответ на наиболее актуальные вопросы технической реконструкции нашего шахтного фонда в таких решающих районах каменноугольной промышленности, как Донбасс. Но если Германия при реконструкции все еще остается в рамках одной шахты, определяя производственную единицу прежде всего выдачным стволом (объединенная шахта, которая характерна в рурской каменноугольной промышленности, прежде всего характеризуется выдачным стволом), то более широкую постановку концентрации мы имеем в САСШ, где каменноугольная промышленность все в большей степени переходит от производственной единицы каменноугольной промышленности в старом смысле слова, связанной с понятием шахты (т. е. с хозяйственным и техническим комплексом, включающим в себя

¹⁵ 1924/25, 1927/28 гг.—«Горный журнал» № 10, 1930 г., 1932 г. составлен на основании предварительных данных НКТП, о состоянии шахтного фонда первой пятилетки.

определенных размеров концессию, имеющих один и больше вместе расположенных подъемных стволов, имеющих самостоятельное поверхностное хозяйство), к новому понятию производственной единицы, в которой шахта в старом смысле слова становится элементом. Эта особенность процессов концентрации связана не только с особенностями исторического развития каменноугольной промышленности обеих капиталистических стран. На процессах концентрации в германской и американской каменноугольной промышленности сказались различные естественные условия и глубина вскрытия каменноугольных пластов. Простота и легкость оборудования подъемов, растущая концентрация поверхности по существу характеризуют и создают элементы комплексной разработки месторождений, которые не могут быть реализованы в условиях капиталистических стран, но которые делаются основными принципами проектирования и строительства в каменноугольной промышленности СССР.

Но если опыт концентрации в САСШ дает нам образцы поверхностной концентрации, то Германия прежде всего дает опыт подземной концентрации. Концентрация поверхности начинает ассимилироваться проектирующими и строительными организациями. Больше того, отражая особенность развития каменноугольной промышленности в СССР, советскими инженерами сделаны самостоятельные большие работы по стандартизации и типизации строительства шахт в условиях комплексной разработки месторождений, а также разработана проблема демонтажа оборудования в связи с быстрыми сроками выработки месторождений и невозможности полного использования оборудования. Но если в этой области (при целом ряде ошибок и при строительстве по старым принципам изолированной шахты) намечился определенный сдвиг, то нет достаточного учета проблемы подземной концентрации, не изучен и не использован в достаточной мере положительный и отрицательный опыт подземной концентрации в Германии. Между тем не надо забывать, что основной рационально построенной крупной шахты является максимальная концентрация работы под землей. Здесь — основной залог успеха реконструкции и повышения качественных показателей в каменноугольной промышленности Германии (Рур). Именно здесь число эксплуатационных пунктов в 1932 г. составило 39% от их числа в 1927 г., а добыча на каждом эксплуатационном пункте составила 257% от добычи в 1927 г.¹⁶

Не надо забывать, что процессы подземной концентрации протекают довольно интенсивно и сейчас, являясь источником понижения издержек производства и рационализации его. 1931 год в этом отношении является весьма характерным. Если в Рурском районе добыча уменьшилась на 20,1%, то число выемочных участков сократилось на 38,5%. Следовательно выросла добыча на каждый участок.

Каменноугольная промышленность СССР не только имеет возможность последовательно переходить к более мощным предприятиям, но и проблеме мощного предприятия поставить в новой плоскости, когда молочность предприятия характеризует не шахту, как таковую, а рудник, комплекс шахт. При этом избегается гипертрофия шахты, «гигантомания», и практически осваиваются и получают свое дальнейшее развитие наиболее прогрессивные технические тенденции передовых капиталистических стран, централизация поверхности и т. д.

III

В неразрывной связи с концентрацией растет механизация каменноугольной промышленности СССР. Социалистическая индустриализация страны — создание нового технического базиса промышленности — была связана с внедрением машин в первую голову в такой трудоемкой отрасли, какой является каменноугольная промышленность, где физический труд особенно тяжел. Развившаяся в дореволюционное время на мускульной силе обезземеливающегося крестьянства каменноугольная промышленность СССР, особенно после ее восстановления, встала на путь механизации.

Динамика механизации по сравнению с передовыми капиталистическими странами рисуется следующей таблицей¹⁷.

Официальные отчеты, публикуемые Bureau of Mines в Mineral Resources of the United States, классифицируют способы добычи на 5 групп: ручную, добычу при помощи взрывных работ, с подружкой машинами, добычу открытыми работами и добычу прочими способами. Немецкий источник берет в качестве механизированной лишь добычу с механизированной подружкой и ее удельное значение в общей добыче. Надо к механизированной добыче при помощи зарубежных машин прибавить добычу открытыми работами, которые производятся механизированным способом при помощи экскаваторов, оставляя взрывную работу в группе ручной добычи (как это принято и для других стран). В

¹⁶ Glückauf, 30/IV 1932, № 18. Der Stand der Betriebszusammenfassung im Ruhkohlenbergbau zu Beginn des Jahres 1932, Wedding.

¹⁷ В капиталистических странах в основу взяты цифры из Jahresbetrieb der Aktiengesellschaft Reichskohlenverband für das 1931/32 гг., причем данные для САСШ по битуминозному углю приведены в указанном источнике по существу не совсем верно по указанным в тексте причинам.

результате механизированная добыча в САСШ будет на 4% для 1930 г. выше. Бурение шпуров, по американским источникам, механизировано примерно на 25%. Механизированная добыча по СССР относится не ко всей добыче каменноугольной промышленности в СССР, а к добыче, планируемой НКТП, которая несколько меньше общей добычи, подсчитываемой Госпланом СССР. Цифры для СССР взяты из статей, напечатанных в «Горном журнале» № 11 за 1932 г., для Англии—из статьи Е. Ю н г с т а, Состояние рационализации по английской каменноугольной промышленности, «Glückauf» № 2, 1932 г., для Германии—Glückauf» № 52, 1930 г., для СССР по 1913 г.—из книги проф. Д. С. Ростовцева и Е. Т. Абакумова, Непрерывный поток в каменноугольной промышленности».

МЕХАНИЗИРОВАННАЯ ДОБЫЧА В млн. т В % К ОБЩЕЙ ДОБЫЧЕ

Таблица 7

	1913 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
САСШ битуминозный уголь млн. тонн	220 0	339,3	335,4	366,2	328,8	—
в % к общей добыче	50,7	72,2	73,8	75,4	77,5	—
антрацит млн. тонн	—	1,1	1,2	1,1	1,3	—
в % к общей добыче	—	1,5	1,8	1,6	2,1	—
Англия млн. тонн	24,8	59,4	62,4	73,1	77,0	78,2
в % к общей добыче	8,5	23,3	25,9	27,9	31,3	35,0
Германия в целом млн. тонн	2,6	208,9	115,6	133,7	117,8	99,7
в % к общей добыче	1,5	70,9	76,6	81,8	82,8	84,0
в том числе Рур млн. тонн	2,6	95,0	99,0	112,7	100,6	82,1
в % к общей добыче	2,2	80,5	86,4	91,2	93,8	95,9
СССР в целом млн. тонн	0,5	2,9	5,0	9,6	29,4	32,0
в % к общей добыче	1,7	9,2	15,7	24,3	41,5	57,7
в том числе Донбасс млн. тонн	0,5	2,9	5,0	7,9	16,7	26,7
в % к общей добыче	2,0	15,7	22,9	30,3	45,8	67,0

Страной наиболее высоко механизированной добычи, по приведенным данным, можно считать Германию, Рур — в первую очередь, причем в отличие от битуминозной промышленности САСШ, где механизированная добыча уже до войны составляла 50,7% общей добычи, механическая подрубка в Германии почти целиком развилась в военное и послевоенное время. Но Германия и Рур в первую очередь отстают от САСШ по типу механизации, так как основное количество механизированной добычи Германии приходится на добычу при помощи отбойных молотков (что отчасти объясняется наличием в Германии значительного процента добычи с круто падающих пластов, затрудняющих введение тяжелой механизации), в то время как механизированная добыча в битуминозной промышленности САСШ базируется на врубовых машинах.

Резкое отставание показателей механизации антрацитовой промышленности объясняется рядом причин—тем, что там получила распространение система с отпалкой угля в условиях, когда в ряде случаев применение врубовых машин затруднено, и тем; что антрацитовая промышленность, будучи в большой степени монополизированной организациями, связанными с железной дорогой долгое время безраздельно господствовала на рынке угля для домашнего отопления. Начавшаяся конкуренция битуминозного угля толкает антрацитовую промышленность на механизацию и при помощи врубовых машин.

Механизация каменноугольной промышленности Англии развивается крайне медленно и неравномерно. Анализ динамики механизированной добычи по всем странам, взятый по проценту механизированной добычи к общей добыче, говорит как будто бы об ускорении механизации в период кризиса. На самом деле это далеко не так. Абсолютное количество добычи с предварительной механизированной подружкой, за исключением Англии, во всех рассматриваемых странах снизилось. Повышение удельного значения механизированной добычи в общей добыче идет за счет того, что динамика падения механизированной добычи несколько медленнее динамики падения общей добычи. Это и понятно. Рабочих можно сократить, имеющиеся машины надо использовать, так как выход их из строя не снимает расходов по ним.

Иная картина в СССР. Здесь не только имеет место увеличение процента механизированной добычи темпами, превосходящими темпы капиталистических стран, но это увеличение процента механизированной добычи все время идет за счет абсолютного увеличения добычи с предварительной механической подружкой. С одной стороны, если к началу первой пятилетки механизированная добыча имела место преимущественно в Донбассе, то в период первой пятилетки мы имеем рост механизации в других районах, в первую очередь в таком бассейне, как Кузбасс. Но что особенно важно для каменноугольной

промышленности СССР, что она, осуществляя директивы партии, приступила к ликвидации разрыва между механизацией различных рабочих процессов. Именно комплексной механизацией характеризуется каменноугольная промышленность капиталистических стран. Соусворд например в одной из своих статей указывает, что для битуминозной угольной промышленности механизация зарубки в 1930 г. осуществлена на 75%, сборной откатки—на 33% (для камерно-столбовой системы в условиях почти пологих мощных пластов правильнее говорить о механизации сборной откатки, чем доставки), главной откатки—на 85%.

Еще более полно осуществлена комплексная механизация по основным рабочим процессам в каменноугольной промышленности Рура, где можно говорить о почти 100-процентной механизации зарубки (отбойными молотками преимущественно), доставки (в том числе и доставки собственным весом по рештам на крутом падении) и откатки.

Задачи СССР в этом отношении еще очень значительны, главным образом по откатке, так как механизация доставки сделала за последние годы большой шаг вперед.

Осуществление комплексной механизации по зарубке, доставке и откатке в начале 1932 г. и по плану 1933 г. характеризуется следующей таблицей (в процентах к общей добыче) ¹⁸.

Таблица 8

Рабочие процессы	Донбасс		Кузбасс		Урал	
	к началу 1932 г.	план 1933 г.	к началу 1932 г.	план 1933 г.	к началу 1932 г.	план 1933 г.
Зарубка	71,8	80,2	35,4	63,4	43,7	64,0
Доставка	54,2	84,2	57,8	66,4	13,4	61,0
Откатка	6,0	39,8	15,1	43,2	39,5	39,2

Если в СССР сделаны не только серьезные успехи в области механизации, но и открываются большие перспективы в части механизации всех рабочих процессов перехода к горному комбайну, то противоречия каменноугольной промышленности капиталистических стран не могли не сказаться на состоянии механизации, особенно в период всеобщего кризиса. Наряду со странами, сделавшими большие успехи в области комплексной механизации, существуют страны, резко отстающие и в проценте механизации зарубки и тем более в осуществлении комплексной механизации. Механизация зарубки в английской каменноугольной промышленности в 1930 г. достигла всего 31%, механизация доставки (конвейерами)—17%. И это несмотря на благоприятные условия для механизации в английской каменноугольной промышленности. Вместе с тем неравномерный ход механизации характерен и для отдельных стран. В той же Англии число шахт, применяющих врубовые машины, составляло в 1930 г. 867 единиц из 2 328. Количество шахт, применяющих механизированную и полумеханизированную погрузку угля в битуминозной промышленности САСШ, составляло в 1929 г. 412 единиц из 6 057 действующих шахт, причем, как правило, осуществляют механизацию более мощные предприятия. Добыча указанных выше 312 шахт в битуминозной промышленности САСШ составила 109 млн. т из 534 млн. т. Кризис, рост безработицы, падение зарплаты горнорабочих, рост эксплуатации не только обострили неравномерность развития механизации, но и сделали ее с капиталистической точки зрения неэффективной по сравнению с ручным трудом. Это ярче всего можно проследить на развитии механизации погрузки в битуминозной промышленности САСШ. До кризиса механизированная погрузка росла быстрыми темпами, и в 1928 г. механизированным способом было погружено 21,5 млн. т, в 1929 г.—37,8 млн. т, в 1930 г.—47 млн. т, в 1931 г.—47,6 млн. т, причем характерно абсолютное снижение размера механизированной погрузки в 1931 г. против 1930 г. как раз для самозагружающихся механизмов, не требующих участия человека.

Противоречия механизации капиталистической каменноугольной промышленности и ее неравномерный ход не могли не отразиться в работах буржуазных исследователей о состоянии и развитии каменноугольной промышленности, причем кризис и здесь обострил и обнажил противоречия, сдернув с них покрывало общих фраз и рассуждений.

Взять хотя бы Англию. Едва ли в какой-либо другой стране механизация каменноугольной промышленности наталкивается на такие большие, непреодолимые для капиталистической промышленности препятствия, как в Англии. Проф. Х. Луис ¹⁹, подводя итоги

¹⁸ Серия «Каменный уголь», «За овладение техникой», Гальперин. Производственная программа «Каменный уголь» промышленности на 1933 г.

¹⁹ Internationale Bergwirtschaft und Bergtechnik I 1932. 2 Mechanisierung des britischen stein Kohlenbergbaues von Prof. Dr. Henry Louis Newcastle on Tyne.

своему обзору по каменноугольной промышленности Англии, говорит: «Возникает вопрос о причинах медленного развития механизации английской каменноугольной промышленности». Пытаясь дать ответ на этот вопрос, автор приводит примерно следующие причины: 1) выработанность запасов существующего шахтного фонда, трудность и неэффективность реконструкции существующих шахт; 2) тяжелое финансовое положение рудников, отсутствие необходимых капиталов для механизации; 3) «запутанная политическая обстановка» в стране, причем последний угольный закон, устанавливающий квоты производства и намечающий мероприятия по консолидации каменноугольной промышленности Англии, оценивается автором как закон, который «преследует в основном политические цели и несколько не способствует техническому прогрессу каменноугольной промышленности». Чем вызывается трудность реконструкции существующего шахтного фонда? В первую голову раздробленностью и взаимной борьбой отдельных многочисленных предпринимателей, особенно обострившейся в период кризиса. Вместе с тем вся предшествующая политика шахтовладельцев характеризуется тем, что они в значительной степени шли по линии хищнической разработки каменноугольных пластов и использовали в первую голову благоприятные условия залегающих и местоположения угольных запасов без заботы о наиболее рациональной, концентрированной и плановой разработке месторождений. Эта политика привела к большей раздробленности каменноугольной промышленности к большему протяжению подземных горных выработок. В этом же направлении действует и частная собственность на недра²⁰. Именно отсюда — высокая дробность угольных участков, отсутствие возможности провести планомерную добычу часто искусственно удлиненные (в обход «чужих участков») подземные откаточные пути, целый ряд запретов, которые налагает владелец недр при сдаче их в эксплуатацию, что в целом и создает для обозревателей английской каменноугольной промышленности «неэффективность реконструкции существующих шахт».

В самой непосредственной связи с этим стоят и другие причины медленной технической реконструкции каменноугольной промышленности по части финансового положения и запутанности политической обстановки.

Тот же «разброд» мысли достаточно ясно выступает в работах специалистов каменноугольного дела и Германии. Здесь, с одной стороны, они сторонники механизации, поскольку механизация является наиболее эффективным способом повышения производительности и снижения издержек производства, с другой стороны, факт постоянного вытеснения рабочих машиной, применяемой в капиталистической каменноугольной промышленности, не может не найти своего отражения в оценке перспективы механизации каменноугольной промышленности. Дело здесь сводится не к беспокойству за судьбу оставленного без работы горнорабочего, а к беспокойству за политическое состояние в связи с ростом безработицы. Вместе с тем в условиях безработицы уменьшается заработная плата, суживаются пределы применения машины, что опять-таки не может не найти отражения в оценке состояния и перспектив механизации²¹.

В этом отношении характерно выступление Ф. В. Веддинга, который в 1930 г. в начале кризиса сделал доклад на III съезде рейнско-везфальских углепромышленников на тему «Труд человека и труд машины и их связь с безработицей». Начиная доклад стихами о счастье труда, Веддинг принужден констатировать, что около 3 млн. немецких мужчин и женщин лишено этого счастья. Он «обеспокоен за судьбу выброшенных с работы рабочих, так как они могут, забыв свои идеалы, обратиться на ложный путь». В чем же видит Веддинг этот «ложный путь»? В качестве примера, характеризующего «ложный путь», «достаточно указать, — говорит Веддинг, — на широкое распространение марксистских идей». Далее он более подробно развивает эту мысль и указывает, что «растущая армия безработных, недовольных, склонных к мрачным мыслям, в значительной степени уже окутанных гибельными сетями радикального марксизма, создает внутреннюю политическую опасность, которую нельзя недооценивать».

Мы не будем останавливаться подробно на всех рассуждениях Веддинга. Нам интереснее оценка состояния и перспектив механизации в свете всех этих фактов.

Подводя итог рационализации, Веддинг пытается обеспечить возможность дальнейшей рационализации (на которую даже в условиях кризиса каменноугольной промышленности Германию толкает конкурентная борьба на мировом рынке) на базе снижения заработной платы. Одновременно Веддинг в своем выступлении пытается спекулировать и заботой о рабочем классе. Говоря о пределах применения машин в каменноугольной промышленности, подсчитывая стоимость откатки воздуховозами по сравнению со стои-

²⁰ Право частной собственности на недра сохранилось в Англии и в САСШ в отличие от Германии и имеет громадное отрицательное влияние на технический прогресс, что особенно чувствуется в Англии, где владельцы недр не являлись в значительной степени углепромышленниками, составляя дополнительный паразитический нарост на каменноугольной промышленности Англии, а получают ежегодно огромные суммы в виде ренты (см. Артур Хорнер и Г. А. Хотт, Коммунизм уголь).

²¹ F. M. W a d d i n g, „Menschenarbeit und Maschinenarbeit in ihrer Bedeutung für die Frage der Arbeitslosigkeit“.

мостью ручной откатки, Веддинг устанавливает предел применения механизации, говоря о предпочтительности ручной откатки в условиях, когда ее стоимость будет равна стоимости механизированной откатки. «Во всех случаях, когда работа машины и человека вызывает одинаковые расходы, всякий руководитель предприятия должен предпочесть человека машине. Это, — говорит Веддинг, — его высший долг, несмотря на то, что ему может быть гораздо удобнее и приятнее иметь дело с терпеливой и не участвующей ни в каких рабочих конфликтах машиной, чем с человеком и его нелепоными притязаниями всякого рода». Здесь защитник интересов предпринимателей делает явную поддержку в пользу машины. Конечно машина не может участвовать в революционной борьбе, и с этой точки зрения она для капиталиста выгодна. Но машина в условиях капиталистической действительности обладает плохим свойством бить по карману предпринимателя, когда она не работает, так как машину нельзя выбросить на улицу и не иметь по ней расходов в период ее безработицы, как это может сделать предприниматель в отношении рабочих. Именно эта своеобразная бухгалтерия защитника механизации характерна для периода, когда кризис грозит оставить без работы применяемые в каменноугольной промышленности механизмы.

Еще более своеобразно складывается обстановка в условиях САСШ.

Соусворд указывает, что технические проблемы, связанные с механизацией каменноугольной промышленности, разработаны, и пытается проанализировать причины, замедляющие распространение механизации, в первую голову по таким решающим операциям, как погрузка. Автор устанавливает как причину нежелание якобы предпринимателей оставлять своих рабочих без работы. Смысл их трогательной «заботливости» о рабочих автор открывает несколько ниже, говоря, что тормозом к механизации погрузки «явится низкая зарплата рабочих на некоторых из угольных копей». Автор утешает себя мыслью, что препятствия последнего порядка будут устранены, так как «дальнейшее усовершенствование приводят к тому, что ручная погрузка сможет конкурировать с механической только при условии принятия китайской шкалы зарплат». Соусворд полагает, что американский рабочий на эту китайскую шкалу не будет переведен²². Так он писал в конце 1931 и начале 1932 г. Журнал, в котором он сотрудничает, открывает развернутый поход за снижение зарплат горняков, именно за «китайскую шкалу зарплат», употребляя образное выражение Соусворда. В своей передовой январского номера редакция начинает доказывать, что в силу снижения стоимости продуктов каждый может купить продуктов на 25% больше, чем два года назад. «Делверский философ, — пишет редакция, — недавно заявил, что предприятие, которое не отстает в своей деятельности, в настоящее время имеет чистой прибыли 15%, и живущий на заработки человек, который получает в настоящее время такой же заработок, какой он получал 2 года назад, имеет повышение своего заработка на 25%». Нагло и лицемерно статья успокаивает будущих кандидатов на снижение заработка такими например рассуждениями: «Заблуждением является мысль, что уменьшение заработной платы означает понижение независимости или чувства собственного достоинства рабочего». Пространно рассуждая о том, что «высокая заработная плата необходима для наивысшего процветания», редакция бьет в одну точку — подготавливает общественное мнение к новому снижению зарплат рабочих, причем сознательно умалчивает о систематическом снижении зарплат горнорабочих в САСШ, о росте безработицы, которая заставит работающих поддерживать безработных членов семьи, о широко практикующейся неполной рабочей неделе, в результате которой рабочие недополучают значительные суммы. Мистер Соусворд и его коллеги из «Mining Congress Journal» не свели своих жульнических кондов. Именно всем ходом развития каменноугольная промышленность САСШ систематически идет к «китайской шкале зарплат», несмотря на ряд стачек, протекающих сейчас, а эта «китайская шкала зарплат» толкает самых ярких сторонников механизации погрузки угля на применение дешевой рабочей силы, приводя к замедлению технического прогресса в каменноугольной промышленности.

Попыткой скрыть прямых виновников безработицы является рассмотрение механизации как непосредственной причины безработицы, причем прямо-таки курьезной является борьба между представителями отдельных групп буржуазии, споры о том, в каких отраслях топливной промышленности механизация несет безработицу.

Характерно, что передовая «Mining Congress Journal», присоединяясь к выводу, что безработица вызвана применением машин, доказывает, что вся беда от машин, применяющихся не в каменноугольной, а в других отраслях топливной промышленности.

«Можно прямо сказать, что эта история (потеря работы людьми — А. З.) вызвана применением машин. Трудно сказать, сколько углекопов остались безработными благодаря применению одной буровой машины для нефтяной или газовой скважины, благодаря применению машин для рытья канав и установке трубопроводов или благодаря устройству установки для рафинирования нефти или нагнетания газа. Поэтому, когда против-

²² Более подробно по этому вопросу см. статью Зворыкина, Социалистическая реконструкция каменноугольной промышленности («Большевик» № 1—2 за 1932 г.).

ники механизации каменноугольной промышленности приписывают введению машин на- стоящую безработицу в каменноугольной промышленности, то они совершенно правы. Но они «хватают за ухо не ту свинью, что нужно» («Wrong pig by the ear»), когда они при- писывают эту потерю машинам, применяемым в каменноугольной промышленности.

В результате своих «исследований» Соусворд приходит к выводу, что «большой процент безработицы обусловлен машинами. Но все эти машины, применяемые в других отраслях производства, машины, употребляемые для бурения нефтяных источников, для проклад- ки трубопроводов, для передачи нефти и газа по трубопроводам, являются для каменно- угольной промышленности подлинной угрозой (real menace)²⁴. Вся эта борьба вокруг ме- ханизации, показывающая замедление, а иногда и прямую задержку в техническом пе- ревооружении каменноугольной промышленности, вовсе не говорит о том, что нет работы технической мысли над более совершенными конструкциями и механизмами в каменно- угольной промышленности, в том числе и в области конструирования погрузочных и ком- бинированных машин, представляющих для СССР громадное практическое значение. Необходимо помнить, что, несмотря на замедление механизации погрузки, прямой отказ ряда шахт применять механизмы, несмотря на относительно небольшой процент угля, грузимого при помощи механических грузчиков, абсолютное количество грузимого механическими грузчиками угля составляет 46—47 млн. т.

Показывая противоречия механизации капиталистической каменноугольной промыш- ленности, факторы, задерживающие технической прогресс в ряде случаев (и в связи с частной собственностью на недра и в связи с наличием монополистических организаций, охвативших определенную область потребления угля), говоря наконец о кризисе и его влиянии на механизацию каменноугольной промышленности капиталистических стран, необходимо вместе с тем дальнейшее изучение положительного организационно-техни- ческого опыта каменноугольной промышленности, изучение технического прогресса, продолжающегося на отдельных участках, использование достижений механизации и главнейших изменений, которые вносит механизация в систему работ, введение экспло- ационных работ и т. д. Разрыв между механизацией зарубежки и доставки, характерный для начала пятилетки и ее середины, в каменноугольной промышленности СССР в основ- ном ликвидирован, причем значительное распространение у нас получила конвейерная доставка, наиболее передовой вид доставки в каменноугольной промышленности. На оче- реди стоит применение секционных и ленточных конвейеров, которые уже сейчас получи- ли значительное распространение в каменноугольной промышленности капиталистиче- ских стран. Наиболее серьезным вопросом является ликвидация разрыва между меха- низированной доставкой и откаткой, причем, оценивая опыт каменноугольной промыш- ленности капиталистических стран (САСШ, Германии, Англии) и твердый курс каменно- угольной промышленности СССР на работу непрерывным потоком, важно определить степень применения конвейеров при откатке. Конвейер, являющийся материальным ко- стяком непрерывного потока, должен у нас получить большее значение, чем в капита- листических странах. Осуществляя директиву партии о механизации наиболее трудоемких работ, надо использовать опыт механизации погрузки САСШ (самонагружающиеся ме- ханизмы и механизмы с ручной повалкой в забое и на штреках) и Англии (погрузочные приспособления на штреках).

Задача перевода каменноугольной промышленности на более высокую техническую ступень автоматической системы машин, осуществление которой связано с конструиро- ванием горного комбайна, осуществление автоматизации требует изучения отдельных и разрозненных достижений капиталистических стран в этой области.

Вместе с тем исключительное внимание должно быть уделено освоению достижений ка- питалистических стран (в первую голову Германии и Англии) в части систем работ по линии увеличения работы в длинных лавах, работы с концентрационными штреками и т. д.

Наконец в тесной связи с механизацией и системами работ стоит проблема управления кровлей для шахт, ведущих работу без закладки или с частичной закладкой и механизация закладки, где нельзя осуществить переход к работе без закладки. В этом отноше- нии должен быть использован исключительно важный опыт каменноугольной промыш- ленности Англии и Германии.

IV

Условием технического перевооружения каменноугольной промышленности является ее энергетическое перевооружение, осуществляемое на базе электрификации. Огромные преимущества электроэнергии перед другими видами энергии и в первую очередь перед паровой энергией и энергией сжатого воздуха общеизвестны. Успехи в конструкции электрооборудования создают возможность электрификации подземных рабочих про- цессов, не вызывая опасений с точки зрения безопасности. Эти преимущества электро- энергии горного дела, каменноугольной промышленности в том числе, были неоднократ- но разобраны в ряде работ иностранных специалистов, были подчеркнуты в специальном докладе на II мировой энергетической конференции.

²⁴ «Mining Congress Journal», January 1932, The necessity for mechanising coal mining By C. B. Bouthword. p. 25.

«Электрическая энергия в горном деле в последние годы стала важнейшим средством повышения экономичности этого производства как в отношении поверхностных, так и подземных установок, — указывается в специальном докладе группы немецких специалистов, представленном на II Мировой энергетической конференции. — Это объясняется прежде всего тем, — пишут авторы, — что машины с электрическим приводом в состоянии в полной мере отвечать всем предъявляемым им производственной обстановкой техническим требованиям, главным же образом тем, что в каменноугольной промышленности, в частности при разработке буроголивых месторождений, себестоимость получения электрической энергии оказывается чрезвычайно незначительной. К этому необходимо добавить еще такие преимущества, как экономичность передачи электрической энергии в самые отдаленные места рудника как на поверхности, так и под землей, а также простота и относительная безопасность электромоторов с точки зрения эксплуатации.

Наиболее передовая каменноугольная промышленность САСШ развивается на базе полной электрификации. Каменноугольная промышленность СССР сделала огромные успехи по линии электрификации. Эти успехи электрификации всей каменноугольной промышленности СССР в сводном виде характеризуют следующие коэффициенты ²⁵:

Таблица 9

		К о э ф ф и ц и е н т ы				
		1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
1.	Энерговооруженность труда (фактическая)	1,25	1,28	1,24	1,30	1,33
2.	Энерговооруженность труда (потенциальная)	0,74	0,79	0,88	0,96	1,00
3.	Электрификация первичных двигателей (фактическая)	64,3	64,7	51,7	25,6	33,5
4.	Электрификация первичных двигателей (потенциальная)	61,9	59,5	44,0	25,8	—
5.	Электрификация рабочих машин (фактическая)	58,8	61,6	71,4	72,8	74,3
6.	Электрификация рабочих машин (потенциальная)	72,8	74,0	84,0	82,1	85,9
7.	Сводный показатель электрификации	69,6	72,3	77,0	77,2	79,7
8.	Централизация электроснабжения	23,2	32,1	70,4	90,8	83,3

Приведенные показатели ярко характеризуют качественные сдвиги в энергетике каменноугольной промышленности СССР на базе электрификации. Быстрее всего растет энерговооруженность; именно этот рост и объясняет рост энерговооруженности труда, так как механовооруженность падает. Падение электрификации первичных двигателей, особенно в 1930 г. против 1929 г. есть обратная сторона процессов централизации электроснабжения, причем эта централизация происходит и за счет включения в районные кольца наиболее передовых, так называемых местных станций и за счет снабжения каменноугольной промышленности за счет вводимых в строй новых районных станций. Централизация электроснабжения, наиболее полно отображающая огромные возможности социалистического планового хозяйства, получает в приведенных динамических коэффициентах свое наиболее яркое выражение. Растущая электрификация каменноугольной промышленности характеризуется наконец коэффициентами электрификации рабочих машин.

Отмечая положительные тенденции в деле энергетического перевооружения каменноугольной промышленности СССР, необходимо указать (что ясно видно из таблицы), что 1931 г. дает целый ряд отрицательных показателей. Так, растет электрификация первичных двигателей, несколько уменьшается централизация электроснабжения. Объясняется это тем, что в условиях отставания электростроительства (главным образом подстанций) и разворота работы каменноугольной промышленности в ряде каменноугольных бассейнов приходилось включить резервы, ранее освобожденные в связи с ростом централизованного снабжения электроэнергией. Особенно ярко успехи в реконструкции энерге-

²⁵ Наглядно методика подсчета указанных коэффициентов видна из следующих отношений, выраженных затем в процентах (энергия в *квтч*, мощность в *квт*):

1. Коэффициент энерговооруженности труда (фактический) равен потребленной энергии (механич. + электрич.) в промышленности (произв. + хознужды), разделенной на число часов работы всех рабочих.

2. Коэффициент энерговооруженности равен потребленной электроэнергии в промышленности (произв. + хознужды), разделенной на число часов работы всех рабочих.

3. Коэффициент электрификации первичных двигателей (фактический) равен количеству энергии, выработанной всеми первичными двигателями, обслуживающими электрогенера-

тики выступают на фоне энергетики такой передовой каменноугольной промышленности, как каменноугольная промышленность Германии. Коэффициент потенциальной электрификации рабочих машин (с подсобной промышленностью) для германской каменноугольной промышленности составил в 1927 г. 44, 8, для 1930 г.—48,0; для СССР эти коэффициенты в 1927 г.—72,8, для 1930 г.—82,1 и для 1932 г.—85,9.

Еще более характерна электрификация различных машин. Коэффициент электрификации подъема в Донбассе поднялся с 25 в 1925 г. до 44 в 1931 г.; насосов соответственно — с 76 до 98; вентиляторов — с 94 до 97; тягальных лебедок—с 67 до 97. Коэффициентам электрификации рабочих машин Донбасса соответствуют следующие коэффициенты по Руру: для подъема—18; для насосов—91; для вентиляторов—62; для тягальных лебедок—46. Каменноугольная промышленность таких стран, как Англия, Германия, не может осуществить быстрее электрификацию в силу влияния старых вложений в воздушное паровое хозяйство, которое являлось основой энергетики каменноугольной промышленности в прежнее время, а также в силу сопротивления электроэнергии, которое создается фирмами, изготавливающими пневматическое оборудование. И это—несмотря на то, что в ряде работ подчеркивается экономичность электроэнергии по сравнению с пневматической энергией.

Проблемам эффективности по сравнению с пневматической энергией посвящен ряд работ и специальных исследований как в английской, так и немецкой каменноугольной промышленности. Проф. Дуглас Гей и Вебстер делают следующий подсчет, характеризующий КПД сжатого воздуха и электроэнергии для каменноугольной промышленности Англии.

Таблица 10

КПД отдельных звеньев системы	С ж а т ы й в о з д у х			
	максим.	с р е д н я я		электро-энергия
	единичный, особо благоприятный случай	для лучших условий	для худших условий	
в п р о ц е н т а х				
КПД генератора энергии . . .	70	65	60	90
КПД сети	85	80	60	90
КПД машины приемн.	40	35	20	85
Общий КПД системы .	24	15	7,2	69

Отсюда видно, что эффективность электрической системы превосходит пневматическую в 3—9 раз. Далее авторы работы делают подсчет сравнительной стоимости энергии на тонну добычи для шахты, полностью электрифицированной, шахты, применяющей на подземных работах сжатый воздух, получаемый с центральной, на поверхности расположенной, электрифицированной компрессорной станции. Для расчета берется, что электрифицированная шахта расходует на подземных машинах 3 квт на тонну добычи, что является нормальным для обычных английских условий, и что стоимость электро-

торы, разделенной на количество энергии, выработанной всеми первичными двигателями.

4. Коэффициент электрификации первичных двигателей (потенциальный) равен мощности генераторов, разделенной на мощность первичных двигателей.

5. Коэффициент электрификации рабочих машин (фактический) равен количеству электроэнергии, потребленной электромоторами, разделенному на количество энергии (механич. электрич.), потребленной рабочими машинами.

6. Коэффициент электрификации рабочих машин (потенциальный) равен мощности электромоторов, разделенной на мощность двигателей рабочих машин.

7. Сводный показатель электрификации (удельный вес электроэнергии в общем приходе энергии (механич.-электрич.) в промышленности—электроэнергия, потребленная в промышленности (своя—чужая), разделенная на всю потребленную в промышленности энергию (механическая -' электрическая).

8. Коэффициент централизации электроснабжения—электроэнергия, полученная со стороны, выработанная собственными генераторами, полученной со стороны, разделенной на количество электроэнергии, выработанной собственными (генераторами и полученной со стороны.

энергии берется от 0,3 до 0,5 пенса. В сводном виде этот подсчет характеризуется следующей табличкой:

Таблица 11

	Расход энергии на тонну добычи в квтч	Стоимость энергии (в пенсах) на тонну добычи	
		0,3 пенса за 1 квтч	0,5 пенса за 1 квтч
Сжатый воздух			
При КПД системы в 10%	21,0	6,3	10,5
При КПД системы в 20%	10,5	3,1	5,2
При КПД системы в 30%	7,0	2,1	3,5
Электроэнергия			
При КПД системы в 70%	3,0	0,9	1,5

На основе этого анализа данных достижений и опытов авторы приходят к выводу, что стоимость сжатого воздуха будет превышать стоимость электроэнергии от 2 до 7 пенса на тонну.

Для полной картины стоимости электроэнергии и сжатого воздуха с учетом стоимости эксплуатации и прочих расходов (по статьям: проценты и амортизация, страхование, ремонт и запасные части, зарплата) авторы приводят данные, взятые для двух типичных групп каменноугольных шахт Мидленда, итоговые цифры которых дают для электроэнергии 4,83 пенса на тонну и для сжатого воздуха — 10,44 пенса.

К тем же выводам приходит ряд исследователей и в каменноугольной промышленности Германии. Проф. Фриче²⁶ задается вопросом, должны ли приводиться в движение машины, работающие в забое электроэнергией или сжатым воздухом, и приводит ряд данных о большей экономичности электроэнергии. Моренн²⁷ в работе об экономичности электропривода в установках предприятий горнопромышленных обществ «Рейнская Пруссия» и «Рейнская область», ссылаясь на ряд работ, приводит соотношение КПД электричества и сжатого воздуха 1 : 7. Прокладка и поддержание кабельной сети на основе опыта этих обществ обходится дешевле, чем прокладка и поддержание трубопроводов. При работе пневматической энергией часты перебои вследствие падения давления при перегрузке сети, что не так сказывается при работе электроэнергией. Потери напряжения в трубопроводах составляют около 22%, в кабелях — 10%. Машины, пользующиеся пневматической энергией, подвержены большому износу, чем машины с электроприводом.

Огромные преимущества электрический провод имеет и для условий перегрузки, в отношении пускового периода и т. д. Далее автор делает обстоятельные подсчеты сравнительной стоимости энергии для случаев работы на пневматической энергии и для случаев работы исключительно с электрической энергией и сжатым воздухом (по статьям амортизации и процента на капитал). Как ни относительны выводы Моренна (в силу того, что они делаются для отдельных участков и не для всего энергохозяйства предприятий), но и они показывают, к каким последствиям ведет переживаемый каменноугольной промышленностью капиталистических стран кризис, связанный с неполным использованием производственной мощности предприятий. И здесь, как и в других участках, неиспользованная производственная мощность создает предпосылки для сохранения отсталой энергетики каменноугольных промышленных предприятий, задерживает ее перевооружение на базе электроэнергии. Это опять-таки не значит, что осуществление электрофикации каменноугольной промышленности не может ничего заимствовать из опыта каменноугольной промышленности капиталистических стран и наиболее отсталой в этом отношении каменноугольной промышленности Англии и Германии. Прогресс и в этой области, локализуясь на меньших участках, не получая всестороннего распространения, имеет место за последние годы. Больше того, имеются значительные достижения в деле разработки вопросов электрификации каменноугольной промышленности, конструирования, электрооборудования, наиболее подходящих к условиям подземной работы по добыче каменного угля. Проф. Филиппи указывает например, что эта работа за последние годы проводилась в двух направлениях: по достижению большей взрывобезопасности, с одной стороны, и по распространению применения электроэнергии путем приспособления к специфическим условиям подземной работы и к местным особенностям, с другой стороны, причем в части безопас-

²⁶ «Elektrizität im Bergbau» I. 1931, № 1.

²⁷ „ „ „ X, 1931, № 10.

ности автор прямо говорит: «Статистические данные показывают, что из всех подземных установок электрические представляют наименьшую опасность травматизма и что даже, наоборот, чем полнее электрифицирована шахта, тем меньше в ней получается серьезных несчастий».

Важным с точки зрения опыта и достижения в области электрификации каменноугольной промышленности капиталистических стран является растущее применение электрического освещения. Ряд работ показывает, какое значение имеет электрическое освещение как фактор, обеспечивающий более нормальную и безопасную работу, и фактор повышения производительности труда. В каменноугольной промышленности СССР в этом отношении делаются лишь первые робкие шаги. Развертывая применение электрического освещения в каменноугольной промышленности СССР, необходимо будет учесть достижения в этой области.

Не менее серьезные достижения сделаны и в области электрооборудования врубных машин (специальные безопасные выключатели, дистанционные выключатели и т. д.). Работы в этой области для каменноугольной промышленности СССР пока что носят исследовательский характер. Целый ряд достижений сделан и в части приводов конвейеров, в части реконструкции электросверл (получающих дополнительные перспективы в связи с применением наконечников из твердых сплавов). Особенный интерес представляют для каменноугольной промышленности СССР достижения в части электровозной откатки. Применение конвейеров, которое должно получить большое распространение в СССР в связи с работой по принципу непрерывного потока для транспортировки угля не только в забоях, но и на штреках, вовсе не исключает широкого распространения электровозной откатки, особенно в части главных откаточных штреков.

Мы перешли к производству отечественных электровозов, поэтому достижения конструкторской мысли в области повышения взрывобезопасности электровозов в газовых шахтах и увеличения их производительности при оценке развития электрификации каменноугольной промышленности капиталистических стран должны быть учтены. Интересным в этом отношении являются электровозы комбинированного типа, работающие как троллерные на наиболее безопасных участках, расположенных на входящей струе, и как аккумуляторные при работе на участках, прилегающих к очистному пространству). Ряд достижений может быть использован и в отношении электрооборудования подъема, водоотлива, вентиляции и поверхностного хозяйства.

Но проблема электрификации в условиях СССР должна быть поставлена шире, чем в условиях капиталистической каменноугольной промышленности. Беря курс в части механизации на комплексную механизацию, на создание в каменноугольной промышленности не отдельно действующих разрозненных машин, а систему машин как объективную основу непрерывного потока, электрификацию необходимо рассматривать как условие создания системы машины в наиболее совершенной форме, автоматически действующей системы машин. Только электричество в горном деле создает действительно прочную основу автоматизма. С этой точки зрения представляют исключительный интерес как достижения в этой области в каменноугольной промышленности капиталистических стран (автоматические дистанционные выключатели для врубных машин, системы реле для дистанционного управления доставочными механизмами, приборы автоматического управления подъемными механизмами и т. д.), так и особенно опыт достижения и научной разработки проблемы автоматизации в каменноугольной промышленности СССР на базе растущей электрификации ее.

V

Вышесказанное о концентрации, механизации и электрификации говорит о том, как глубоко развернулись процессы технического перевооружения и как велики перспективы перед каменноугольной промышленностью СССР в деле овладения всеми наиболее совершенными достижениями, накопленными опытом каменноугольной промышленности передовых капиталистических стран. Каменноугольное предприятие СССР сейчас по степени своего механического и электрического оборудования, несмотря на особенности, создаваемые условиями подземной добычи угля, стало в подлинном смысле слова мощным сложным заводом. Преимущество крупного предприятия в каменноугольной промышленности и в других отраслях промышленности и с точки зрения увеличения добычи, снижения издержек производства и увеличения производительности труда неоспоримо.

Но как могло получиться, что, несмотря на миллиардные капиталовложения, на создание новых и реконструкцию старых предприятий, на рост мощностей по предприятиям, на механизацию и электрификацию, имея неизвестные капиталистическому миру темпы развития, каменноугольная промышленность СССР не смогла выполнить намеченных на пятилетку планов добычи угля и главное — не смогла обеспечить значительных достижений в повышении производительности труда и понижении себестоимости. Более того, как раз в последние годы пятилетки, когда реконструктивные процессы особенно развертывались и процент механизированной добычи особенно рос, мы имеем замедление темпов добычи,

падение производительности и резкое повышение себестоимости. Это — основной вопрос, встающий при анализе итогов развития каменноугольной промышленности в первой пятилетке. Без развернутого разрешения этого вопроса нельзя правильно подойти к составлению второй пятилетки, вскрыть конкретные и решающие звенья в цепи, ухватившись за которые можно двигать вперед развитие каменноугольной промышленности СССР.

Актуальность вопроса особенно велика сейчас, в первый год второй пятилетки, так как первые месяцы этого года не только не принесли положительного перелома в кривых развития каменноугольной промышленности, но для таких решающих районов, как Донбасс, мы имеем в I квартале этого года падение добычи по сравнению с первым кварталом истекшего года.

Как велика техническая реконструкция каменноугольной промышленности в результате ее технического перевооружения за первую пятилетку помимо проведенных выше данных показывают следующие сводные цифры. За годы первой пятилетки во всю каменноугольную промышленность было вложено около 1800 млн. руб., из которых около 1300 тыс. руб. — на промышленное строительство. Более половины этих затрат было вложено в каменноугольную промышленность Донбасса. В результате этого уже в 1932 г. с новых и реконструированных предприятий получилось около 40% всей добычи. Средняя добыча на шахту в 1932 г. возросла на 20%, а средняя производственная мощность — на 32% по сравнению с 1927/28 г. По размеру предприятий каменноугольная промышленность СССР за годы первой пятилетки выдвинулась на одно из первых мест, уступая здесь лишь Германии. Процент механизированной добычи за первую пятилетку возрос почти в четыре раза, составляя в 1932 г. 63,7% против 16,5% в 1927/28 г. Количество тяжелых врубовых машин почти удвоилось. Электровооруженность труда за годы 1927—1931 возросла на 35%. Централизация электроснабжения в 1931 г. составила 88% против 23% в 1927 г. Таков первый и основной итог пятилетки, превративший шахту из места работы простых землекопов «в настоящий завод со сложными механизмами».

Но при значительном росте добычи угля в первую пятилетку (около 62 млн. тонн в 1932 г. против 35 млн. тонн в 1927/28 г.) каменноугольная промышленность все же, несмотря на техническую реконструкцию, не сумела выполнить пятилетний план и создать спокойное бесперебойное обеспечение страны углем.

Еще менее значительны успехи в деле увеличения производительности трудящегося, которая в 1932 г. по сравнению с 1927/28 г. возросла на 20% (14,1 против 11,8 *т.*). И наконец в первой пятилетке вместо снижения мы имеем увеличение себестоимости угля. Но самым характерным в развитии каменноугольной промышленности является ухудшение ее показателей во второй половине первой пятилетки (1931—1933 гг.), т. е. как раз тогда, когда в каменноугольной промышленности происходила особенно большая инвестиция средств (из 1 811 тыс. руб., вложенных в каменноугольную промышленность, 32% падает на 1931 г. и 40% — на 1932 г.), когда особенно резко стала возрастать производственная мощность каменноугольной промышленности за счет новых и реконструированных предприятий. Помимо недовыполнения планов добычи, в эти годы имеет место ухудшение в области производительности труда. Средняя месячная производительность трудящегося, достигнув в 1929/30 г. по всей каменноугольной промышленности 14,5 *т.*, снижается в 1931 г. до 14,3 *т.* и в 1932 г. до 14,1 *т.* Новые и реконструируемые предприятия, задача освоения которых совпадала с развертыванием наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни, требовали перестройки руководства и работы, более высокой квалификации, трудности роста требовали их революционного преодоления. Тов. Сталин в речи о задачах хозяйственников призвал страну «по-настоящему освоить производство, его технику, его финансово-экономическую сторону», — говорил о растущих возможностях и о том, что нам «нехватает только умения использовать по настоящему эти возможности». В своем выступлении «новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» опять-таки в 1931 г. т. Сталин говорил: «Причина (отставания А. З.) состоит в том, что за последнее время условия развития промышленности изменились в корне, создалась новая обстановка, требующая новых приемов руководства». В этом же выступлении он давал программу перестройки, указывая и на необходимость дальнейшего развертывания технической реконструкции. Это было боевой программой преодоления трудностей и в каменноугольной промышленности. Недаром т. Каганович на прошедшем сейчас съезде ударников Донбасса указал, что причина отставания Донбасса заключается в том, что в Донбассе забыли о шести условиях т. Сталина.

Была ли своевременно понята эта директива в каменноугольной промышленности? Для многих руководителей каменноугольной промышленности, привыкших работать по-старинке, линия на большевистское преодоление трудностей осталась книгой за семью печатями. Начали поговаривать, что создают слишком крупные предприятия, что мы перемеханизировали шахты. С этими антимеханизаторскими настроениями пришлось вести борьбу, что достаточно ясно находит свое отражение в решениях партии и правительства о каменноугольной промышленности за последние годы. Несмотря на прямые указания партии и ее вожда, перед лицом трудностей, связанных с превращением каменноугольной промышленности в передовую отрасль с несокращимой механизированной базой, работники каменноугольной промышленности не сумели перестроиться, несмотря ни на что.

«Канцелярско-бюрократический метод руководства угольной промышленностью», хотя и «окончательно обанкротившийся», дожил до самых последних дней и уже в 1933 г. потребовал в отношении Донбасса специального нового постановления СНК и ЦК. Именно в этом неумении перестроиться, «осуществить сколько-нибудь удовлетворительно с о е н и е н о в о й т е х н и к и, новых механизмов» скрывается причина отставания каменноугольной промышленности и в том числе Донбасса—первой всесоюзной кочегарки.

Взять хотя бы новые и реконструированные шахты, которые являются более мощными по сравнению со старыми шахтами. Основной причиной, которая свела на-нет возможность благоприятного влияния на качественные показатели более мощных шахт, было медленное их строительство и освоение их производственной мощности. Некоторые подсчеты говорят, что средняя производственная мощность одной шахты по всей каменноугольной промышленности в 1932 г. превышала среднюю добычу, приходящуюся на шахту, почти в три с половиной раза. Как ни грубы эти показатели (в силу того, что они относятся ко всему шахтному фонду, без выделения старых и новых шахт, и в силу того, что в количестве этих мощностей шахт учитываются новые шахты, которые не дают еще добычи), они все же говорят о чрезвычайно низком коэффициенте использования производственной мощности шахт.

О том, как это влияло на снижение производительности, может показать следующий примерный подсчет, играющий не столько абсолютную, сколько иллюстративную роль. Известно, что весь состав трудящихся на шахте можно разбить на две категории—переменных рабочих, количество которых изменяется в прямой (или приблизительно прямой) пропорции с изменением количества добычи и постоянных рабочих и служащих, количество которых независимо (или почти независимо) от изменения добычи. Взвесив соотношение этих двух групп на основе подсчетов, сделанных в свое время для Донбасса (для всей каменноугольной промышленности, насколько мне известно, таких подсчетов не делалось), 65 и 35 из каждых 100, занятых человек, подсчитываем, какую потерю на средней производительности трудящегося мы имеем в первую пятилетку благодаря разрыву между средней добычей и средней производственной мощностью шахты. Средняя производственная мощность составляет по отношению к средней добыче на одну шахту $340\ 100:97=350\%$. Но для обеспечения добычи, превышающей фактическую в 3,5 раза, потребовалось бы увеличить это количество переменных рабочих на шахте в 3,5 раза, вместо 65 чел. надо было бы $65 \times 3,5=228$. Предполагая, что количество постоянных рабочих остается неизменным, общее количество рабочих при возрастании добычи на шахте в 3,5 раза будет $228+35=263$ или превысит прежнее количество только в 2,62 раза. В условиях полного использования производственной мощности шахты производительность составила бы $\frac{3,5 \cdot 100}{2,62} = 133\%$ по сравнению с той, которую мы фактически имели в 1932 г. по всей ка-

менноугольной промышленности. Допуская, что определенный разрыв между средней добычей на шахте и ее производственной мощностью должен был бы иметь место за счет некоторого количества шахт, находящихся в проходке и нормальном пусковом периоде и беря использование средней производственной мощности всего на три четверти, мы имели бы увеличение производительности примерно на 25% против достигнутой в 1932 г., т. е. примерно 17,5 *m* против 14,1 *m*.—рост производительности за первую пятилетку был бы тогда не на 19%, а на 48—50%.

О том, что разрыв между фактической добычей и производственной мощностью имеет самое непосредственное влияние на качественные показатели, говорит хотя бы и тот факт, что районами наиболее неблагоприятными с точки зрения динамики производительности и себестоимости являются как раз те, где этот разрыв особенно велик. Новое шахтное строительство следовательно не могло повлиять на темпы и качественные показатели каменноугольной промышленности прежде всего в силу того, что каменноугольная промышленность не сумела обеспечить директивы партии о концентрации строительства и быстро вводить в строй созданные мощности, причем в условиях напряженного положения с углем каменноугольная промышленность СССР и Донбасса пошла по линии закладки более мелких шахт, что вело к еще более развернутому фронту работ и еще более затрудняло освоение создаваемых производственных мощностей. В этом же направлении действовали и затруднения со снабжением каменноугольной промышленности необходимым оборудованием.

Отсюда ясно, какое огромное значение для угольной промышленности имеют решения январского пленума ЦК о второй пятилетке, его указания, что «в отличие от первой пятилетки вторая пятилетка будет по преимуществу пятилеткой о с в о е н и я новых предприятий» и «что и вторая пятилетка, если она хочет рассчитывать на серьезный успех, должна дополнить нынешний лозунг н о в о г о с т р о и т е л ь с т в а новым лозунгом о с в о е н и я новых предприятий и новой техники». Но помимо влияния на развитие каменноугольной промышленности разрыва между производственной мощностью и достигнутой на одну производственную единицу добычей должен быть рассмотрен вопрос об условиях эксплуатации новых, более крупных и технически более совершенных пред-приятий.

Преимущества крупных механизированных предприятий, запроектированных на высокую добычу и высокие качественные показатели, сводятся на-нет при условии, когда эти предприятия будут «лихорадить», а кривая добычи скакать вверх и вниз. В Германии сделан ряд интересных исследований о чувствительности крупной шахты к техническим неполадкам²⁸. Исследованы кривые дневной, месячной, годовой добычи забоя, участка, шахты; сделаны некоторые подсчеты влияния колебаний нагрузки на эффективность работы в условиях различной производственной мощности и различной технической вооруженности шахт. Даже, признавая спорными утверждения автора исследования так называемой повышенной чувствительности шахт к техническим неполадкам, с возрастанием мощности шахты, можно признать бесспорным и для нашей каменноугольной промышленности положение, что неполадки на крупной шахте ведут к большему прорыву в добыче, к более резкому снижению качественных показателей, чем неполадки на мелких шахтах. Если необязательно повышение «чувствительности» к техническим неполадкам для предприятий с более высокой технической основой в условиях, когда руководство предприятий на должной высоте, когда руководство не расплылось между многими лицами, когда правильно составлены и организованы силы, то безусловно обязательно повышение чувствительности от технических неполадок, когда таких предпосылок для нормального функционирования нет. Тогда, при отсутствии этих предпосылок, более совершенные предприятия, как это ясно показывает пример ряда шахт, не выходящих из неполадок, работают хуже, чем мелкие предприятия, основанные на ручном труде. Надо понять, что наши успехи в деле социалистической реконструкции каменноугольной промышленности, открывающие огромные перспективы ее развития и создающие условия для облегчения труда, не уменьшают ответственности и не упрощают работы, а как раз требуют увеличения ответственности и более квалифицированной работы каждого звена сложной координированной системы шахт.

В свете этого особенное значение приобретает решение СНК и ЦК о Донбассе, где указывается, что «следует учесть, что условия на шахтах изменились в корне; изменился состав рабочих на шахте—он стал более квалифицированным; изменился труд на шахте—он стал более сложным; изменились требования шахты—шахта нуждается в опытных инженерах и техниках в гораздо большем количестве, чем это имело место при ручной добыче. Чем крупнее и совершеннее техническая основа производства, тем больше взаимозависимость всех элементов производства. Если в условиях, когда шахта является местом работы простых углекопов, работа каждого шла самостоятельно и независимо друг от друга, а недостатки работы каждого сказывались на общем производстве в степени, соответствующей уровню отдельного производителя, то в условиях превращения шахты в механизированное предприятие успех работы зависит от четкой координированной работы механизмов. Работа же механизмов, в конечном счете, зависит от четкой координированной работы людей. Даже качество механизмов (которое оставляет желать много лучшего) не может снять ответственности с людей, так как поломки механизмов на шахтах в основном происходят: 1) от неправильной их расстановки без достаточного учета нагрузки, условия эксплуатации, 2) от отсутствия предупредительного и плохого качества текущего и капитального ремонта и 3) главное—от неправильной и неумелой их эксплуатации. Дело и здесь упирается в людей, в вопрос освоения новой техники, так как «освоение новой техники составляет, как известно, ключ для помощи хозяйству всего угольного Донбасса».

Желающие работать по-старинке, столкнувшись с неполадками и перебоями в работе каменноугольной промышленности в условиях, когда пришлось переходить к работе на более мощных технически совершенных предприятиях, готсы приписать эти неполадки переукрупнению шахт и перенасыщению их механизмами, начинают поговаривать о том, что надо, мол, найти свой «оптимум» технической вооруженности, под шум формального признания необходимости механизации ведут курс на ручную добычу. Сторонники канцелярско-бюрократического руководства наивно думают, что каменноугольная промышленность СССР и в частности Донбасса может обеспечить потребность страны в угле на базе ручной добычи, что можно развивать крупнейшую отрасль промышленности, которая является основой индустриализации, старыми способами.

СНК и ЦК партии в своем решении по Донбассу дают развернутую программу борьбы за угольную промышленность, предлагая произвести разукрупнение Главтопа, усиление роли и руководства шахтой, перемещение квалифицированных работников на участки и лавы, предлагая перестроить организацию труда и систему зарплаты, а главное ликвидировать текучесть, которая превращает шахту в проходной двор.

Но трудности и неполадки на шахтах, срывающие освоение созданных производственных мощностей, углубляются сопротивлением классового врага. При огромной текучести, когда шахты превращаются в проходной двор, в каменноугольную промышленность проникают выброшенные из деревни кулацкие элементы. При огромной разбросанности работ в шахте классовый враг имеет благоприятные возможности

²⁸ См. К. Jericho Glückauf № 40 1930 г.

для вредительства. Достаточно незаметно разболтить решетки конвейера, выключить сигнальные приспособления, испортить электропроводку где-нибудь в одном звене работы, чтобы вывести из строя целый участок, а инсй раз и шахту. Вместе с тем при недостаточной партийно-воспитательной и профсоюзной работе среди рабочих каменноугольной промышленности, в большей своей части недавно пришедших из деревни, затрудняется и выявление классово враждебных элементов, проникших на шахту, и организация борьбы с рвачами, прогульщиками. Огромное оздоравливающее значение в этих условиях сыграют принятые ЦК решения о необходимости «обеспечить подбор лучших партийных и профсоюзных организаторов для шахт».

Внимание к вопросам руководства организации, к вопросам укрепления партийно-профессиональной работы на шахтах обеспечит не только освоение уже достигнутого технического уровня каменноугольной промышленности, но и устранение ряда недостатков и ошибок в технической реконструкции, развитие которой будет давать все большие и большие преимущества.

Рассматривая процессы концентрации и выявляя их возможное влияние на показатели развития каменноугольной промышленности при условии, если бы первая пятилетка не имела такого огромного разрыва между фактической и возможной добычей, приходящейся на одну шахту, мы все расчеты строили, исходя из простого увеличения нагрузки, совершенно устраняя влияния, изменяющие характер производства, связанные с его механизацией и электрификацией. Мы установили, что переход к более крупным предприятиям в каменноугольной промышленности не сказался положительно потому, что эти крупные предприятия благодаря неиспользованию их производственных мощностей оставались в первой пятилетке более возможными, чем действительными. Но превращение шахт из места работы простых землекопов в механизированные предприятия шло не только за счет укрупнения их. Более того, мощность шахты неизбежно являлась общим показателем и нового технического уровня добычи угля. Каждая новая и реконструируемая шахта являлась наиболее механизированным предприятием.

Как же влияла механизация на производительность труда в каменноугольной промышленности? Для правильного понимания этого вопроса надо оперировать не показателями месячной производительности, а сменной производительности рабочего. Возьмем для рассмотрения Донбасс в целом (украинская часть плюс Северный Кавказ). Сменная производительность рабочего за первую пятилетку возросла больше, чем месячная производительность трудящегося (плюс 21% против плюс 17). Эта разница при одинаковом выходе уровня в конце пятилетки по сравнению с ее началом целиком объясняется увеличением удельного веса административно-управленческого и технического персонала в 1932 г. против 1927/28 г. Административно-управленческий персонал в условиях разбухания аппарата шахтного рудоуправления «съедал» в конце пятилетки достигнутую производительность в большей степени, чем в начале пятилетки. С другой стороны, возрастание и технического персонала—сам по себе положительный факт в той части, где это возрастание шло не на укрепление производственных звеньев шахты—лавы, участка, а на создание многочисленных функциональных отделов управления, действовало по той же линии, как разбухание административного персонала.

Последнее решение СНК и ЦК о Донбассе, предлагающее «сократить общее количество служащих в управлении шахтой и упразднить ряд ненужных функциональных отделов и должностей: в первую очередь—плановый отдел, бюро рационализации, должность заведующего механизацией, должность заведующего техпропом, должность заведующего капитальными работами (при отсутствии крупных капитальных работ) с тем, чтобы освобождающиеся инженеры и техники перевести на работу в шахты»—сбеспечивает сразу и сокращение административно-управленческого аппарата и перебростку квалифицированных сил на то звено, где решается вопрос об успехе развития каменноугольной промышленности.

Но даже выделение производительности на одного эксплуатационного рабочего по шахте еще ничего не говорит об изменениях этой производительности в зависимости от технической реконструкции, произведенной в Донбассе. Для этого требуется развернутый анализ производительности труда по отдельным последовательным звеньям: забойщик, угольный, подземный, эксплуатационный рабочий. Сделаем этот анализ в сопоставлении с каменноугольной промышленностью Рура, естественные условия которого в решающих показателях (мощность пласта, угол падения и т. д.) имеют много общего с Донбассом. Конечно при этом сопоставлении нельзя забывать принципиального различия между каменноугольной промышленностью СССР и каменноугольной промышленностью капиталистических стран. У нас курс на рациональную эксплуатацию месторождений, ведет производство рабочих, работающий на своей шахте, не знающий страха безработицы; материально-бытовое и культурное положение его непрерывно улучшается. В Руре открытое признание допустимости хищнической эксплуатации месторождений, рабочий работает под постоянной угрозой сокращения, при постоянном наступлении на его жизненные интересы. Но, учитывая все это, при сопоставлении, произведенном по звеньям в Донбассе и Руре, можно выделить организационный технический опыт, накопленный передовой каменноугольной промышленностью Рура, и те достижения, игнорирование которых ослабило наши позиции по сравнению с каменноугольной промышленностью Рура.

Цифры о производительности отдельных категорий рабочих в Руре в смену публикуются в отчете обо всей каменноугольной промышленности в Руре за исключением производительности угольных рабочих, которая определена исходя из процента угольных рабочих (52,6%) и сменной производительности эксплуатационных рабочих в 1931 г. (1,49 т), а производительность угольного рабочего равна $\frac{1,49 \cdot 100}{52,6} = 2,83$ т. Цифры о производительности отдельных категорий рабочих для всего Донбасса подсчитаны, исходя из сменной производительности эксплуатационного рабочего в 1931 г. и структуры занятой рабочей силы в Донбассе, где в 1931 г. было около 16,8% забойщиков, 34,2% всех угольных рабочих, 67,9% всех подземных рабочих, причем при подсчете производительности забойщика был введен поправочный коэффициент, получаемый делением количества выходов рабочего на количество выходов забойщика. При этом получали более правильную среднюю производительность забойщика.

Сопоставляя производительность отдельных категорий рабочих, получаем следующую таблицу.

Таблица 12

Производительность на смену в районах	Забойщики	Угольного	Подземного	Эксплоатац.
В Донбассе	4,02	1,97	0,99	0,65
В Руре	3,07	2,83	1,89	1,49
Производительность Донбасса к производ. Рура в процентах	130,8	69,6	62,4	43,6
Плюс или минус для Донбасса по сравнению с Руром	+30,8	-30,4	-47,6	-56,4

Какие же общие выводы можно сделать из приведенных сопоставлений?

1) Средняя производительность забойщика по всему Донбассу выше, чем средняя производительность забойщика по Руре на 30,8%. Здесь сказывается прежде всего эффект механизации и характер механизации в Донбассе. Забойщик Донбасса на пологих пластах, вооруженный тяжелой врубовой машиной, дает больше, чем забойщик Рура, вооруженный преимущественно отбойным молотком. Эти достижения были бы еще больше, если бы эффективность механизации забоя была выше (из-за одних технических неполадок 25% времени врубовая машина в наших забоях не работает, не говоря о том, что 50% времени, идущего на вспомогательные работы, могло бы быть значительно сокращено) и, если бы, а это главное, вся система работы в шахтах обеспечивала возможность повышения этой эффективности.

2) Но, если средняя производительность забойщика по Донбассу выше, чем в Руре на 30,8%, то благодаря тому, что количество всех угольных рабочих и всех подземных рабочих (начиная от кавальщика до рабочих, занятых по доставке, откатке, ремонту и т. д.) составляет для Донбасса 51,1% против 30,4% для Рура, высокая производительность забойщика «съедается» на последующих звеньях и средняя производительность одного угольного рабочего в Донбассе уже на 30,4% ниже, чем в Руре, а средняя производительность одного подземного рабочего — на 47,6%.

Где основная причина такого разбухания группы подземных рабочих? Здесь сказалась прежде всего, помимо указанных постановлением ЦК партии причин, недостаточность подземной концентрации. Именно в силу этой концентрации, увеличивая продвижение забоя и тем самым сокращая общую линию забоя, увеличивая высоту лавы и тем сокращая количество рабочих мест, выпрямляя грузовые потоки в шахтах и тем самым интенсифицируя их использование, устраняя пункты погрузок (зигзаги в угольном потоке), Рур смог добиться снижения удельного веса прочих подземных рабочих в общем количестве горнорабочих, занятых в угольной промышленности, и вместе с тем указанной выше производительности на одного подземного. В этом же направлении действовали и наши ошибки в механизации. Немцы свою механизацию начали и особенно упорно проводили с механизацией доставки и откатки, по существу оставаясь и сейчас перед неразрешенной для Германии задачей тяжелой механизации в забое. В СССР при постановке механизации все время фиксировали внимание не механизацию забоя, недостаточно учитывая, а если учитывая, то недостаточно проводя механизацию доставки и откатки. Понадобилась специальная комиссия т. Молотова, решение ЦК партии, чтобы к осуществлению этой задачи наконец приступила не только каменноугольная промышленность, но и промышленность, производящая необходимое оборудование.

3) Наконец огромное по сравнению с Руром удельное значение поверхностных рабочих в общем количестве эксплуатационных рабочих приводит к тому, что производительность горнорабочего в целом по Донбассу снижается против производительности Рура на 56,4%.

В то время как в Руре систематически проводят механизацию и рационализацию поверхности, у нас рационализация и реконструкция поверхности не получили должного развития. Между тем Донбасская каменноугольная промышленность в целом имеет здесь больше возможностей, чем Рур. Рур и сейчас работает в основном на клетевом подъеме и особенном поверхностном оборудовании. Поэтому как ни мал по сравнению с Донбассом удельный вес поверхностных рабочих в Руре, он все же лучше, чем в битуминозной промышленности в САСШ, где процент поверхностных составит 13,6 против 30,2 в Руре и 32 в Донбассе. Могут возразить, что и различное падение производительности от звена к звену в Руре и Донбассе объясняется не нашим неумением работать, а особенностями месторождений (там, мол, разрабатывают из одной шахты большое количество сближенных пластов и т. д.), что дело не в этом; показывает динамическая оценка производительности в Руре и Донбассе с 1928 по 1931 г. включительно. Подрастание производительности в Руре и съедание производительности в Донбассе при переходе каждой последующей категории чернорабочих рисуется следующей таблицей.

Таблица 13.

**РОСТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА ЗА ГОДЫ 1928—1933
(В ПРОЦЕНТАХ.)**

(Человекосмена)	В Руре	В Донбассе
Забойщики	22	28
Угольного	27,5	13
Подземного	29,5	14
Рабочего	25,0	16

Отсюда ясно подтверждается вывод, сделанный на основании сопоставления производительности труда в Донбассе и Руре в 1931 г. Непосредственный производитель угля в Руре имел меньший рост производительности, чем у нас, но вся последующая работа в Руре эту производительность сохраняла и относительно увеличивала, а у нас последующая работа вела не только к абсолютному, но и относительному уменьшению. Отмечая огромное значение увязки механизации отдельных рабочих процессов, которые в Руре достигнуты в большей степени, чем в Донбассе, надо прямо сказать, что дело не только в этом; Мы проанализировали цифры не только в этом. Мы проанализировали цифры для такого района, где разрыв между механизацией зарубки, доставки, откатки по существу отсутствует и получили для этого района следующие характерные показатели роста производительности труда для отдельных категорий за годы 1927/28—1932 включительно. Производительность забойщика выросла на 51,5%, производительность подземного — уже только на 30%, а производительность эксплуатационного рабочего — всего на 1%. Вот к чему свелись достижения механизации даже в районе, где разрыва между механизацией отдельных рабочих процессов как будто бы нет. Это говорит еще и еще раз об огромном значении не только механизмов, но и людей, управляющих этими механизмами, и лишней раз показывает, какое значение имеют вопросы руководства, организации производства и труда, которые подчеркнуты последним решением ЦК и СНК у Донбассе.

Все это говорит о том, что от возросших возможностей каменноугольной промышленности отставало умение использовать эти возможности, что и нашло свое отрицательное отражение на уровне производительности труда и даже на темпах развертывания добычи угля в конце первой пятилетки по сравнению с ее началом.

Обеспечение высоких темпов развития каменноугольной промышленности и резкое улучшение качественных показателей возможны сейчас только через осуществление в каменноугольной промышленности указаний т. Сталина об овладении техникой и об организации работы на основе ликвидации обезлички, уравниловки, конкретная программа чего дана последним постановлением ЦК и СНК.

Именно эти указания являются основой научной организации производства в каменноугольной промышленности СССР. Возможности научной организации производства в условиях планового хозяйства социалистической страны неизмеримо шире, чем в капиталистических странах. Если буржуазная мысль в области научной организации производства ограничивает себя изолированной шахтой, то в условиях СССР имеется возможность искать не только идеальную «сопряженность» отдельных элементов шахты, но и создать каменноугольные предприятия в полной «сопряженности» с потребностью в угле во всем народном хозяйстве. Научная организация производственного процесса в каменноугольной промышленности СССР на базе растущей механизации и электрификации ведет к наиболее рациональной организации производства, в условиях которого горнорабочий превращается в руководителя производственного процесса, совершающегося на базе системы машин. В этом — выход для разрешения вопроса о наших темпах и о наших качественных показателях. В этом — путь овладения нашими возможностями. Руководители капиталистической

промышленности тоже обращаются к научной организации производства, ища выхода из противоречий, дезорганизующих мировую каменноугольную промышленность. Иллюзии о спасительной роли научной организации производств еще не изжиты. Больше того, в планах вывода каменноугольной промышленности САСШ из теперешнего ее тяжелого положения научная организация производства должна, по мнению руководителей каменноугольной промышленности, сыграть не последнюю роль. Тот же Соусворт²⁹ защищает необходимость применения принципов «научного управления» и «эффективной инженерии», указывая, что до сих пор эти принципы не пользовались успехом в горном деле. Соусворт говорит о необходимости экономии издержек производства по всем операциям каменноугольной промышленности. Этому снижению издержек производства за счет научной организации производства посвящен целиком один из последних номеров угольного журнала «Cool Age». Каждый шаг во внедрении научной организации производства, обеспечивающий понижение их, ведет капиталистическую каменноугольную промышленность через неиспользованную производственную мощимость к огромной, все возрастающей растрате производительных сил. Научная организация производства, которая, по мнению буржуазных ученых, должна была спасти капиталистическую каменноугольную промышленность, все больше сокращает возможность всякой механизации и рационализации производства. Если Ленин, говоря о тейлоризме, указал, что «научные организации производств соединяют в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний», то сейчас, в условиях мирового экономического кризиса, в условиях безработицы и падения зарплат, при сужении возможности технического развития каменноугольной промышленности, научные организации производства все в большей степени выступают как способ, ведущий не только к расточительству в массовом масштабе сэкономленных каплями материальных элементов, но и к огромному, все возрастающему расточительству решающей производительной силы — труда горнорабочего.

Крупный специалист германской каменноугольной промышленности, ярый защитник ее реконструкции и рационализации Ролен³⁰, оценивая результаты реорганизации каменноугольной промышленности Рура, говорит о том, что за время с 1914 по 1930 г. потери угля за счет закрытых шахт и недоработанных участков достигают 3,5 млрд. т, а новое вскрытие такого запаса связано с затратами в 1,5 млрд. марок. Ролен оправдывает эти потери, говоря, что «отказ от эксплуатации пласта, часто связанный с утратой значительных запасов навсегда, является мерой крайней и допустимой только в такие тяжелые моменты, как настоящий кризис». Тот же переход хищнической эксплуатации к неоправдываемой никакими техническими соображениями ликвидации производственной мощимости мы имеем и в других странах. Ликвидация производственной мощимости битуминозной угольной промышленности САСШ, как указывалось выше, идет не только за счет устаревших шахт, но и за счет шахт, дающих хороший уголь с хорошими эксплуатационными условиями.

В условиях, когда сужается возможность существования широкой технической реконструкции, экономия в издержках производства все больше связывается с повышением эксплуатации рабочего. Прикрываясь рассуждениями об «организованном» хозяйстве, о научной организации производства, буржуазная мысль ищет выхода из тупика, в котором находится капиталистическая каменноугольная промышленность, за счет рабочего класса. Систематически снижается зарплата. В каменноугольной промышленности САСШ, по буржуазной статистике, зарплата на человека к концу 1922 по 1929 г. снизилась на 22,5%, с 1929 по конец 1931 г. — еще на 7,5%. Растет применение неполной рабочей недели. Увеличивается время работы, повышается интенсивность труда.

Попытки оздоровления каменноугольной промышленности ведут лишь к обострению всех противоречий, к углублению тупика, в котором капиталистическая каменноугольная промышленность находится. Каменноугольная промышленность СССР, поставленная перед задачей дальнейшего увеличения темпов, улучшения качественных показателей, использует весь положительный технический и организационный опыт капиталистической каменноугольной промышленности; отбрасывая и разоблачая зверство буржуазной эксплуатации, используя свой богатый опыт, она будет вести дальнейшее успешное строительство и перестройку на новой, более высокой организационной и технической основе во второй пятилетке, осуществляя директивы партии не только в части темпов развития, но и в части качественных показателей, помня, что вторая пятилетка должна быть пятилеткой освоения новых предприятий в промышленности и что «главный упор должен быть сделан... на улучшение качества продукции и рост производительности труда».

²⁹ The Mining Congress Journal, July, August 1932, Scientific and Efficiency Engineering by G. B. Southward.

³⁰ Glückauf 52, 1930. Die Entwicklung zum Verbundbergwerk im Ruhrkohlenbezirk von Bergwerksdirektor. V. Koelen.

К ИСТОРИИ „КАПИТАЛА“ К. МАРКСА В РОССИИ

Полвека со дня смерти гениального вождя и теоретика международного пролетариата Карла Маркса богаты событиями всемирно-исторического значения. Крот истории в особенности рыл глубоко с наступлением XX в., когда произошли важнейшие события современной эпохи — мировая империалистическая война, Октябрьская революция и последовавшие за ней революции.

Полувековую годовщину со дня смерти Маркса мы встречаем в обстановке борьбы двух систем: капиталистического мира, где свирепствует экономический кризис, где в условиях развала капиталистической стабилизации назревают классовые бои гигантского размаха, и СССР, приступающего к осуществлению второй пятилетки, стоящей перед собою задачей построения бесклассового, социалистического общества. Октябрьская революция, победоносное социалистическое строительство в Советском союзе — «это величайший триумф идей «Капитала», это величайшее торжество идей марксизма-ленинизма. Победа социализма в нашей стране не могла бы произойти, если бы пролетариатом не руководила партия, вооруженная самой передовой, критической и революционной теорией, изложенной в монументальном творении Маркса — «Капитале», теорией, поднятой на высшую ступень, конкретизированной и обогащенной гением Ленина. История «Капитала» в России — это процесс осознания пролетариатом нашей страны своих классовых интересов; это блестящее применение Лениным марксовых категорий политической экономики к конкретным условиям российской действительности; это создание Лениным нового, ленинского этапа в политической экономике, этапа конкретизации и дальнейшего развития великого наследства «Капитала», а в наши дни история «Капитала» — это применение и дальнейшая разработка идей Маркса, Энгельса и Ленина вождем и теоретиком партии т. Сталиным.

Но «Капитал» в России имеет также и свою предысторию, когда знамя «Капитала» еще не было подхвачено рабочим классом, когда «Капитал» был известен лишь отдельным, передовым элементам интеллигенции. Эти первые комментаторы «Капитала» в России или подвергали экономическое учение Маркса резкой критике, или превращали Маркса в утописта-социалиста, или выхолащивали революционное содержание «Капитала».

В 1870 г. в России был также кадр — правда, незначительный — читателей «Капитала», рекрутировавшийся из представителей революционного народничества, которые воспринимали «Капитал» как произведение, возбуждающее на борьбу с современным социальным строем. К анализу этой предыстории «Капитала» мы и перейдем.

Уже в первые десятилетия XIX в. Россия была вовлечена в водоворот мирового рынка и находилась в оживленных торговых сношениях со странами Европы. После освобождения крестьян Россия вступила в еще более тесные отношения с капиталистическим Западом, влияние европейской культуры на русскую общественную мысль сказывалось все сильнее и сильнее, — естественно, что вместе с импортом иностранных товаров в Россию ввозились также и социалистические идеи как утопического, так и научного социализма Карла Маркса. Влияние Маркса на отдельных представителей русской общественной мысли началось еще с 40-х годов, когда Маркс впервые выступил на арене науки и публицистики. Еще Белинский был знаком с единственным выпуском «Deutsch-Französische Jahrbücher» в 1844 г., в котором принимал участие К. Маркс.

В 40-х годах имело место также известное влияние воззрений Маркса на отдельных представителей — «русских аристократов» (Анненков, Боткин). Однако влияние Маркса на русскую общественную мысль той эпохи кристаллизовалось в случайных явлениях, никакой идейной преемственности между «западничеством этих просвещенных «гурманов» последнего слова западноевропейской науки и публицистики» и современным марксизмом быть не могло.

Конец 40-х годов ознаменовался некоторым подъемом политической активности русской интеллигенции, который был порожден ходом экономического развития страны и который нашел свое отражение в движении «петрашевцев». В отличие от декабристов, которые не шли дальше дворянско-буржуазного республиканизма, петрашевцы находились под сильным влиянием идей Фурье, а некоторые из них считали себя даже коммунистами. Герцен несомненно знал целый ряд произведений Маркса, однако этому блестящему публицисту, вставшему в уровень с величайшими мыслителями своего времени, по самому характеру его мирозерцания были чужды идеи Маркса. Для Герцена не Маркс, а Прудон был главой современного социализма. Нераспо-

ложение, с которым Герцен относился к Марксу, нашло свое яркое отражение в «Былом и думах».

К Чернышевскому, как известно, Маркс относился с большим уважением. В предисловии ко второму изданию «Капитала» Маркс писал о Чернышевском как о «великом русском ученом и критике, который в своих «Очерках политической экономии», по Миллю, мастерски выяснил банкротства «буржуазной» политической экономии». Что касается отношения Чернышевского к Марксу — в частности читал ли он «Капитал», — то очевидно, по тем данным, которыми мы располагаем, Чернышевскому работы Маркса едва ли были известны.

Для России 70-х годов, для России первых десятилетий после реформы 1861 г., ускользавшей процесс первоначального накопления капитала, характерна неразвитость капиталистических отношений. В тесной связи с отсталостью русского капитализма находилась и идеология, классовое самосознание пролетариата. В России 70-х годов процесс оформления классового самосознания пролетариата еще только начинался. Народники, считавшие основой социализма крестьянство, мечтавшие поднять крестьянство, эту единственную активно революционную творческую силу, на социалистическую революцию против основ современного общества, — народники обращали свое внимание на отсталые слои фабричных рабочих, еще связанные с деревней. Народники не отводили рабочим самостоятельной роли в социалистическом движении, капитализм и порождаемый им пролетариат они считали явлением нежелательным на русской почве: борьба против «язвы пролетариатства» была одним из устоев народнической доктрины. «Рабачему вопросу» отказывали в революционности не только революционеры-народники, но и Михайловский, либеральная и консервативная пресса, а также реакционер Катков. Однако наряду с оптимистической точкой зрения на судьбы «рабочего вопроса» в России 70-х годов существовало и радикально-народническое понимание этой социальной проблемы. Крупную роль в деле пробуждения интереса к положению рабочего класса России 70-х годов сыграла книга Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России». В этой книге Берви-Флеровский разрушил легенду, что в России в противоположность Западной Европе нет пролетариата. На основании богатого конкретного материала автор дал красочную картину бесправия и эксплуатации русского рабочего класса, под которым он понимал или сельскохозяйственных рабочих или крестьян, уходивших на отхожие промысла. Россия, убедительно доказывал Берви-Флеровский, — страна повального пауперизма, «выгоды, доставляемые народу общинным владением землей и самостоятельным хозяйством, вполне уничтожаются тем грязным телом и тем невежеством, в котором он держится». Книга Берви-Флеровского играла роль крупного пропагандистского фактора среди участников революционного движения 70-х годов. Маркс высоко ценил книгу Флеровского, ибо она разрушила «русский оптимизм» в своеобразных чертах русского исторического процесса в отличие от западноевропейского, ибо она была направлена против фантастических мечтаний Герцена и Бакунина, которые рассматривали крестьянско-общинную Россию как коммунистическое эльдорадо, призвание которого — обновить гниющую европейскую цивилизацию.

Итак, в России 70-х годов господствовала точка зрения, что «рабочий вопрос» — это лишь бич западноевропейской цивилизации, что благодаря общинному землевладению России предостоят иные пути ее социально-экономического развития; однако в лице Флеровского пробивает себе дорогу и новая радикально-народническая точка зрения об ужасах эксплуатации и бесправия русского рабочего, во всей очевидности выступают красноречивые факты, свидетельствующие о разложении русского общинного уклада. Интерес к «Капиталу» в России 70-х годов, в особенности после перевода его на русский язык, и объясняется тем обстоятельством, что «рабочий вопрос» — «язва пролетариатства» — стал в порядке дня русской действительности, что передовые представители общественной мысли пытались дать тот или иной ответ на эту жгучую проблему социальной жизни.

На страницах ряда газет и журналов были помещены рецензии на «Капитал». Рецензент «С.-Петербургских ведомостей»¹ отмечает обилие и интересную группировку фактического материала в «Капитале». Автор рецензии также отмечает живость и ясность изложения, «несмотря на научную высоту предмета». После краткого очерка эволюции буржуазной экономической мысли рецензент «Нового времени»² отмечает, что «Капитал» дает научную основу для борьбы с капитализмом.

Рецензия «Нового времени» написана в духе прудонизма. Рецензия, помещенная в «Биржевых ведомостях», представляет собой попытку дать краткое изложение «Капитала». «Биржевые ведомости»³ подменяют революционный характер учения Маркса тезисом необходимости фабричного законодательства об ограничении рабочего дня, которое является залогом свободного труда.

¹ «С.-Петербургские ведомости» № 97 от 8 апреля 1872 г.

² «Новое время» № 106 от 23 апреля (5 мая) 1872 г.

³ «Биржевые ведомости» № 147 от 30 мая 1872 г.

Кроме рецензий в газетах 70-х годов отклики на «Капитал» появились также в крупнейших журналах того времени: «Отечественные записки» и «Вестник Европы». Михайловский писал, что «Капитал» является критикой буржуазной политической экономии и представляет собою искусно обработанную историю экономического развития Англии. «Идеи и интересы, — писал Михайловский, — с которыми он (Маркс — А. Р.) борется, слишком еще слабы у нас, чтобы от их расшатывания могла воспоследовать какая-нибудь опасность. Но они уже достаточно сильны для того, чтобы для нас было обязательно призадуматься над результатами их дальнейшего развития. Вот почему мы и говорим, что книга Маркса является как нельзя более кстати»⁴.

Рецензия Кауфмана была посвящена, как известно, главным образом анализу метода Маркса. Маркс считал, что «автор, очертив так удачно то, что он называет своим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым очертил диалектический метод».

Однако самым ярким показателем пробуждения интереса к Марксу в России 70-х годов в период выхода в свет «Капитала» были работы Зиберы.

Характерная особенность экономических воззрений Зиберы — это непонимание сущности марксистской диалектики, которую он склонен был трактовать как произвольный способ изложения. По Зиберу, пригодность того или иного метода решают выводы, результаты, которые венчают исследование. Но, несмотря на трактовку диалектики лишь как произвольной схемы исследователя, Зибер правильно подчеркивает целый ряд важных положений марксовой методологии. Одной из ошибок экономистов, сказавшейся в целом ряде теорий стоимости и капитала, Зибер считает нарушение методологического правила, что всякое общественно-экономическое явление должно быть наблюдаемо в чистом виде, с соблюдением времени и места его действительного совершения. Зибер понимает своеобразие, общие черты закона как необходимого тенденции, прокладывающей себе путь сквозь хаос индивидуальных явлений, совершающихся при определенных обстоятельствах времени и места, однако он склонен трактовать категорию «закона» в духе механистического материализма. Если для Маркса было важно найти закон изменчивости явлений, закон их развития, то Зибер говорит о законе их равновесия; если для Маркса исходным пунктом исследования является движение, то Зибер превращает равновесие, являющееся моментом движения, в исходный пункт действительности теоретического ее анализа. У Зиберы мы встречаем интересные формулировки о способе исследования, о движении от абстрактного к конкретному. Так, подвергая критике буржуазные теории капитала, Зибер пишет: «вместо того чтобы, как это делается с чисто инстинктивной прозорливостью во множестве других научных вопросов и теорий, начинать исследование с наблюдения наиболее простых крупных и общих явлений капитала и постепенно переходить к тем осложнениям, которые прирастают к этим явлениям сначала вообще, потом в отдельных странах и в отдаленные эпохи, весьма многие писатели или сразу кидаются в определение наиболее сложных форм упомянутых явлений, или, что еще хуже, делают внезапный скачок от трудных и общих отношений к наиболее сложным и мелким частям... Начав же исследование или прямо с наиболее сложных явлений, или хотя и с наиболее простых, но оставляя без объяснения весь ряд промежуточных звеньев между такими явлениями и наиболее сложными, нельзя рассчитывать на достижение прочных и важных научных выводов»⁵. Таким образом Зибер очень тонко подметил ошибочность приема начинать исследование с сложных, наиболее конкретных явлений. Зибер понимает также примат общественного производства над индивидуальным. Он устанавливает ряд моментов различия между общественным и частным хозяйством. По Зиберу, частное хозяйство занимает по отношению к общественному подчиненное положение как следствие взаимного их отношения как целого и частей. Зибер считает, что в общественном хозяйстве, все части которого находятся во взаимной зависимости между собою, наиболее рельефно проявляются результаты простого и сложного сотрудничества, которые порождают значительное увеличение производительной силы труда. Таким образом Зибер правильно подметил существенный принцип марксовой методологии политической экономии, что задача науки — раскрытие связей и закономерностей общественного производства, которые определяют явления индивидуального производства. Таким образом Зиберу был ясен ряд положений марксовой методологии, как например значение абстракции, примат общественного производства над индивидуальным. В своей аргументации, что основой стоимости является труд, Зибер отправляется от труда как фактора, конституирующего общество, Зибер правильно связывает теорию стоимости с понятием

⁴ По поводу русского издания книги Карла Маркса «Отечественные записки», 1872 г. № 4, стр. 184.

⁵ Н. Зибер, Теория ценности и капитал Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями, Киев 1871 г., стр. 192—193.

общества. Однако у Зибера встречаются формулировки, где он скатывается к взгляду о наличии стоимости и прибавочной стоимости в царстве животных.

Хотя Зибер и понимает, что основой стоимости является труд, и этот тезис проводится им через все его исследования, однако анализ категорий стоимости и меновой стоимости у Зибера окрашен в субъективистические тона. По Зиберу, в изолированном хозяйстве понятие стоимости совпадает с трудом, в хозяйстве же меновом оно означает труд, выраженный в числе единиц другого продукта, т. е. меновую стоимость.

«...Меновые отношения, — пишет Зибер, — немыслимы без ценности, но ценность мыслима и без меновых отношений»⁶. Таким образом для Зибера характерен разрыв между стоимостью и меновой стоимостью, категорию стоимости Зибер считает приложимой и к тем общественным формациям, в которых нет обмена. Но этим не исчерпываются искажения Зибером марксовой теории стоимости. Стоимость интерпретируется Зибером то как категория объективная, реально существующая, то как фикция, иллюзорная форма мышления агентов капиталистического способа производства. По Зиберу, как категория стоимости, так и категория потребительной стоимости представляют собой фикции, реальными же явлениями он считает разделение труда в обществе и двойной характер труда. Зибер неоднократно указывает, что в своем анализе стоимости Маркс говорит не от своего имени, а от имени тех иллюзорных фантастических представлений, которые существуют в капиталистическом обществе.

Субъективистически трактует Зибер также и своеобразие явлений товарного фетишизма. Так например, излагая учение Маркса о формах стоимости, Зибер пишет: «Следя за постепенными усложнениями менового процесса, автор «Капитала» выясняет, каким образом отражаются в умах людей явления этого процесса, как сама необходимость толкает их к спиритической материализации своего же собственного конкретного и полезного труда под видом труда общечеловеческого и как затем люди начинают поклоняться созданному ими самими идолу — всеобщему эквиваленту или золоту. Всю совокупность этих понятий, весь этот особенный и вполне необходимый способ воззрения людей на свою общественную организацию Маркс характеризует названием **форм ценности** и различает целый ряд подобных форм... Отсюда ясно, что все эти формы в глазах Маркса представляют собою не реальные явления, а только углы зрения, под которыми люди рассматривают в данное время свои собственные отношения — всеобщие и установившиеся формы мышления известной эпохи экономического развития». Таким образом Зибер трактует товарный фетишизм лишь как формы мышления, иллюзии и заблуждения хозяйствующих субъектов товарнокапиталистического общества; он не понимает, что эта надстройка иллюзорных, фантастических форм мышления возвышается на базе товарного фетишизма как объективного явления, как специфической характеристики исторически обусловленных производственных отношений, Зибер дает объяснение явлений товарного фетишизма в духе ярко выраженного субъективизма.

По Зиберу, теория Маркса о деньгах обогатила экономическую науку двумя крупными вкладками: она выяснила генетическое развитие денежного обмена и строго обособила в исследовании специальные свойства различных денежных функций. Зибер дает и весьма содержательное определение денег как овеществления непосредственно общественного труда; вообще для Зибера характерно понимание денег как неизбежного и необходимого фактора процесса обмена. В своем анализе функций денег Зибер тонко замечает, что они находятся во взаимозависимости и развиваются одна из другой. Но если Зибер правильно указывает на необходимость денег, если он дает правильную характеристику взаимосвязи различных функций денег, то ему и на данной ступени анализа не удалось избежать субъективистических тенденций. Маркс, утверждает Зибер в своем учении о деньгах, говорит не от своего имени, а от имени всего буржуазного общества, «которое смотрит на этот предмет не только с метафизической, но даже с фетишистической точки зрения, т. е. приписывая материи, силам внешнего мира человеческие качества». Следует отметить также содержательный анализ категории капитала, который дает Зибер. Зибер неоднократно говорит о том, что капитал не вещь, а производственное отношение, исторически обусловленное. Интересные страницы Зибер посвящает теории кооперации у Маркса, теории накопления капитала и т. п. Отметим лишь ошибочный тезис Зибера, что в чистом капитализме невозможно накопление капитала. Но что характерно для всей концепции Зибера, так это переоценка Рикардо — неадекватная оценка соотношения экономических систем Маркса и Рикардо. Так на пример, давая сравнительную оценку теорий стоимости и денег Маркса и Рикардо, Зибер заявляет, что исследования Маркса представляют собой дальнейшее развитие тех основных начал политической экономии, которые были заложены классиками, обогащенные успехами новейшего общественно-экономического изучения. В своем сравнительном анализе теории капитала и прибавочной стоимости у Маркса и Рикардо Зибер также отмечает, что роль Маркса свелась лишь к более точной формулировке тех глу-

⁶ Н. З и б е р, Теория ценности и капитала Д. Рикард в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями, Киев, 1871 г., стр. 48—49.

боких положений, которые были обоснованы Рикардо. Таким образом то своеобразное и оригинальное, новые вехи которого проложил Маркс в экономической науке, Зибером не было понято. В заключение отметим, что Зибером совершенно не была понята революционная сторона учения Маркса, что «Капитал» является теоретическим обоснованием тактики и стратегии классово́й борьбы, что «Капитал» — теоретическое обоснование научного коммунизма. Однако за Зибером остается заслуга первого талантливом интерпретатора и популяризатора «Капитала», первого пропагандиста экономических идей «Капитала» с университетской кафедры в условиях самодержавного режима старой России. Вот почему Маркс высоко ценил Зиберу, вот почему Маркс писал о его книге «Теория ценности и капитала Д. Рикардо», что «при чтении этой ценной книги западно-европейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения»⁷.

Наряду с благожелательным отношением к «Капиталу» в России 70-х годов намечается и «критическое» отношение к экономическому учению Маркса, которое нашло свое отражение в полемике между виднейшими учеными и публицистами того времени — Жуковским, Михайловским, Зибером и Чичериным. Серию критических откликов на «Капитал» открыл Ю. Жуковский.

Маркс, по Жуковскому, является представителем формалистического направления в политической экономии, основной порок которого Ю. Жуковский видит в том, что «форма представлялась этому направлению» исключительно зависящей от произвола человека и не зависящей ни от внешних материальных условий, ни от природы или степени развития человеческой личности, что «все слабые стороны материального положения были отнесены к недостаткам в формах, и потому устранение их было поставлено в прямую зависимость от изменения этих форм»⁸.

Жуковский полагает, что, по Марксу, «процесс развития человечества был чисто прозябательный и его сознание составляло лишний придаток такого чисто растительного процесса...» Провозгласив, что анализ Маркса ограничивается «морфологией» общества, т. е. юридической и политической его стороной, Жуковский далее указывает, что исследование Маркса направлено к тому, чтобы объяснить все темные стороны европейской жизни нарушением начала личной собственности по отношению к работнику. «Капитал», по Жуковскому, — апология прав рабочих. «По Марксу, — пишет Жуковский, — каждому должно принадлежать то, что он производит, и та доля общей выработки, которой он служит виновником». Таким образом, по Жуковскому, Маркс является представителем формалистического направления, рассматривающего исторический процесс как игру случайностей. В трактовке Ю. Жуковского Маркс выступает как социалист-утопист, социальным идеалом которого является общественный строй, где работнику принадлежит полный продукт его труда.

«Капитал» Маркса представляется Жуковскому как хитросплетенная цепь априорных умозаключений, назначение которых — обоснование утопических идеалов его автора. Диалектика Маркса, по Жуковскому — царство теней, пустое жонглирование понятиями. Жуковский считает, что «для существа дела все эти диалектические доказательства тех положений, которые доказывает Маркс, не имеют никакого интереса...» В своем анализе марксовых категорий Ю. Жуковский с большой энергией обрушивается на краеугольный камень экономического учения Маркса — на теорию прибавочной стоимости. Жуковский не согласен с учением Маркса о рабочей силе как товаре, с учением Маркса о стоимости рабочей силы. По Жуковскому, величина оплаты труда определяется выработкой рабочего, производящего без участия капитала. «...Без содействия машин, — пишет Ю. Жуковский, — работник отработывает свое содержание... в течение того времени, в которое на последнем обрабатываемом участке, не приносящем никакой ренты, свободный работник отработывает свое содержание; это время может быть при благоприятных условиях менее одного рабочего дня, но оно непрестанно стремится к этой величине и всегда выражает действительную рабочую плату, получаемую работником». Если бы труд рабочего был производительнее его рабочей платы, то что заставляло бы рабочего, спрашивает Ю. Жуковский, пойти на фабрику? В противоположность Марксу Ю. Жуковский строит теорию прибыли, весьма близкую в теории Сэя. По Жуковскому, прибыль создается благодаря совместному действию природы, физического труда и психического труда, причем природе принадлежит главенствующая роль. Энергетическая точка зрения Жуковского страдает грубейшим методологическим пороком — смешением потребительной стоимости со стоимостью; теория «факторов» производства нашего критика подобно учению «производительных услуг» Сэя носит ярко выраженный характер апологии капитализма.

Итак, по Жуковскому, Маркс — представитель утопического социализма. Как социолог Маркс, по Жуковскому, представитель формалистического накопления, рассматривающего исторический процесс как игру случайностей; как экономист, Маркс в целях

⁷ Маркс, Капитал, т. I.

⁸ Ю. Жуковский, Карл Маркс и его книга о «Капитале», Вестник Европы, 1877 г., кн. 5, стр. 66.

апологии прав рабочих оперирует априорными диалектическими дедукциями. Положительные взгляды Ю. Жуковского близки к вульгарному Сэю, с тем же грубым смешением потребительной стоимости и с той же неприкрытой апологетикой капитализма.

Критический очерк Ю. Жуковского прежде всего был подвергнут обстоятельному разбору Н. К. Михайловским. В отличие от Жуковского, который воспринимал «Капитал» как формальное исследование, посвященное анализу юридических и политических отношений, Михайловский понимает основную идею «Капитала» как закон движения капиталистического общества. «Весь «Капитал», — пишет Михайловский, — посвящен исследованию того, что раз возникшая общественная форма все развивается, усиливает свои технические черты, подчиняя себе, ассимилируя открытия, изобретения, улучшения способов производства, новые рынки, самую науку, заставляя их работать на себя, и как наконец дальнейших изменений материальных условий данная форма выдержать не может»⁹. Михайловский однако соглашается с оценкой диалектического метода Маркса у Жуковского. «Обвинение в гегелевщине, — соглашается Михайловский с Жуковским, — остается в полной силе. Не служит ли она... у Маркса... только случайной внешней рамкой, в которую автор вставил выводы, добытые не априористическим путем, а строгим анализом фактов?»¹⁰. Таким образом, по Михайловскому, «Капитал» представляет собой сооружение, базирующееся на огромном фактическом материале, диалектический же метод Маркса, который отождествляется им с гегелевской диалектикой, третируется им как схоластика, как ненужный привесок к стилю. Основной порок рассуждений Михайловского заключается в непонимании, что «свободное движение в материале» есть не что иное, как парафраза известного метода изучения материала, — именно диалектического метода II. С резкой критикой выступает Михайловский против взгляда на психический труд как источник прибыли. По Михайловскому, психический труд отнюдь не является самостоятельным фактором, он распадается на природную способность, знание и собственно труд.

По Михайловскому, капиталист не потому получает прибыль, что он представитель психического труда, а потому что он — олицетворение капитала. Маркс, по Михайловскому, неправильно понял Жуковским потому, что он игнорирует связь его экономического учения с классической школой. «Основная нить, связывающая Маркса с классиками, — пишет Михайловский, — состоит в положении, что источник и мерило ценности есть труд. Это тезис чисто научный, теоретический, достаточно разработанный, чтобы была какая-нибудь надобность здесь его доказывать»¹².

Таким образом Михайловский правильно подметил некоторые основные идеи «Капитала». Однако для Михайловского осталась непонятой душа «Капитала» — материалистическая диалектика; историю человеческого общества в изображении Маркса он склонен был трактовать как процесс фаталистический, где необходимость исключает свободу как процесс, обрекающий людей на роль марионеток. Так например, эскиз Маркса о генезисе западноевропейского капитализма Михайловский превратил в концепцию, обязательную для всех народов независимо от специфических условий времени и места, следовательно и обязательную для России.

Против Жуковского наряду с Михайловским выступил с критическим этюдом также и Зибер. Зибер считает неправильным тезис Ю. Жуковского, что Маркс ограничивается исследованием исключительно формальной стороны общества. «Мы остаемся при том убеждении, — пишет Зибер, — что исследование задачи материальной всюду предшествует у Маркса формальной стороне его работы... Маркс шаг за шагом ведет своих читателей по лабиринту капиталистического производства и, анализируя все составные его элементы, дает нам понять временный его характер».

В трактовке диалектического метода Зибер готов согласиться с обвинениями критиков, что «диалектическую сторону своего изложения Маркс... мог бы действительно немножко сократить, не нанося тем ни малейшего ущерба делу». Выбору того или иного метода Зибер вообще не придает серьезного значения. Все методы хороши, если они приводят к правильным выводам. Конец — делу венец, вывод как результат исследования, является, по Зиберу, пробным камнем правомерности примененного метода.

Зибер различает способ изложения у Маркса, который носит априорный характер, и самое содержание его учения, опирающееся на факты реальной жизни.

Таким образом взгляды Зибера на диалектику как на произвольную схему исследования, как на априористический способ изложения характеризуются отчетливо выраженными чертами субъективизма. Не избежал Зибер субъективистских тенденций в трактовке категории стоимости. По Зиберу, в своем анализе стоимости Маркс говорит не от своего имени, а от имени буржуазного общества. Субъективизмом окрашены также и рассуждения Зибера о роли денег при капитализме.

⁹ Н. К. Михайловский, Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского, «Отечественные записки», октябрь 1877 г., стр. 339.

¹⁰ Там же, стр. 335—336.

¹¹ Письма Маркса к Кугельману, Гиз, 1928 г., стр. 87.

¹² Н. К. Михайловский, Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского, «Отечественные записки», октябрь 1877 г., стр. 351.

Если для Маркса удвоенное существование товара в виде товара и денег есть закон выражения продукта, являющегося товаром... то Зибер рассматривает деньги как чисто отвлеченный процесс «примирения противоречий».

Следует отметить далее правильную постановку у Зибера вопроса о субстанции стоимости. Жуковский считал, что источником прибавочной стоимости является не только труд, но и дерево, земля, скот и т. п. «...В обществе людей, — писал Зибер, — которым, как известно, только и занимается общественная экономия, лошадь есть то же самое, что и какая-нибудь сила пара или ветра или иная д а р о в а я сила внешней природы, и ценится в ней только труд ухода и труд на производство и доставление ей корму». В противном случае можно было бы подумать, как это почти и утверждает г. Жуковский, что силы природы сами имеют ценность или даже меновую, оплачиваемую в обмен, ценность не только в виде ренты, но также и как труд природы. Но эта точка зрения в ней только упоминается. То обстоятельство, что основой стоимости является труд, Зибер правильно связывает с определением политической экономии как науки общественной. Интересны также рассуждения Зибера, посвященные категории капитала. Ошибку Жуковского в трактовке категории капитала Зибер видит в том, что он, подобно вулгарным экономистам, непрочь назвать капиталом лук дикаря-охотника. По Зиберу, капитал не вещь, а производственное отношение, исторически обусловленное. «Из всей совокупности исследований Маркса, — пишет Зибер, — со всей очевидностью следует, что он под капиталом разумеет совсем не ту или другую вещь, а только общественное отношение между лицами, выражаемое посредством вещей»¹²⁰.

Таким образом антикритика Зибера, которую мы разобрали лишь в общих чертах, при всех ее погрешностях, — субъективистическая трактовка метода и диалектики, — интересна и содержательна.

С своеобразной критикой «Капитала» выступил Б. Чичерин, блестящую антикритику которой дал Зибер. Диалектика Маркса, полагает Чичерин, служит двум разным богам: крайнему материализму — поскольку, по Марксу, истина лежит в действительности, т. е. в материальном мире — и крайнему идеализму — поскольку диалектический метод критичен и революционен, поскольку он указывает на необходимость гибели «каждой окрепшей формы в потоке движения». «Для человека, знакомого с философией и умеющего связывать свои мысли, — пишет Чичерин, — действительно трудно понять, каким образом материализм и социализм могут совмещаться в одной голове. Но в действительности, это — обыкновенное явление».

«Капитал» Маркса, как полагает Чичерин, представляет собой искусно придуманную игру категорий; у Маркса, по Чичерину, «...нет ни умозрения, ни опыта, а есть только логические фокусы, которые выкидываются для заданной наперед цели». В ответ на эти соображения Чичерина по поводу метода Маркса Зибер указывает, что Чичерин смешал две совершенно различные вещи — «признание действительности» и «защиту действительности». «Можно действительность не признавать, — пишет Зибер, — и одновременно с этим стоять за нее всем существом своим, и... наоборот, можно считать действительность за то, что она есть, и при этом доказывать ее прочность и несотоятельность... Маркс отлично знает, что действительность сама по себе, а способ нашего понимания этой действительности и до известной степени самого отношения к ней опять-таки сам по себе и что настоящая действительность столь же преходящая, как и все прошедшее». Зибер конечно прав с точки зрения «простого человеческого смысла», на который он ссылается. Характерно однако, что Зибер не критикует взгляда Чичерина на диалектику как на произвольную схему исследования, назначение которой обосновать заранее данные положения. Свою общую точку зрения на экономическую систему Маркса Чичерин пытается обосновать путем анализа отдельных категорий «Капитала». По Чичерину, утверждение Маркса, что меновая стоимость не содержит в себе ни одного атома потребительной стоимости, противоречит фактам действительности. Основанием количественного сравнения различных товаров Чичерин считает их общую полезность, факторами же, определяющими стоимость товаров, он считает спрос и предложение. По Марксу, при отвлечении потребительной стоимости т о в а р а выступают продукты общечеловеческого труда. «Почему же, — спрашивает Чичерин, — это единственное остающееся качество? Я например покупаю лес и плачу за него золотом. Неужели, независимо от полезности этих предметов, единственное их качество то, что они оба составляют произведения труда? Но ведь они точно так же, и еще в гораздо большей степени, произведения природы. В покупаемый мною лес, может быть, не положено никакого труда, а я все-таки за него плачу, иногда даже очень дорого, смотря по обстоятельствам. Очевидно труд берется тут как деятель производства; но сам Карл Маркс признает, что он не единственный деятель: есть еще и природа. Есть и капитал. Меняемые предметы могут сами быть капиталом, т. е. служить деятелями производства. Это тоже составляет их качество, которое дает им ценность. Почему же все это оставляется в стороне и берется один труд? Потому, что так угодно автору»¹²¹.

¹²⁰ Н. Зибер. Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки», ноябрь 1877 г.

¹²¹ Чичерин, Сборник государственных знаний, т. VI, 1878 г., стр. 6.

Таким образом в своей критике Маркса Чичерин недоумевает, почему труд — единственная субстанция стоимости. В своей антикритике Зибер правильно указывает, что Чичерин не понимает роли и значения категории потребительной стоимости в экономической системе Маркса. «Г-н Чичерин, — пишет Зибер, — повидимому никак не может взять в толк того обстоятельства, что природная полезность предметов хотя и состоит налицо в каждом меновом отношении, но сама по себе никакого обмена, а следовательно и меновой ценности обуславливать не может, потому что берется всяким у природы даром. Ему, не искусившемуся в методологии совершенно чуждой ему науки, постоянно мерещатся при этом частные случаи современного сложного хозяйства, когда за известное произведение природы платят высокую цену единственно потому, что оно принадлежит Ивану или Петру, поставленным в особенно выгодное положение. Но к сожалению и тут классическая политическая экономия уже предупредила г. Чичерина, подводя все такие случаи под действие закона ренты»¹⁴. Зибер правильно указывает на порочность аргументации Чичерина, что она сводится к непониманию своеобразия категории потребительной стоимости. В своем утверждении, что в создании стоимости наряду с трудом участвуют природа и капитал, Чичерин выступает как последователь вульгарно-апологетических взглядов Сэя с его учением трех «производительных фондов».

Неправильным считает также Чичерин учение Маркса о приведении сложного труда к простому. Маркс, по Чичерину, совершает две ошибки: 1) по Марксу, стоимость продукта сложного труда определяется не количеством труда, а его качеством; 2) у Маркса отсутствует указание на масштаб стоимости, который сделал бы возможным практическое сравнение труда различной квалификации. «...Картина Рафаэля, — пишет Чичерин, — будет иметь меньшую цену, нежели картина самого бездарного труженика, если она написана в более скорое время. Тут нельзя сослаться на то, что в картине Рафаэля оплачивается предыдущая подготовительная работа художника. Труженик и прежде мог работать даже более Рафаэля: гению достается легко то, что труженик никогда не достигает даже кропотливой работой. Следовательно, — заключает Чичерин, — приходится или признать, что стоимость произведений определяется не одним количеством, но и качеством работы, или опровергнуть самые очевидные и неотразимые факты, как не имеющие законного основания»¹⁵. Таким образом Чичерин требует от Маркса эмпирического доказательства его теории редукации; методологическая ошибка подобных воззрений заключается во взгляде на стоимость не как на закон стихийно складывающихся цен, а как на средство установления устойчивого и справедливого соотношения цен их товара, — на подобной методологической ошибке построена утопия рабочих денег и учение Прудона о конституированной стоимости. В своей антикритике Чичерина Зибер правильно указывает, что частные случаи высокой оценки невоспроизводимых благ не являются нарушением закона стоимости, что стоимость продукта сложного труда связана с специальной предварительной подготовкой и что сведение сложного труда к простому представляет собой стихийный общественный процесс, который не связан с вопросом о практическом мере стоимости. Зибер писал: «...Необходимо заметить, что общественный строй держится, восстанавливается и изменяется в своем составе совершенно независимо от того, дорого или дешево покупается неработающими классами какой-нибудь десяток картин Рафаэля, точно так же и от того, дорого или дешево получают за свою красоту какая-нибудь госпожа Лавальер или Монгеспан»¹⁶. Неправильным считает также Чичерин и учение Маркса об общественно-необходимом труде. Если при анализе простого и сложного труда Маркс, полагает Чичерин, откинул качественную сторону труда и взял лишь его количественную определенность, то при анализе общественно-необходимого труда Маркс отбрасывает бесконечное разнообразие единичных сил и берет лишь одну общую рабочую силу. «По этой теории, — пишет Чичерин, — мы должны будем сказать, что на всемирном рынке цена товаров определяется средним рабочим временем всего человеческого рода как единой рабочей силы. Но ведь это чистая нелепость. Когда мы принимаем за мерило действительных отношений фиктивную и никому не известную единицу, это означает только, что мы совершенно сблизись с дороги. На деле цена товаров определяется отнюдь не выводом среднего рабочего времени для всего человеческого рода, а просто борьбой частных сил. Более дешевые товары вытесняют с рынка более дорогие. Конкуренция же происходит вовсе не от того, что разнообразные силы сводятся к одной, а именно от того, что силы разные»¹⁷. Таким образом Чичерин считает реальностью только единичную рабочую силу, совокупная рабочая сила — фикция, априорная конструкция исследователя. Чичерин следовательно не понимает, что индивидуальный труд превращается в общественно-необходимый труд, что в стоимости товарного мира выражается совокупная рабочая сила общества, хотя она состоит из бесчисленных единичных рабочих сил, — для Чичерина характерно грубое смешение стоимости с ценой. В своей антикритике Зибер правильно отмечает, что аргу-

¹⁴ Зибер, Чичерин, «contra Маркс», «Слово», II, 1879 г., стр. 72.

¹⁵ «Сборник государственных знаний», т. VI, стр. 8.

¹⁶ Зибер, Чичерин «contra Маркс», «Слово», II, 1879 г., стр. 76.

¹⁷ «Сборник государственных знаний», т. VI, 1878 г., стр. 11.

ментация Чичерина напоминает глубокомысленные рассуждения Ключникова, который в своем «Марева» писал, что молодого поколения не существует, потому что люди рождаются каждую минуту. «Если бы эта новая, преисполненная чисто ключниковского глубокомыслия, — пишет Зибер, — выходка стоила опровержения, то мы бы отослали г. Чичерина на лондонскую биржу за справками о том, продается ли там в данный день один пуд шерсти или льна по одинаковой или же различной цене со всяким другим пудом такой же шерсти или льна, т. е. принимаются или не принимаются при определении цены в расчет те бесконечно разнообразные «единичные силы», которые изготовляют лен и шерсть в различных закоулках нашего обширного отечества. Интересно было бы узнать, сумел ли бы г. Чичерин подметить в подобной оптовой цене какой-нибудь самоновейший след тех «единичных сил», которые вошли в состав нашего вывоза товаров».

По поводу анализа простой формы стоимости с ее диалектикой относительной и эквивалентной форм стоимости Чичерин замечает, что «это просто логическая игра, в которой неумелый игрок не знает, где у него наконец очутится понятие».

Маркс переходит к анализу денег, полагает Чичерин, «утвердивши меновую ценность на... метафизической пляске товара».

Зибер путаный ход рассуждений Чичерина, который мы здесь не можем подробно воспроизвести, подвергает обстоятельному разбору. Однако, как это было уже нами отмечено при анализе его основной работы, Зибер трактует категории политической экономии — стоимости, меновую стоимость, товарный фетишизм, деньги — субъективистически как формы мышления хозяйствующих субъектов и только. Так например, Зибер пишет: «В действительности всякая меновая ценность, всякое отражение или выражение ее и пр. представляют не что иное, как миф, а существует только общественно разделенный труд, который в силу единства человеческой природы ищет для себя объединения и находит его в странной, уродливой форме товаров и денег». Что касается воззрений Чичерина на капитал, то, с одной стороны, он считает, что у Маркса капитал существует лишь в денежной форме, с другой стороны, что капитал — вечная категория, без которой немислимо производство.

Стоимость, по Чичерину, создается в сфере обращения, учение же Маркса о рабочей силе как товаре, полагает Чичерин, противоречит фактам действительности.

Учение Маркса о рабочей силе как товаре является, по Чичерину, искусным приемом в целях обоснования эксплуатации рабочего. В отличие от Маркса Чичерин признает лишь категорию цены труда, трактуя ее в стиле обыденного сознания деятелей капиталистического способа производства и их идеологов. Основная ошибка Чичерина была вскрыта Зибером, который показал, что в своем смешении рабочей силы с трудом Чичерин отказывается от научных завоеваний классической политической экономии, ибо тяготеет к стоимости рабочей силы к стоимости средств существования рабочего признаю рядом крупных экономистов. Однако Зибер недооценивает то новое, что внес Маркс в трактовку рабочей силы как товара по сравнению с классической школой. Зибер то новое, что внес Маркс по сравнению с классиками в учение о заработной плате, сводит лишь к уточнениям терминологического характера, не понимая того, что Маркс впервые дал анализ заработной платы или цены труда как иррациональной формы проявления скрывающегося за ней отношения стоимости или цены рабочей силы и что это — один из важнейших элементов «Капитала».

Чичерин подвергает также критике учение Маркса о прибавочной стоимости; то, что Маркс называет производительностью труда, по Чичерину, на самом деле есть производительная сила капитала. Прибыль, по Чичерину, есть результат производительной силы капитала. Чичерин подвергает также критике изложенные Марксом в «Капитале» тенденции капиталистического развития. Он возражает против теории концентрации производства, он полагает, что в Европе, наоборот, происходит рост среднего класса. Чичерин превосходно понимает, что «Капитал» является обоснованием гибели капитализма. Против революционных выводов «Капитала» Чичерин ополчается с большой силой. «Социальный вопрос, — пишет Чичерин, — всегда был и будет камнем преткновения демократии. Когда государственная власть находится в руках неимущих, нужно много нравственной силы и высокое развитие, чтобы пытаться обратить ее в орудие обогащения. А именно к этому-то и побуждают рабочие массы те утопии, которые, как Карл Маркс, берутся быть их руководителями. Они пользуются их невежеством, чтобы подменить науки проповедывать им учения, разрушительные для человеческих обществ»¹⁸.

В заключение Чичерин поет дифирамбы буржуазной политической экономии за ее высокую научность; вывод Чичерина, — что только легкомыслие и невежество могут доставить Марксу последователей. Зибер тонко и содержательно вскрыл вульгарный характер рассуждений Чичерина о производительности капитала, однако на революционной стороне учения Маркса Зибер не останавливается. Таким образом Чичерин учению Маркса противопоставил учение вульгарного Сэя. Антикритика Зибера была содержательна и интересна, но при всем этом для нее характерны, как и вообще для всех работ Зибера, непонимание диалектики, субъективистическая трактовка категорий, непонимание революционной стороны экономического учения Маркса.

¹⁸ «Сборник государственных знаний», т. VI, стр. 38.

В ряде очерков и мемуаров, посвященных 70-м годам, ряд авторов свидетельствует о громадной популярности и пропагандистской роли «Капитала» среди революционной молодежи того времени, об изучении «Капитала» в ряде революционных кружков не только столичных городов, но и глубокой провинции. Во многих очерках мы встречаем указания, что кружок «чайковцев», уделявший значительную часть своих средств, труда и времени на распространение легальных изданий в целях пробуждения серьезного интереса к социально-экономическим проблемам, в числе прочих книг распространял по провинции и «Капитал» Маркса¹⁹. «Капитал» Маркса привлекал интерес как в кружках «бунтарей» — учеников Бакунина, так и «федералистов», державшихся за Лаврова. О чтении «Капитала» в кружках такого рода мы встречаем указания у Н. С. Русанова.

В первой половине 70-х годов, пишет автор, «как пороховая дорожка начала бежать среди русской интеллигенции из столицы в большие провинциальные центры, из центров по всем городам и несла весть о новой великой книге—«Капитале» Маркса,—которая как бы отменяет весь старый экономический завет и вводит новый»²⁰. «Чуткая молодежь,—продолжает автор,—отчасти под влиянием вестей от эмиграции и от своих товарищей, живших за границей, особенно в Цюрихе, скоро поняла значение этой книги.

Жанрлары с удивлением начали почти при всех обысках рядом с чисто агитационной литературой находить и «Капитал» Маркса»²².

Интересен отзыв о популярности «Капитала» одного из наиболее крупных участников процесса 193-х Ковалика. Автор красочно рисует пропагандистскую роль «Капитала», который пробуждал в молодежи ненависть к господствующему социально-политическому режиму. Автор пишет: «В 1870 г. появился в русском переводе I том «Капитала». Стройностью системы и глубиной критики Маркс произвел на интеллигентскую молодежь большое впечатление, которое по силе можно сравнить разве с тем, которое в свое время вызвал Дарвин. Немного конечно одолели Маркса, но идеи его, изложенные в «Капитале», стали входить в общий оборот. Другие, более ранние произведения Маркса оставались неизвестными широкой публике; поэтому экономическим материализмом и вопросами историософии семидесятники, читавшие только I том «Капитала», мало занимались. Широко распространялось лишь чисто экономическое учение Маркса о трудовой ценности и взгляды его на отношения между трудом и капиталом. Семидесятники ощутили в своих сердцах ненависть к эксплуатации труда, капиталистам и без колебаний признали освобождение труда одной из первых задач всякой прогрессивной программы. Далее этого не шло значение Маркса, и никто из семидесятников не признавал его отцом научного социализма. Молодежь того времени и после прочтения «Капитала» продолжала оставаться на точке зрения так называемого ныне «утопического социализма» и признавала своими учителями Чернышевского, а вскоре потом Лаврова и Бакунина»²¹.

На популярность «Капитала» среди революционной молодежи 70-х годов указывает и Вера Фигнер. Так например, она пишет, что в середине 70-х годов «наиболее популярными среди университетской молодежи были произведения Маркса и Лассаля, а затем заграничный журнал Лаврова «Вперед» и другие революционные издания»²³.

В ряде воспоминаний мы встречаем указания на пропаганду в России 70-х годов «Капитала» и среди рабочих.

В своих воспоминаниях, посвященных московским революционным кружкам второй половины 70-х годов, в частности революционной пропаганде среди московских рабочих, С. А. Викторова-Вальтер указывает на большой интерес к Марксу, который проявился после первого периода хождения в народ (1874 г.). Автор указывает на интерес к теории Маркса среди рабочих-лавривстов. Любопытно также указание автора воспоминаний, что на одной из сходок 1873 г., в которой лавристы сражались с анархистами-бакунистами, выступал Г. В. Плеханов²⁴. О пропаганде членами «Земли и воли» «Капитала» Маркса среди рабочих рассказывает М. Р. Попов. М. Р. Попов считает несправедливым упрек, что народники игнорировали пролетариат. Автор пишет: «Нас часто социал-демократы упрекали в том, что мы, народники, мало посвящали внимания пролетариату. Это неправда. Например я, будучи членом «Земли и воли», вел чтения с рабочими в Калинин и именно знакомил их с социально-экономическими учениями Маркса. С первыми главами «Капитала» Маркса я знакомил их по Мосту, для чего он переводился, а я им прочитывал;

¹⁹ С. Чудновский, Отрывки из воспоминаний, 1871—1873 гг., «Исторический сборник 1907 г.» № 1, стр. 332; Н. Н. Драго, Записки старого народника, «Каторга и ссылка» № 6, 1928 г. и др.

²⁰ Н. С. Русанов, Из моих воспоминаний, Книга 1-я, Изд-во «З. М.», Берлин, 1923 г., стр. 115.

²¹ Там же, стр. 116.

²² Старик (Ковалик С. Ф.), Движение 70-х годов по Большому процессу (193-х). «Былое» № 10, 1906 г., П., стр. 5—6.

²³ В. Н. Фигнер, Михаил Николаевич Тригонин, «Голос минувшего» VII—VIII, 1917 г.

²⁴ С. А. Викторова-Вальтер, Из жизни революционной молодежи второй половины 70-х годов, «Каторга и ссылка» № 4/11, 1924 г., стр. 72.

«Рабочий день» и все остальные главы Маркса читались мною им с объяснением по подлиннику этого капитального труда Маркса»²⁵.

В последние дни был опубликован красочно написанный рассказ пролетарского писателя А. Серафимовича, где в яркой художественной форме автор повествует о чтении «Капитала» в одном из кружков. Автор пишет: «Заставив нас мучительно преодолеть первые трудности, Маркс дальше разворачивался неотразимо увлекательно, как роман. Как гениальный художник он рисовал колоссальные потрясающие картины рабочей жизни в Англии, картины первоначального накопления и железный ход вещей, который неминуемо ведет теперешний капиталистический строй к социалистическому. И среди мрака царского и буржуазного владычества для нас загорался вдаль ослепительно яркий огонь надвигающегося, и кругом посветлело: явился смысл жить, работать, бороться».

Приведенные нами свидетельства современников героического народничества 70-х годов указывают нам на популярность «Капитала» Маркса среди революционной молодежи той эпохи. Воспоминания и мемуары революционных деятелей той эпохи свидетельствуют о том, что наряду с интересом к «Капиталу» Маркса в легальной печати, где вокруг экономического учения Маркса на арене журналистики разыгрывались туре иры, в которых участвовали крупнейшие ученые и публицисты России, — живой интерес к «Капиталу» проявлял и революционер-народник, которого «Капитал» вдохновлял на борьбу с современным ему социально-политическим режимом, который воспринимал «Капитал» как призыв к революционному действию. Однако для первых читателей «Капитала» в России из лагеря революционного народничества характерно непонимание подлинной системы взглядов Маркса, революционер-народник получал от «Капитала» эмоциональную зарядку для борьбы против социально-политического режима самодержавной России.

Иногда в воспоминаниях перед нами мелькают тени ранних русских марксистов. Однако по воспоминаниям судить о характере исповедуемых ими взглядов трудно, ибо воспроизвести с точностью то, что высказывалось в устной беседе 50 лет назад, едва ли возможно. Однако мы располагаем документами, в частности письмами, которые свидетельствуют о том, что марксизм имел в России 70-х годов своих сторонников.

80-е годы знаменуют собой новый этап в истории русского марксизма, когда на сцену выступает группа «Освобождение труда» со своим блестящим представителем Г. В. Плехановым.

Рабочее движение в России 70-х годов, как мы уже указывали, было развито крайне слабо. «Оно проявлялось, — пишет П. Орловский, — не в формах массового движения, а лишь путем выделения отдельных более развитых лиц и групп, и выступало оно не в качестве самостоятельного классового движения, а в качестве левого крыла революционно-демократической армии». Однако то обстоятельство, что в 70-х годах были организованы два первых рабочих объединения — Южнороссийский союз рабочих и Севернорусский рабочий союз, — выдвинувших программы, где наряду с элементами народнической доктрины своеобразно уживались идеи западноевропейской социал-демократии и лассальянства, — не могло не привести к тому, о чем написал Плеханов: «К 1879 г. рабочее движение переросло народническое учение на целую голову».

В конце 70-х годов, после Воронежского съезда, произошел раскол партии «Земля и воля» на две партии — «Народную волю», которая вступила на путь террористической борьбы, и «Черный передел», к которому примкнули ортодоксальные народники. Группа «Черный передел», основавшая орган такого же названия, хотя и считала, что гегемоном социалистического движения является крестьянство, связанное с общинным землевладением, наряду с этим должна была признать, что община разлагается, что нужда гонит крестьян на фабрики и заводы, что социалистическая пропаганда наиболее радушный прием встречает в местностях, где капитализм наиболее развит, и что «капитализм подготавливает почву социализму и является его необходимым предшественником».

Под влиянием практики рабочего движения в России и на Западе, в результате знакомства с социал-демократической литературой бывшие чернопеределцы, убедившись в невозможности совместной работы с «Народной волей», в 1883 г. организовали группу «Освобождение труда», в которую вошли: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и П. И. Игнатов. Еще в народнический период своей революционной деятельности Плеханов был знаком с Марксом и часто в своих работах ссылался на его произведения, в частности на «Капитал». В 1878 г. Плеханов был уже правительственным народником.

Так например, в корреспонденции из Каменской станицы, посвященной вопросу о волнениях донских казаков по поводу введения новых правил пользования общественными лесами, Плеханов пишет: «Вся русская история представляет не что иное, как непрерывную государственность с автономными стремлениями общины и личности. Борьба эта тянется красной нитью через все тысячелетие существования русского государства, принимает самые различные формы — от восстания Стеньки Разина и Пугачева до возведения бегства от властей и полного отрицания государственности в религиозный догмат. Эта борьба на жизнь и на смерть между двумя противоположными принципами от-

²⁵ М. Р. Попов, Из автобиографии, «Былое» № 1/29, 1925 г., стр. 73.

нюдь не прекращается и в настоящее время»²⁶. Так в стиле бакунизма объясняет Плеханов особенности русского исторического процесса.

Исключительный интерес для понимания народнического периода в эволюции воззрений Плеханова представляет статья «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России». В этой статье Плеханов пытается обосновать программу «Земли и воли», опираясь на учение Маркса. «Родбертус, Энгельс, Карл Маркс, Дюринг, — пишет Плеханов, — образуют блестящую плеяду представителей позитивного характера в развитии социализма. У автора «Капитала» социализм является сам собой из хода экономического развития западноевропейских обществ. Маркс указывает нам, как сама жизнь намечает необходимые формы общественной кооперации страны, как сама форма производства предрасполагает умы масс к принятию социалистических учений, которые до тех пор, пока не существовало этой необходимой подготовки, были бессильны не только совершить переворот, но и создать более или менее значительную партию. Он показывает нам, когда, в каких формах и в каких пределах социалистическая пропаганда «может считаться производительной силой»²⁷. Таким образом для Плеханова этого периода нет различия между Марксом, Родбертусом и Дюрингом, — все это представители «позитивного» социализма. Плеханов далее соглашается с Марксом, что общество не может перескочить через естественные фазы своего развития, когда оно напало на след естественного закона этого развития. Западноевропейские общества, полагает Плеханов, напали на этот след, когда пала западноевропейская община в борьбе с средневековым феодализмом. Однако, по Плеханову, «сам принцип общественного землевладения не носит в себе того неизгладимого противоречия, каким страдает, положим, индивидуализм, поэтому он не носит в себе самого элемента своей гибели»²⁸. Исходя из своего взгляда на общину, Плеханов считает, что пока большинство крестьянства держится за общину, «мы не можем считать наше общество вступившим на путь этого закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимо станцией на пути его прогресса»²⁹. Если капитализм выгесит сельскую общину, то это будет победа низшего принципа над принципом более высоким. «И никакая «социализация труда» на фабриках, — заключает Плеханов, — не вознаградит того положительного упадка социальных чувств и привычек, который произойдет вследствие этого радикального изменения в отношении народных масс к их главному орудию труда — земле»³⁰. Таким образом, по Плеханову, коллективизм владения — одно из требований западноевропейского социализма, — является в России существующим фактом. Задача «Земли и воли» та же, которую ставили себе титаны народных движений — Болотников, Разин, Пугачев и др., — осуществление народно-революционного переворота. Хотя Плеханов и остается в этой статье на позициях народничества, что Россия придет к социализму через деревенскую общину, хотя Плеханов и пытается учение Маркса положить в основание своих народнических воззрений, однако в отличие от правоверного народничества Плеханов понимает крупную революционную роль городских рабочих, он борется с той точкой зрения, что пролетариату придется сыграть в грядущем перевороте второстепенную роль.

Дальнейший шаг в сторону марксизма Плеханов делает в своей статье «Поземельная община и ее вероятное будущее». В этой статье Плеханов оспаривает схему М. Ковалевского, который полагал, что родовая община как первоначальная форма общественного устройства через сельскую, семейную разлагается и уступает место личной собственности. Плеханов полагает, что это лишь эмпирический закон; недостаточно признать этот процесс самопроизвольным, — следует понять причину возникновения частной собственности.

Далее Плеханов указывает на искусственные причины разложения общины, как например завоевание, влияние государственной организации на формы поземельного владения данной страны, налоговое обложение и др. «... Мы не можем считать, — полагает Плеханов, — разрушение общим неизбежным историческим явлением. При известной комбинации отрицательных явлений это разрушение действительно неизбежно. Именно такие комбинации и обусловили собою разрушение общины почти во всех известных нам культурных странах. Но из этого еще не следует, что невозможна другая комбинация условий, при которых община, напротив, стала бы расти и развиваться»³¹.

Любопытно также следующее место: «На Западе пахотные земли были поделены в наследственную собственность еще задолго до развития крупной капиталистической промышленности, в России община исчезнет — если только исчезнет — по видимому уже в борьбе с капитализмом»³². Мы видим,

²⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, Гиз, 1923 г., стр. 29.

²⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, Гиз., 1923 г. стр. 58.

²⁸ Там же, стр. 61.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 88.

³¹ Там же, стр. 218.

³² Там же, стр. 351.

что в этой статье, в основном оставаясь народником, Плеханов пытается применить материалистическое объяснение истории, правда, вульгаризируя его, сводя производительные силы к технике, к объяснению института частной собственности. Для Плеханова уже не исключена возможность г и б е л и общины в России в борьбе с капитализмом.

Мы не будем останавливаться на некоторых других работах Плеханова, относящихся к народническому периоду, перейдем к тому этапу эволюции его воззрений, когда он становится марксистом, к этапу, связанному с дальнейшей деятельностью группы «Освобождение труда». Для экономических воззрений Плеханова того периода, когда он становится марксистом, чрезвычайно характерна его работа, посвященная Родбертусу, которая по существу является апологией этого экономиста. По Плеханову, «Родбертус может быть причислен к той блестящей, хотя и немногочисленной фаланге экономистов, которая украшается именами Маркса, Энгельса и Лассалля. Почти одновременно с двумя первыми из названных писателей выступил он на поприще экономической литературы и так же, как они, посвятил свои силы изучению вопроса о положении и роли труда в современном обществе». Таким образом, по Плеханову, Родбертус, подобно Марксу, является основоположником научного социализма. В то время как различие, проводимое Родбертусом между логическими и историческими категориями, покоилось на идеалистическом характере его методологических воззрений, Плеханов считал, что «попытка Родбертуса установить различия между историческими и логическими категориями есть не более, как неудавшаяся попытка понять и сформулировать ту особенность товарного производства, благодаря которой «общественные отношения людей являются в виде общественного отношения вещей». Идеалистический характер эклектической методологии Родбертуса, где Шеллинг играет доминирующую роль, представляется Плеханову в виде «плодотворного» и «исторического» метода. «При всей плодотворности усвоенного им исторического метода экономических исследований», — пишет Плеханов, — Родбертус также не выяснил окончательного исторического значения кризисов, как не усвоил он вполне точных и законченных понятий о мировой стоимости, капитале и товарном производстве»³³. В приведенной цитате в концентрированном виде представлена апология Родбертуса у Плеханова. Оказывается, что метод Родбертуса «плодотворно исторический», что в своей трактовке теории кризисов он лишь не выяснил ее окончательно, что в учении Родбертуса о меновой стоимости и капитале лишь отсутствуют вполне точные и законченные понятия. Стоит сравнить эти формулировки с указаниями Энгельса и Ленина, чтобы стала очевидной апология Родбертуса у Плеханова. В своей трактовке Родбертуса Плеханов шел по стопам Зиберера. Она весьма близка к точке зрения Каутского, для которого также характерно «марксизирование» Родбертуса.

Вышедшая в 1883 г. брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба» нанесла сокрушительный удар программно-тактическим положениям народничества, которое на основе прудонистско-бакунинского учения о государстве полагало, что крестьянский общинный уклад приведет Россию к господству коммунизма, которое считало, что социализм несовместим с политической борьбой. На широком фоне основных положений научного социализма Плеханов дал критику заблуждений народников и народолюбцев по вопросу о подлинном соотношении социализма и политической борьбы. Плеханов ратовал за необходимость политической борьбы пролетариата, за необходимость организации самостоятельной политической партии рабочего класса. В другой работе «Наши разногласия» Плеханов дал превосходную критику народнического социализма, мечтавшего об организации коммунистического строя в России на основе общинного начала деревни. Несмотря на некоторые пережитки народничества, группа «Освобождение труда» сыграла в пропаганде марксизма той эпохи крупную роль, тем самым подготовив предпосылки для организации революционной партии рабочего класса. Группой «Освобождение труда» заканчивается предыстория русского марксизма, предыстория «Капитала» К. Маркса в России, которая датируется с 70 по 90-е годы, когда в 70-х годах «Капитал» был известен лишь отдельным представителям передовых ученых и публицистов, а также представителям революционного народничества и когда в 80-х годах марксизм имел своего блестящего пропагандиста в лице Плеханова. С 90-х годов с выступлением на арену политики и публицистики Ленина начинается новый этап в истории русского марксизма — этап конкретизации и дальнейшей разработки учения Маркса и Энгельса на опыте русского и международного пролетарского движения, начинается формироваться ленинизм, марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. Начинается подлинная, действительная история «Капитала» в России.

³³ Г. В. Плеханов, Соч., т. I. Гиз, 1923 г., стр. 355.

„DER KAMPF“ и „DIE GESELLSCHAFT“ О ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИИ СО ДНЯ СМЕРТИ МАРКСА

Еще в довоенном II Интернационале реформисты, открыто покончившие с основами марксизма, продолжали выдавать себя за «марксистов», подвергающих «сомнению» лишь «отдельные части марксова учения». Центристские «вожди», солидаризируясь на деле с этими реформистами, усиленно изображали собой верных стражей ортодоксального марксизма. Учение Маркса успело завоевать себе огромную популярность в рабочих массах, и естественно, что агенты буржуазии в рабочем движении старались использовать эту популярность в своих целях.

«Марксизм» реформистов и центристов имел однако весьма мало общего с подлинным учением основоположников научного социализма. Еще в довоенное время, а особенно в период империалистической войны и в послевоенную эпоху фашизации, теоретики II Интернационала производили над марксизмом самые различные операции для превращения его в безобидную разновидность буржуазной «учености». Стройное, совершенное здание марксова учения подвергалось всяким перестройкам, надстройкам, пристройкам для приведения его в «приличное», контрреволюционное состояние. Маркса 1848 г. проповоластавляли Марксу последних лет его жизни, теоретические взгляды Маркса — взглядом его верхней соратника Энгельса. Марксизм «принимали» с различными ограничениями, т. е. без его фундамента, без диалектического материализма, без всех тех сторон экономической теории Маркса, которые непосредственно обосновывали революционное свержение капитализма, его «принимали» с «поправками» на «особенности» развития в данной стране («русский», «немецкий», «английский» типы развития) и т. д. Маркса «соединяли» с различными модными буржуазными школами — с неокантианством в философии, с субъективными школами и с так называемым «социальным» направлением в политической экономии и т. д. В период стабилизации капитализма дело завершилось созданием развернутой системы фальсификации марксизма. Социал-фашистские теоретики «дополнили» марксизм контрреволюционными теориями «организованного» капитализма, «хозяйственной демократии», «социального государства», «госкапитализма» и т. д.

Под ударами мирового кризиса все «стройное» здание «организованного» капитализма, которое социал-демократы воздвигли в период весенних надежд стабилизации, демократии и пацифизма, распалось, как картонный домик. Социал-фашистам приходится срочно перестраиваться, создавать «новое» теоретическое вооружение, чтобы сохранить в новых условиях свою роль главной социальной опоры буржуазии.

В период конца капиталистической стабилизации перед социал-фашистами в области теории стоят две основные задачи. Прежде всего необходимо хоть как-нибудь увязать старые утопии вращающегося капитализма в социализм, примирения классов с новыми моментами — кризисом, растущей угрозой империалистической войны, гигантским ростом СССР, ростом фашизма, необходимо хоть как-нибудь смазать неизбежность наступления новой эры войн и революций. Далее — задача прикрасить все это левыми фразами, с тем чтобы сохранить за собой массы. И на данном этапе своего развития социал-фашизм нужен буржуазии, но и теперь нужен лишь постольку, поскольку он может еще вести за собой массы.

Массы левеют, массы уходят к коммунистам, и социал-демократии приходится всячески изворачиваться, чтобы соединить полную капитуляцию перед фашизмом, полное прекращение всякой борьбы даже за частичные требования рабочего класса с «левой» крикливой демагогией.

В этой «левой» демагогии немалую роль играет, как известно, усиленная спекуляция на марксизме, на «возвращении» к Марксу, на борьбе с антимарксистским ревизионизмом и т. д.

1933 год объявляется «годом марксизма», и социал-демократия с великой «торжественностью» отмечает 50-летие со дня смерти основоположника научного социализма и великого учителя пролетариата Маркса, над памятью которого она всячески издевалась, с учением которого она на деле вела ожесточенную борьбу.

За всеми левыми фразами о Марксе и марксизме скрывается теперь новый этап в фальсификации марксизма. Передернутыми, искаженными цитатами из Маркса социал-фашисты пытаются обосновать необходимость капиталистического выхода из кризиса, необходимость полной капитуляции перед наступающим фашизмом, перед надвигающейся империалистической войной, необходимость интервенции против СССР.

Все эти обстоятельства определяют характер социал-фашистской литературы; выпущенной к 50-летию со дня смерти Маркса.

При этом конкретный характер левых фраз и всяких «новых» контрреволюционных теорий в каждой стране, для каждого отряда мирового социал-фашизма имеет свои особенности. Естественно, что австро-марксисты например, которые всегда отличались левой фразеологией, особенно усердствуют по части левой фразы и теперь, хотя никогда так ясно, как теперь, не обнаруживалось постыдное противоречие между крикливой демагогией Бауэров и Адлеров и жалким их лакейством перед наступающими клерикал-фашистами из хеймвера.

В выпущенном специально к 50-летию со дня смерти Маркса номере теоретического органа австро-марксистов «Der Kampf» левая фраза нашла себе достаточно широкое применение. Даже обычно более откровенный Реннер решил по торжественному юбилейному случаю вспомнить доброе старое время, когда он еще не был, как сейчас, законченным предателем рабочего класса. Реннер пускается в воспоминания о первых годах распространения марксизма среди австрийских и германских рабочих. Он вспоминает собрания, на которых рабочие впервые слышали о Марксе, вспоминает гигантский энтузиазм, который охватывал рабочих, когда они впервые получали теорию, правильно освещающую то, что они видели вокруг себя в жизни, на капиталистической фабрике, на улице и дома. Реннер «не может забыть» этого энтузиазма, но и рабочие не забудут, с каким энтузиазмом сам Реннер всю жизнь занимался искажением марксизма, который он когда-то пропагандировал, предательством интересов пролетариата и дошел на этом «славном» пути до прямой борьбы с пролетарской революцией в роли канцлера австрийской буржуазной республики, в роли социал-фашиста.

Но Реннеру конечно далеко до великого мастера левой фразы, до «самого» Отто Бауэра. В своей речи на торжественном собрании венской организации социал-демократической партии, опубликованной в «Арбейтер цейтунг» от 13 марта 1933 г., Бауэр всячески выражает свое «революционное» негодование против наступающего фашизма. Не в первый раз, говорил Бауэр, мир переживает такую жесточенную борьбу. Разве не было этого в России после 1906 г.? Разве и тогда не угрожали покончить с революционным марксизмом навсегда? И что же? Дело кончилось разгромом буржуазии в России. «Действие вызывает соответствующее противодействие».

Но буржуазия может спать спокойно,—Бауэра ей во всяком случае бояться не придется. В том же номере «Арбейтер цейтунг», где напечатана его «кровавая» речь, и во всех последующих номерах сам вождь и его присные неустанно разъясняют, что перед лицом наступающего фашизма австрийские рабочие должны оставаться «в полном спокойствии» и выжидать результатов парламентской дискуссии о «законности» и «незаконности» действий бандитов из хеймвера, ликвидирующих завоевания пролетариата и пробивающихся к власти.

Под прикрытием левой фразеологии в том же номере «Der Kampf», где помещена «литерическая» статья Реннера, марксово учение преподносится в фундаментально извращенном виде. С истинно немецкой четкостью и аккуратностью в небольшой книжке социал-фашистского журнальчика «по случаю юбилея» лишний раз подытожены искажения марксизма в философской и экономической областях, лишний раз Маркс по-фашистски «увязан» с современностью.

Социал-фашисты не обошли даже и предшественников Маркса в разных областях наук. Так, Реннер считает например недостатком утопического социализма по срав-

нению с научным социализмом Маркса то, что «они (утопические социалисты) были далеки от мысли, что нынешний способ производства связан с социализмом. Более того, они считали капитализм абсолютно несоединимым, противоречащим социализму». Выходит, что утопическим социалистам было далеко до «марксистов» типа Реннера и Гильфердинга. Они не могли постичь, что «формула о противоречии между социализмом и капитализмом верна... Эта формула верна и экономически и исторически... Но разве она исчерпывает политическое содержание нашего времени? Эта формула «... слишком свяжет политику партии»¹, что современный экономический строй «лишь с большой натяжкой может быть признан чисто капиталистическим», что может быть достигнуто такое положение, при котором средства производства и государственная власть остаются в руках капиталистов, а экономический строй является уже переходным к социализму.

Реннер критикует утопический социализм домарксова периода, который для своей эпохи мог выполнять ряд революционных задач, с позиции современного реакционного утопизма. Критикуя старых утопистов, Реннер по существу нападает на Маркса, который тоже всю свою жизнь, с точки зрения Реннера, был «неисправимым утопистом» и не верил в возможность мирного вращивания капитализма в социализм.

Извращение Маркса по части философской дается в статье Макса Адлера, помещенной в том же номере «Der Kampf», которая называется «Элементы мировоззрения марксизма». Эта статья представляет собой развитие положений, выдвинутых Максом Адлером в его учебнике «Материалистическое понимание истории».

Представляет ли собой марксизм мировоззрение? — ставит вопрос Адлер. «В известном смысле это верно и с точки зрения научных определений, но «an und für sich это не мировоззрение».

«Марксизм создал почву для социального мышления в отличие от природного. То, что сделали Виндельбанд, Риккерт, Зомбарт, Макс Вебер в этом отношении является дальнейшим развитием марксизма». Чтобы это понять, замечает Макс Адлер, надо освободиться от разделяемого еще многими врагами и сторонниками марксизма крепко укоренившегося заблуждения, что якобы марксизм имеет что-нибудь общее с материализмом, будь это со старым, механистическим или с новым, диалектическим, который по существу представляет лишь грубую метафизику диалектики природы в себе. Экономический материализм Маркса только полемически назывался материализмом. Это должно было просто означать поворот от идеалистических конструкций к «раскрытию истинных связей». «Материя марксизма есть не что иное, как действительно связанная с землей жизнь людей в обществе. Это значит их духовные взаимоотношения в их определенности».

Все эти рассуждения представляют собой не что иное, как новое повторение бесплодных попыток «поднять самого себя за волосы», новую попытку подняться над дискуссиями между материализмом и идеализмом на основе отрыва познания от действительности. В свое время Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» подверг такие попытки неокантианцев, махистов и других разновидностей «стыдливого идеализма» уничтожающей критике. Ленин писал: «Кроме этих двух противоположных способов уничтожения «дуализма тела и духа» не может быть никакого третьего способа, если не считать эклектизма, т. е. бестолкового, перепутываемого идеализма и материализма». Пример подобного «бестолкового перепутывания» на неокантианский лад мы имеем у Адлера. Если Адлер сделал «шаг вперед» по сравнению с кантианством, раскритикованным в свое время уже Гегелем, Марксом и Энгельсом, то лишь в том смысле, что он «устранил» имевшиеся у Канта колебания между материализмом и идеализмом. Адлер, не колеблясь, отвергает материализм. Но и он остается на полпути между грубейшим солипсизмом, вытекающим из его трактовки познания—мировоззрения, и объективным идеализмом. Утверждение Адлера, что «материя марксизма есть не что иное, как действительно связанная с землей жизнь людей в обществе, их духовные взаимоотношения в их определенности», представляет поворот к объективному идеализму, ибо эти «духовные взаимоотношения»

¹ Протоколы партийного в Киле. Выступление Гильфердинга, стр. 169.

шения в их определенности» ничем не отличаются от гегелевского например абсолютного духа.

Макс Адлер пытается противопоставить философские взгляды Энгельса марксовым, относя Энгельса к «устарелому» материализму и пытаюсь истолковать на свой идеалистический лад Маркса. Достаточно было бы однако привести ряд фактов, указанных Лениным в его брошюре о Карле Марксе, для того чтобы доказать ложность этих измышлений М. Адлера, чтобы показать совершенно отчетливо, что взгляды Энгельса по вопросу о сущности основных разногласий в философии и в частности его взгляды о Канте и всяких видах неокантианства абсолютно совпадали со взглядами Маркса. Ленин это доказывает, приводя ряд высказываний самого Маркса и устанавливая тот факт, что важнейшие работы Энгельса, в которых он чрезвычайно резко и определенно по этому вопросу еще при жизни Маркса высказывался, были просмотрены и одобрены в свое время Марксом.

В этой же статье Макс Адлер делает попытки перенести свои идеалистические взгляды, которые он развивает уже не впервые, в политэкономии. Прежде всего Макс Адлер вступает в полемику с Генриком де Манном, полемику, весьма характерную для современного социал-фашизма и его теоретической тематики. Генрик де Манн отрицает марксов метод диалектического материализма и противопоставляет ему идеалистический «гуманизм», якобы защищавшийся молодым Марксом, особенно в сравнительно недавно изданных его работах (например в «Немецкой идеологии» и т. д.). Макс Адлер возмущен таким «ревизионизмом»; по его мнению, Маркс всегда стоял на идеалистических позициях. Пресловутый «гуманизм», по Адлеру, составляет истинную суть даже «Капитала». «К этому гуманизму, — пишет Адлер, — как к раскрытию экономического фетишизма Маркс все время возвращался. Сущность экономических категорий может быть раскрыта, только если за вещными отношениями мы раскроем людей без общественной зависимости.» Сущность марксизма—в этом очеловечении всех своих важнейших понятий.

Таким образом «человеческая сущность», которая якобы представляет собой не материальную, а духовную субстанцию, переносится и в политэкономии, где она составляет суть всех экономических категорий. Выходит, что сущность экономической науки заключается в раскрытии за экономическими формами вещей этого «гуманизма», т. е. в раскрытии за ним отношений людей, не имеющих материального характера.

Но эта музыка для нас чрезвычайно знакома. Утверждение, что в центре экономической науки Маркс якобы ставил проблему товарного фетишизма и из нее выводил все, что предметом марксовой политэкономии является изучение «нематериальных» отношений между людьми, — все это лишний раз иллюстрирует полное единство контрреволюционной рублинщины с другими теориями мирового социал-фашизма.

Ленин приводит в своей брошюре о Карле Марксе по этому вопросу следующие цитаты из предисловия Маркса к I тому «Капитала»: «Конечной целью моего сочинения, — говорит Маркс в предисловии к «Капиталу», — является открытие экономического закона движения современного общества», т. е. буржуазного капиталистического общества, исследование производственных отношений данного, исторически определенного общества в их возникновении, развитии, упадке, — таково содержание экономического учения Маркса.

Анализ производственных классовых отношений как обоснование необходимости свержения капитализма—вот задача экономической теории марксизма. Сводить все ее содержание к товарному фетишизму, значит выхолащивать из экономической теории ее живую революционную душу. И за фетишистскими формами марксова политэкономия раскрывает не бесплотное идеалистическое «гуманистическое» содержание, а материальные производственные.

На основе социал-фашистской, идеалистической и механистической идеологии производится в том же журнале дальнейшая разработка проблем политической экономии другим «теоретиком» Браунталем. В статье Браунталя, которая называется «Маркс как открыватель экономической динамики», основоположникам марксизма приписывается теория «статики и динамики», разработанная вульгарной буржуазной политической экономией. Известно, что целый ряд буржуазных экономистов (Зомбарт, Шумпетер, Юларк и т. д.) делит экономическую теорию на 2 раздела: на так называемую статику и динамику; Браунталь следует за ними. Маркса Браунталь чувствует именно как

«величайшего мастера экономической динамики». По Браунталю, наряду с силами, создающими определенный уровень равновесия, т. е. силами статического порядка, мы имеем в экономике силы, действующие в сторону нарушения этих уровней равновесия, переход от одного уровня к другому, т. е. силы динамические. Такими величайшими экономическими силами в экономике у Маркса являются «капитал» и «труд». Между ними существует «неразрешимое противоречие»: капитал действует динамически, во-первых, вглубь, развиваясь и аккумулируясь, и, во-вторых, —вширь, расширяясь за счет некапиталистических секторов. «Последний сильнейший удар, — пишет Браунталь, — динамика капитала обращает против себя самой, против ведущей идеи всего капиталистического хозяйства — свободной конкуренции. В результате концентрации и централизации внутренняя структура хозяйства теперь существенно изменилась. Капитализм из преимущественно свободного превращается в преимущественно монополистическое, организованное хозяйство. Вот то направление, которого Маркс не мог предвидеть во всех подробностях, но которое он предвидел в основном. Пролетариат — тоже динамическая сила в капиталистическом обществе. Постепенное усиление пролетариата в капиталистическом обществе ведет в конце концов к отрицанию этого общества. «Тут как раз пункт, — пишет Браунталь, — в котором экономическая динамика переходит в историческую. Тут исторический материализм лучше всего показывает свою плодотворность, потому что именно он открыл связь между внутренней экономической динамикой и общей динамикой истории».

Установив такие общие перспективы, Браунталь предпочитает не вдаваться в подробности насчет того, как именно произойдет это «отрицание» капитализма, это «соединение экономической и исторической динамики».

В результате получается обычная теория «организованного» капитализма, основанная на меновой концепции, на апологетическом истолковании тенденции развития монополистического капитализма. Связь теории «статики и динамики» с теорией «организованного» капитализма конечно вовсе не случайна. Само разделение сил, действующих в экономике, на статические и динамические грубо механистично. По этой теории получается представление о движении, происходящем не на основе внутренних противоречий, а на основе вторжения каких-то внешних факторов. Отсюда и «возможность» построения системы «организованного» капитализма, вытекающая из теории равновесия в ее грубейшей форме.

Все эти построения не имеют однако ничего общего с капиталистической действительностью. Достаточно указать на тот неоднократно вскрытый Марксом момент, что известная тенденция к относительному равновесию, действительно имеющаяся при капитализме, осуществляется, по выражению Маркса, «путем своего неосуществления». Уже поэтому нет никаких оснований «делить экономические силы на статические и динамические».

Лучшим критиком теории «организованного» капитализма со всеми ее обоснованиями и вариантами был весь ход современного кризиса, разбивший вдребезги предсказания социал-фашизма об «организованности» капиталистической экономики.

Сделавши из Маркса сторонника «организованного» капитализма, Браунталь пытается сблизить его с определенными буржуазными школами или, вернее, расположить ряд буржуазных экономистов по степени их убывающей «динамичности» и в ряду их поставить Маркса.

«Лукач показывает, что только классово сознательный пролетарий может понять общество как целое, его развитие в целом» — пишет Браунталь.

Казалось бы, что такое понимание доступно только марксисту. В общем это так, отвечает Браунталь, но нет правила без исключения. Таким исключением является Зомбарт, «этот великий историк хозяйства. Он понял сущность капиталистической динамики от первых движений этого хозяйственного уклада до конца, который он предвидел ясно и неподкупно. Это должно быть сказано независимо от различий, которые имеются между ним и нами, во многих частностях картины капиталистической динамики». Какие же это частности?

«Наиболее существенная разница — отклонение Зомбартом этого развития к социалистической цели лежит уже вообще не в плоскости научного исследования».

Таким образом с точки зрения социал-фашистской «науки» проблема социализма не лежит уже в плоскости научного исследования—научное исследование кончается «организованным» капитализмом. Так «читит» эта наука творца научного социализма Маркса.

Дальше Зомбарту дается новое определение: Зомбарт—«буржуазный марксист». Неудобство такого термина чувствует даже Браунталь. Он должен признать, что «в этом термине имеется известное противоречие». Это противоречие — между научной теорией марксизма и волеустремленностью к социализму. В конце концов оказывается, что и эти разногласия с Зомбартом не столь велики. Ведь его книга по истории капитализма заканчивается «концом этой общественной формации и появлением хозяйства, в существенном социалистического».

Соединить Зомбарта с Марксом социал-фашистам не удается. Всякому непредубежденному и мало-мальски политически грамотному человеку ясно, что нет и не может быть ничего общего между яростным сторонником капитализма, реакционным идеалистом Зомбартом и революционным марксизмом, но между «социалистом» Браунталем и Зомбартом разница действительно ничтожная.

Дальше идет увязка Маркса с «современными» школами политической экономии. По Браунталю, «современная» школа также «знает разницу между статикой и динамикой», но понимает динамику в значительно более узком смысле, чем марксизм. Это лучше всего видно на примере «лучшего динамика современной экономии Шумпетера».

Он видит динамику, порожденную капиталом, и «великая его заслуга в разработке этой динамики». Но он бессилен при изучении «отношения этой динамики к рыночному механизму», он не умеет вскрыть влияния капиталистической динамики на структуру хозяйства.

Выходит, что разница между Марксом и реакционнейшим вульгарным профессором политической экономии Шумпетером сводится к степени раскрытия ими капиталистической динамики. При этом главная беда Шумпетера в том, что он не видит подобно Марксу и Браунталю «структурных изменений капитализма» в сторону его мирной организации и самоустранения рыночной стихии.

Марксова «теория статики» (а к ней, по мнению Браунталя, относятся такие законы, как закон стоимости, который он рассматривает не как закон движения товарного общества, а как «статический закон ценообразования») вовсе не связана неразрывно с марксовой же теорией динамики, тем более что «статические категории» суть лишь «мыслительные средства» (Denkmittel) построения динамической системы.

«Марксова теория динамики,—пишет Браунталь,—может быть связана как с категориями мышления классической школы, как это делали Маркс, Каутский, Гильфердинг, Отто Бауэр и Роза Люксембург, так и с категориями мышления новой школы».

Вместо экономической теории Маркса, отражающей в непреодолимой логической последовательности своих категорий капиталистическую действительность, ее структуру и историю, получается социал-фашистская окрошка из «марксистских» фраз, ибо отрыв категорий капитала и других «динамических» категорий от закона стоимости, с которым они неразрывно связаны, превращает их в пустышку, в модные буржуазные термины.

Эту идею «увязки» марксизма с буржуазной политической экономией приводит в том же журнале и Реннер, утверждая, что теперь сама буржуазная экономическая наука вынуждена все больше прибегать к марксистским методам. «Буржуазная наука о конъюнктуре, которая естественно приобретает все большее значение, работает на $\frac{9}{10}$ марксистскими методами».

Вот поистине блестящий подарок марксистской науке к 50-летию со дня смерти Маркса! Выходит, что буржуазные конъюнктурные институты, которые в ходе современного кризиса беспрерывно демонстрируют свое шарлатанство и провал всех своих предсказаний, которые отвергают всякое серьезное экономическое исследование,—почти 100-процентные марксисты.

Вся эта тяга социал-фашистов к объединению с буржуазной политической экономией отражает реально происходящий теперь процесс концентрации всех сил буржуазной реакции против пролетарской революции.

В статье Лейхтера делается попытка увязать теорию «организованного» капитализма с современным кризисом. В этой статье ставится проблема выхода из современного экономического кризиса. Разумеется, поставлена она при полном отрицании перспективы революционного выхода, перспективы борьбы за диктатуру пролетариата и революции. Лейхтер пытается разрешить вопросы, не затрагивая всей глубины капиталистических противоречий. Он ставит проблему кризиса как проблему «нарушения капиталистического автоматизма».

«Решющим условием капиталистического автоматизма, по Лейхтеру, является отсутствие действительного регулирования различных хозяйственных функций в капиталистическом механизме. Плановое хозяйство не нуждается в автоматизме. Но там, где необходимые хозяйственные функции разделены в руках независимых друг от друга капиталистов, соединение разных функций может происходить не через плановое регулирование, а лишь через видимо самостоятельное функционирование механизма, который приводит в относительное равновесие приходящие все снова в противоречие друг с другом части. Установить связь между видимо независимыми частями — вот задача капиталистической автоматки; капиталистическая автоматика не осуществляется сама собою как закон природы, она интрасубъективна, т. е. вызывает при одинаковых условиях одинаковое действие у всех капиталистов. Но это происходит до тех пор, пока действует рациональность, основанная на прибыли. Необходимая основа действия автоматизма — хозяйство, основанное на прибыли. Автоматический выход из кризиса происходит там, где при сохранении хозяйства, основанного на прибыли, все капиталисты одинаково реагируют на определенные факторы: затоваривание, повышение процента и т. д. Это дает возможность действия автоматического аппарата.

Отсюда Лейхтер делает два вывода: во-первых, капиталистический автоматизм может и будет действовать, пока люди будут действовать так, как это требуют законы капитализма; во-вторых, пока не устранены хозяйственные предпосылки капиталистического общества, до тех пор механизм преодоления кризисов будет действовать, хотя и преодолевая большие трудности.

Между этими двумя положениями, говорит он, есть только видимое противоречие. Кажется, что теперь, когда капитализм ведет себя чрезвычайно неразумно, когда он нарушает всякий нормальный мирохозяйственный обмен, сужает внутренние рынки вследствие сокращения заработной платы и социального страхования, неизбежен механический крах. Но перемена так же не может произойти без людей, как без людей не может функционировать автоматизм. Это вытекает из второго положения: пока не исчезнет капиталистический труд, пока не исчезнет рациональность, основанная на прибыли отдельного хозяйства, будет происходить восстановление прибыли путями окольными и с величайшими жертвами для народных масс. Пролетариат до тех пор не покончит с капиталистическими методами выхода из кризиса, пока он не будет иметь в своих руках командных высот в общественной собственности и тем самым — пока не будет уничтожена рациональность, основанная на прибыли.

Выход как будто бы «революционен»: нет механического краха, признается, что капиталистический метод выхода из кризиса может быть устранен только в случае перехода к пролетариату основных средств производства, и т. п. Но так как вся проблема поставлена у Лейхтера вне всякой связи с основными классовыми противоречиями, движущими капитализм вперед, то оказывается «возможным» поставить ее вне всякой связи с перспективой революционного выхода из кризиса, с перспективой борьбы за диктатуру пролетариата.

Если при анализе современного кризиса исходить из марксовой теории кризисов, исходить из того, что основной причиной кризисов является противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, если видеть вместе с Марксом влияние тенденций капиталистического развития на характер кризисов, то не может не стать ясным, что все основные черты современного кризиса, вся его сугубая

острота свидетельствуют о величайшем напряжении этого противоречия, о величайшей необходимости полного его разрешения путем экспроприации экспроприаторов. Проблема ставится тогда как классовая проблема, анализ борьбы между классами заставляет прийти к выводу, что она может быть разрешена лишь революционным путем, путем установления диктатуры пролетариата.

Все эти вопросы однако не существуют для Лейхтера. Он подходит к проблеме с позиций меновой концепции. Автоматизм, автоматически действующий механизм и «люди» — вот отправные позиции его исследования. Проблема сводится для него к вопросу об условиях действия автоматического механизма. В такой «абстрактной» и поверхностной форме можно «обойти» необходимость революции, подменить ее «переходами».

«Возможна, — пишет Лейхтер, — промежуточная стадия между ^{полным} господством автоматизма и его полным уничтожением.» На этой «промежуточной ступени» автоматизм прокладывает еще себе дорогу, но с все большими трудностями, ибо он встречает препятствия в виде новых «не капиталистических», не основанных на капиталистическом автоматизме закономерностей.

Подробную характеристику «новых» элементов в экономике и «порожденных ими новых закономерностей» мы находим в книге того же Отто Лейхтера «Die Sprengung des Kapitalismus», выпущенной последним в конце 1932 г.

Речь у него идет о своеобразном «раздвоении» современной буржуазной экономики — наряду с господствующими стихийными закономерностями складываются новые плановые, общественные. Новая «общественная» сущность заложена уже в трестах, но полное развитие она получает в экономической деятельности капиталистического государства. «Переходный период» в книге Лейхтера прямо и именуется «государственным капитализмом», периодом решающего воздействия государства на экономику: теперь это наименование вышло из моды в социал-фашистской литературе, и в разбираемой статье этот термин отсутствует, но и здесь «новые закономерности находят внешнее выражение в экономической деятельности» капиталистического государства.

В течение «переходного периода» происходит борьба старых и «новых» закономерностей. «Новые» пока недостаточно сильны, чтобы победить капиталистическую автоматику, но они уже достаточно сильны, чтобы в величайшей степени загуднять действие капиталистических закономерностей, капиталистического автоматизма.

Какой же должна быть политика пролетариата в этот период? По этому вопросу Лейхтер полемизирует с Бенедиктом Каутским. Тот неповоротлив, как и его папаша. Семейство Каутских никак не может понять, что теперь не обойтись без левых фраз и без «новых» маневров. Б. Каутский считает, что надо стремиться к тому, чтобы снять все, что мешает осуществляться капиталистическому автоматизму. Лейхтер его поучает, что надо вести политику, идущую «за пределы капитализма». Теперь такая стадия, когда автоматизм уже невыгоден, пишет Лейхтер, а всякое вмешательство государства в хозяйство, когда оно «рационально», ведет к поддержке «новых» закономерностей, а следовательно ведет к социализму. Вся эта концепция о необходимости поддержания «госкапитализма» пролетариатом выдвинута Отто Бауэром еще на съезде в Граце в 1932 г. «Усиленное вмешательство фашистского государства в индустрию, — говорил тогда Отто Бауэр о фашистской Италии, — конечно не социализм — это есть государственный капитализм, но исторической насмешкой является тот факт, что как раз тот человек, который возглавлял мировое антимарксистское движение, т. е. Муссолини, принужден к решающему шагу на пути, ведущем к цели, которая указана Марксом» (речь идет о субсидировании банкротствующих итальянских банков из средств государства).

Весьма любопытно, что все это дело прикрывается, как это теперь принято в «левой» социал-фашистской печати, примерами из советской экономики. «Кто изучал развитие советского социализма, тот знает, — пишет Лейхтер, — что даже при диктатуре, которая не пугается применения сильнейших политических средств на пользу хозяйственной политики, приходится долго считаться с этими капиталистическими остатками».

Выходит, что если даже большевики допускают капиталистические остатки, если, как говорит Лейхтер, «даже большевики говорят о борьбе социалистических закономерностей с капиталистическими», то тем паче можно это делать нам, социал-фашистам.

В своей книжке Лейхтер прямо говорит, что пути переустройства экономики, пути изживания капитализма в экономике отнюдь не связаны с проблемой политической власти, что какова бы ни была форма политической власти, а пути переустройства экономики остаются эволюционными путями. Это лишний раз демонстрирует, что за болтовней австро-марксистов о «двух путях» к социализму — путях демократии и диктатуры — скрывается одно реакционное представление о развитии экономики переходного периода путем вращения капитализма в социализм.

Нужно ли доказывать, что лейхтеровские «новые» закономерности не имеют на деле под собой никакой почвы? Единственное «зерно истины» во всей его концепции — это тот факт, что капиталистические закономерности в период империализма и особенно в период всеобщего кризиса капитализма подвергаются в пределе своего собственного развития существенной модификации. Но это означает лишь появление новых монополистических черт, усиление классовых противоречий, подготовку условий для революции пролетариата. Подлинное обобществление средств производства не может происходить так, как это представляется Лейхтеру, т. е. посредством постепенного расширения сферы общественного руководства — от единичного предпринимателя к тресту и от треста к капиталистическому государству как к представителю «общего», «общих» интересов, — это обобществление предполагает экспроприацию экспроприаторов, т. е. пролетарскую революцию. Развитие монополистических союзов и участие капиталистического государства в экономической жизни ничего принципиально не меняет в сущности экономических отношений капитализма. Поэтому всякая поддержка капиталистического государства и его экономических мероприятий представляет собой предательство интересов пролетариата, включение в общий буржуазный контрреволюционный фронт борьбы за капиталистический выход из кризиса.

В своей борьбе против либеральных сторонников капиталистического автоматизма Лейхтер и подобные ему теоретики тесно смыкаются с национал-фашистскими теориями «сильного корпоративного государства».

Дальнейшую разработку такого «переходного» периода мы имеем в статьях Шифрина и Дана, помещенных в том же журнале. Известно, что Бауэр еще до пятидесятилетия со дня смерти Маркса выдвинул положение, что всю историю капитализма можно разбить на пять этапов — подъемов и упадка; с одной стороны, мы имеем периоды относительно мирные, где капитализм процветает, рабочий класс одерживает на этой основе успехи в отношении заработной платы и уменьшения рабочего дня; с другой стороны, существуют периоды острых кризисов с короткими фазами промышленных подъемов, когда создаются революционные ситуации и происходят революции.

Теперь, говорит Бауэр, наступил этап именно второго рода. Поэтому нет необходимости в борьбе за непосредственные интересы рабочего класса.

Казалось бы, отсюда вытекает необходимость поставить вопрос о революционных перспективах. Оказывается однако, что эта эпоха не только не дает возможности бороться за непосредственные интересы рабочего класса, но эта эпоха есть вместе с тем эпоха контрреволюционная, т. е. эпоха, в которой невозможна никакая пролетарская революция. Историческое обоснование контрреволюционности этой эпохи мы находим в статье Шифрина.

Таким образом замаскированная сущность всех писаний социал-фашистских теоретиков сводится к борьбе против пролетарской революции, к стремлению разоружить пролетариат перед лицом наступающей буржуазии.

Перед нами другой журнал — «Gesellschaft» № 3, посвященный пятидесятилетию со дня смерти Маркса. Остановимся на его высказываниях по этому поводу. Эти высказывания конечно тесно увязываются с событиями, разворачивающимися сейчас в капиталистических странах, и печать этих событий лежит на этих высказываниях.

Конечно, как и нужно было ожидать, социал-фашисты ничего особенно нового не дают. Пожалуй, имеется некоторое усиление левой фразы. Особенно резко это замечается по линии австро-марксизма и по линии так называемых «левых» социал-демократов, о чем мы и говорили выше.

Что является основным в высказываниях этого теоретического органа германского отряда социал-фашизма? Он ведет борьбу за Маркса, сию же доказывая, что социал-демократия является последовательницей Маркса, что все остальные течения, которые когда-то были связаны с социал-демократией, ушли от марксизма. Рассматривая марксизм, они берут два периода марксизма: период при жизни Маркса и период после смерти Маркса. Они пытаются превратить Маркса в «безвредную икону», показать, что Маркс, развиваясь, приходил в конце концов к мировоззрению, сходному с социал-фашистским мировоззрением, и что если он не закончил выработку этого мировоззрения, то по целому ряду вопросов это сделал за него Энгельс как его продолжатель и последователь.

Они пытаются показать, что Маркс в сущности в своем развитии пришел к отрицанию пролетарской революции. Им это необходимо для «марксистского» обоснования отрицания пролетарской революции. Это дает им возможность при анализе закономерностей капитализма становиться на позиции апологетики его.

Мимоходом отметим, что левая фраза настолько сейчас сильна у некоторых социал-фашистов, что они всеми силами стараются отрешиваться от всякого указания на их действительные позиции. Очень любопытны в этом отношении доходящие до смехотворности замечания Макса Адлера по поводу выступления Каутского в «Der Kampf».

Каутский, говоря о М. Адлере, подчеркивает, что Макс Адлер в 1919 г. рассматривал коммунистов как утопистов. Адлер по этому поводу замечает: «Теперь это даже не корректно—брать одно положение, которое я высказывал в 1919 г., и не обращать внимания на то, что я уже писал в течение 14 лет после этого».

Дальше он пишет следующее: «Именно я боролся против немарксистского утверждения, что большевизм в России есть только эксперимент или утопизм». Каутский, по мнению Адлера, переврал его. Мы не думаем оспаривать таких «танантов» Каутского, но каковы «марксистские» позиции Макса Адлера, мы показали выше. Левые фразы Адлера являются лишь более искусственным прикрытием действительно враждебного отношения к СССР.

Статья Каутского «Маркс и марксизм» затрагивает целый ряд экономических вопросов. Остановимся вначале на вопросе о том, как Каутский рисует развитие марксизма.

Каутский подчеркивает, что для Маркса не существовало законченного познания, но только бесконечный процесс познания и сам марксизм, по его мнению, развивался так же, как развивался метод. «Метод, который Марксом и Энгельсом назван как историко-материалистическое мировоззрение, сам не является неизменным». Каутский подчеркивает процесс изменения взглядов Маркса. И из данной Каутским обрисовки этого процесса развития становится совершенно ясным, для чего потребовалось это методологическое введение».

Каутский говорит, что Маркс еще в 1844 г. не стоял на чисто марксистской (!) позиции, он находился под сильным влиянием гегелевских, фейербаховских и рикардианских взглядов, а также утопического социализма и якобинско-бланкистского мировоззрения. Каутский говорит, что эти остатки фейербаховских, рикардианских и якобинско-бланкистских взглядов многие принимают за настоящий марксизм. Конечно он эти остатки видит в признании Марксом необходимости пролетарской революции, краха капитализма. И совершенно ясно, что он старается «освободить» марксизм от этих опасных для буржуазии взглядов.

Он старается «освободить» марксизм и от таких опасных положений, как положение об абсолютном обнищании пролетариата. Он «оправдывает» Маркса «объективными обстоятельствами». «Коммунистический манифест» должен был еще утверждать существование абсолютного обнищания индустриального пролетариата, ибо пролетариат тогда еще не был силен, для того чтобы затормозить ухудшение положения рабочего.

Маркс не освободился от влияния бланкизма еще и в 50-х годах. Это сказалось также на целом ряде положений, которые Маркс высказывал в своих работах, и особенно резко, по мнению Каутского, он высказал это в работе «Классовая борьба во Франции».

Каутский для подтверждения цитирует следующее положение: «Пролетариат группи-

руется все больше и больше вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма, который сама буржуазия окрестила именем Бланки».

Каутский рассматривает бланкизм только как путчизм, совершенно отрицает революционное значение Бланки и этот исключительно путчистский бланкизм связывает со взглядами Маркса того периода. Это конечно делается с целью дальнейшего «обезвреживания» учения Маркса от революционного содержания с целью превращения этого мощного революционного оружия в руках пролетариата в безвредную для буржуазии социал-фашистскую игрушку.

Каутский, продолжая свою «благородную» работу по обезвреживанию Маркса, говорит, что в 1850 г. Маркс, несмотря на то, что стоял выше своих коммунистических товарищей, еще не совсем освободился от бланкистско-якобинского влияния.

«Он еще не познал, что каждая кровавая война, также и народная война, может быть вначале одушевляющей и возвышающей, но при продолжительности ее участники деморализуются, и их способность к творческому труду не только в процессе производства, но и в политической жизни не только не увеличивается, но даже уменьшается» (168). Каутский конечно уже «познал» это. Он исправляет «ошибки» Маркса. И не сегодня только. Он уже давно «как «серьезный» историк вполне отрекся от заблуждений тех, кто говорил, что гражданская война закаляет эксплуатируемых, учит их создавать новое общество без эксплуататоров»¹. Каутский в том, что Маркс признавал необходимость такого насильственного краха капитализма, видит остатки бланкизма. Каутский, в интересах «справедливости» проводя разницу между Бланки и Марксом, говорит: «Маркс никогда не верил в возможность произвольного проведения революции. Этим он отличался уже в начале своего социалистического сознания от бланкистов».

Таким образом Каутский, говоря о Марксе, подчеркивает, что Маркс постепенно освобождается от бланкистского влияния. И поэтому, по мнению Каутского, он постепенно приходил к утверждению ненужности насильственного краха капитализма. Это и проходит красной нитью через всю работу Каутского. Это основной мотив его статьи, правда, не новый для Каутского. После того как Каутский разделался с Марксом, он переходит к послемарксовскому периоду. Рабочее движение развивалось, оно спешило от победы к победе, и противоречия между двумя лагерями — пролетариатом и крупными эксплуататорами — обострялись все больше и больше. Это должно было кончиться гигантским столкновением.

Что тут чрезвычайно важно? Каутский подчеркивает роль социал-демократии в этом нарастающем столкновении. Он говорит: «Но социал-демократия не имела мотивов ускорить это столкновение».

Роль социал-демократии росла.

«В настоятельных интересах социал-демократии было не разрушить эту стадию преждевременным насильственным столкновением с государственной властью. Она должна была заботиться о том, чтобы как можно дальше отодвинуть это столкновение».

Таким образом Каутский четко характеризует роль оппортунистического крыла социал-демократии в деле задержки революционного движения. Каутский старается опереться в этом на Энгельса, фальсифицируя его способом, достаточно распространенным у «сих дел мастеров». Он берет отдельную цитату, умалчивая о том, в каком контексте преподносится эта цитата автором.

Каутский ссылается на предисловие Энгельса к «Классовой борьбе во Франции». Он цитирует положение, высказанное там Энгельсом:

«Мы революционеры, «разрушители». Мы гораздо более преуспеваем, пользуясь легальными средствами, чем при нелегальных средствах и перевороте».

В этом положении Энгельс как будто бы проповедует только легальное средство и возражает против переворота и против нелегальных средств.

Каутский таких результатов достигает очень просто. «Ловкость рук, и никакого мошенства». Каутский вырывает цитату, не приводя того, что говорит Энгельс перед этой цитатой. Энгельс характеризует тактику пролетарской борьбы. Он подчеркивает, что

¹ Л е н и н, Пролетарская революция и ренегат Каутский.

пролетариат не всегда должен выходить в открытую вооруженную борьбу, что пролетариат должен подготовиться к этой вооруженной борьбе и что если он выходит прежде времени, то это не усиливает, а лишь ослабляет его. Это и говорит Энгельс, что ярко и резко сказано в положении, стоящем перед приведенной Каутским цитатой. Энгельс говорит: «Способствовать, не покладая рук, этому росту, пока он перерастет через голову господствующей правительственной системы, не дать этой с каждым днем укрепляющейся я массовой силе убывать в передовых схватках, а сохранить ее в неприкосновенности для решающего дня — вот наша главная задача»².

О необходимости сохранения массовой силы говорит Энгельс. Он говорит о том, что нужно сохранить ее для решающего дня. И дальше Энгельс подчеркивает: «Если бы теперь рабочий класс вышел на улицу, то может быть он был бы разбит, но со временем удалось бы преодолеть это. Нельзя стирать с лица земли миллионные партии, для этого нехватит всех магазинных ружей в Германии, но это задержало бы ход развития, массовая сила в критический момент не находилась бы в нашем распоряжении, решающая битва была бы отсрочена и стоила более тяжелых жертв».

Энгельс говорит о решающей битве и о том, что преждевременные выступления могут помешать этой решающей битве. Передержка, совершенная Каутским, ясна.

Цель такой передержки также ясна. Фальсифицируя учение Маркса и Энгельса, он хочет превратить его из оружия революции в оружие против революции. Говоря о «Капитале», Каутский расшаркивается перед Марксом. Он говорит, что это работа, по которой сейчас должно учиться современное поколение, но конечно оно не должно забывать, что «Капитал» Маркса уже отстал почти на целое поколение.

Каутский утверждает, что «Капитал» отстал на целое поколение и поэтому не может осветить всех процессов, которые совершаются в современной экономике.

Каутский «заполняет» этот пробел. Он останавливается на этих процессах. Высказываемые им взгляды чрезвычайно характерны для современного Каутского, характерны для всего социал-фашизма. Основная задача всех этих высказываний конечно та же — борьба с надвигающейся пролетарской революцией, защита капитализма.

Каутский, говоря об экономических закономерностях капитализма, подчеркивает, что эти закономерности дают возможность нормального развития экономики и что это развитие может проходить безболезненно. По его мнению, на последнем этапе, почти что перед самой войной, это нормальное движение экономических закономерностей нарушается милитаризмом. «Милитаристическая мысль пренебрегает познанием экономических закономерностей, — говорит Каутский. — Она рассматривает грубое насилие как всемогущее. Война обострила это отношение к экономическим закономерностям, поставила на место плавного, нормального развития грубое насилие. Мировая война эти тенденции неслыханно усилила и заострила». «Каждая война обозначает для своей области игнорирование законов производства» — говорит Каутский. Он считает, что положение, в котором находится сейчас капиталистический мир, и является следствием этого грубого игнорирования экономических законов капитализма. Это положение Каутского, высказываемое им и прежде, совпадает с позицией Бауэра, с его теорией «лжерационализации». Как известно, Бауэр выводит кризис не из внутренних закономерностей капитализма, а из «ошибочной» рационализации, проведенной капиталистами. Не будь этой ошибки, не было бы и кризиса. Каутский ставит вопрос об автоматическом и неавтоматическом понимании движения истории. Как же это согласуется с его пониманием капиталистических закономерностей как нормальных, своеобразно естественных закономерностей, плавное движение которых нарушается грубой силой?

Капитализм, по мнению Каутского, может развиваться безболезненно на основе экономических закономерностей. Но «люди делают историю». И поэтому кризис был вызван людьми, кризис является результатом игнорирования экономических закономерностей. «Следствием этого является сегодняшнее сомнительное экономическое положение мира. Говорят, что оно означает окончательное банкротство капитализма. Это неверно, если под этим понимать, что это банкротство приходит как естественно необходимое следствие развития капиталистического производства согласно его внутренним закономерностям.

² «Классовая борьба во Франции», Предисловие, стр. 21.

Нет, оно вытекает из игнорирования этих закономерностей со стороны невежественных и бесстыдных властителей, которые культивируются грубой силой и заменяют стремление к экономическому познанию». Каутский в прежних работах указывал этот взгляд, но здесь это особенно ярко подчеркивается. Таким образом он отрицает автоматический ход истории. Люди делают историю, и кризис сделали люди. Если бы люди не вмешивались, если бы капитализм развивался естественным путем, тогда кризиса не было бы. Следовательно кризис сделан людьми, люди делают историю.

Конечно, выступая в защиту капитализма, Каутский, верный своему лакейству, не мог не напасть на главного врага капитализма — на большевиков и страну пролетарской диктатуры — СССР.

Говоря, что невежественные и грубые властители игнорируют экономические закономерности и применяют грубое насилие в условиях капитализма, Каутский утверждает, что большевики делают то же самое в условиях Советского союза. В условиях советской экономики «большевизм считал нужным заменить экономическое понимание бесцеремонной грубой силой». Таким образом Каутский подчеркивает, что игнорирование экономических закономерностей имеется не только в условиях капитализма, но и в условиях советской экономики.

Тут налицо не только отождествление социализма с капитализмом, но тут есть нечто большее.

«В капиталистических государствах капиталистические руководители и их агенты и армия бюрократов методами грубой силы, игнорируя экономические закономерности, разрушают капиталистическое хозяйство». Таким образом Каутский становится на позицию защиты капиталистического хозяйства от разрушения, которое вносят капиталистические руководители хозяйства и их агенты. Эта позиция Каутского тоже не является новой. Она неоднократно высказывалась и Каутским и Бауэрсом. Каутский, говоря о закономерностях капитализма, в сущности рассматривает эти закономерности капитализма как своеобразные естественные закономерности. Подходя к закономерностям переходного периода, к экономике СССР, он рассматривает эту экономику как нарушение естественных закономерностей.

Это — позиция явной и чрезвычайно вульгарной апологетики капитализма, которой не услышишь даже из уст буржуазных экономистов. Сейчас такое понимание закономерностей характерно для социал-фашистских теоретиков.

После всех этих мудрых замечаний Каутский переходит к основному вопросу, из-за которого он весь огород городил, — переходит к вопросу о крахе капитализма. По его мнению, если капитализм стоит перед крахом, то к этому краху его приводят невежественные и грубые властители.

О, если бы кормило власти было в руках «культурных» и «нежных» руководителей социал-фашизма, они бы спасли капитализм от краха.

Впрочем они это неоднократно делали «культурными» мерами Носке, Цергигелей и т. д. Они это делают и теперь в различных формах предательства рабочего класса.

Каутский противопоставляет крах капитализма и победу социализма. «Если капитализм стоит перед крахом, то равнозначно ли это победе социализма? К сожалению, — говорит Каутский, — это ни в каком случае не равнозначно». И он предостерегает от понимания перехода от капитализма к социализму через крах капитализма. «Мы должны остерегаться, — говорит он, — автоматического, механистического понимания исторического материализма в том смысле, что общественное развитие идет само собою, что оно является неизбежным».

Мы уже выше останавливались на том, как он понимает автоматическую трактовку исторического развития. «Люди делают историю». «Маркс ждал победы социализма не вследствие краха капитализма, на это я указал еще в 1909 г. в моей дискуссии с Бернштейном. Маркс ждал победы его вследствие растущей силы и зрелости пролетариата, как следствие обстоятельств, о которых мы уже говорили».

Таким образом Каутский подчеркивает в целом ряде мест, что крах капитализма был бы несчастием для пролетариата, это было бы разрушением производительных сил. Нужно удержать от такого разрушения производительных сил, и он считает, что пере-

ход от капитализма должен произойти мирным путем. И Маркс, по мнению Каутского, стоял на этой позиции, во всяком случае подходил к ней.

Каков же этот мирный путь, о котором говорит Каутский? Этот путь здесь подробно не характеризуется, Каутский в сущности повторяет здесь то, о чем он неоднократно говорил. Он говорит относительно возможности, нужности социализации в рамках капитализма. Он подчеркивает то, о чем он говорил в своей работе «Пролетарская революция и ее программа», то, что он говорил в целом ряде других работ. Он подчеркивает, что оздоровление экономики должно произойти, во-первых, благодаря росту влияния социал-демократии, росту влияния рабочего класса. Этот рост влияния социал-демократии может быть только при усиленной вербовке рабочих в ряды социал-демократии, но эта вербовка может происходить только при улучшении положения экономики капитализма. Таким образом всеми силами нужно стремиться к тому, чтобы улучшить положение капитализма, и только тогда, когда будет произведено это оздоровление экономики, можно рассчитывать, что вербовка в ряды социал-демократии усилится. Вот тогда можно будет приступить и к проведению социализации. Это оздоровление будет происходить тем сильнее, чем сильнее будет социал-демократия, проводящая социализацию капиталистических предприятий. «Но будет также много предприятий, которые будут функционировать как капиталистические». Дальше он развивает ту же самую мысль: «Не надо представлять социалистическое общество односторонним, как советская диктатура, в которой все огосударствлено, все управляется центральной бюрократией». В сущности эта позиция Каутского не нова. В целом ряде мест и раньше, например в работе «Пролетарская революция и ее программа», Каутский говорит, что в будущем социалистическом обществе будет сохранен капитализм и уничтожение капитализма произойдет безболезненно: если только капиталисты будут вести себя мирно, оно произойдет путем выкупа их предприятий. Капиталисты получают то, что стоят их предприятия, они будут иметь капитал, и на этот капитал они смогут существовать. Он превращает капиталистов в будущем обществе в своеобразный вид рантье, которые будут жить на капитал, полученный ими от продажи предприятий. Таким образом Каутский усиленно заботится об устройстве капиталистов в будущем социалистическом обществе... После проделанной фальсификации Маркса, фактического отречения от Маркса, борьбы с ним Каутский кончает свою статью тем, что нужно работы «великого покойного учителя... особенно «Капитал», распространять и изучать».

Вот общее содержание Каутского. Тут имеется повторение того, что было в целом ряде его работ, — здесь и отрицание пролетарской диктатуры, здесь и борьба с пролетарской революцией, здесь и отрицание специфических закономерностей капитализма и необходимости краха капитализма, и рассматривание этих внутренних закономерностей капитализма как своеобразных естественных закономерностей, на основе которых капитализм может развиваться нормально, безболезненно и даже бескризисно, на основе которых может произойти переход от капитализма к социализму. Подо все это Каутский стремится подвести «марксистскую» базу. И для этого, как уже бесчисленное количество раз, «Каутскому приходится буквально мошенничать на каждом шагу, чтобы прикрывать свое ренегатство» (Л е н и н).

Остановимся еще на одной статье — Фера, — посвященной марксизму и ревизионизму. Называется эта статья так: «Прогнозы Маркса и ревизионизм».

Как понимается ревизионизм Фером? Говоря о ревизионизме, говоря о взглядах ревизионистов, Фер высказывает целый ряд ползжений, которые внешне иногда кажутся марксистскими положениями, если бы их не связывать с теми выводами, которые делает Фер. Говоря относительно марксистов и относительно буржуазных экономистов, Фер подчеркивает, что буржуазные экономисты были эмпириками, они стояли на позиции эмпиризма. Ревизионизм заимствовал этот метод буржуазной политической экономии разбить эмпириков их собственным оружием, т. е. эмпирически. Но этот дешевый триумф в действительности дорого бы обошелся рабочему движению. Под видом поражения ревизионизма он в действительности означал бы окончательную победу его метода.

Характеризуя методы буржуазии, Фер подчеркивает, что методы буржуазной политической экономии являются методами эмпиризма, что буржуазная политическая экр-

номия прибегает главным образом к экстраполяции статистических рядов, ищет математических функций и т. д.

Фер подчеркивает, что положения, которые высказываются буржуазными экономистами относительно краткосрочных экономических процессов, могут быть правильными, но при переходе от коротких сроков к длительным срокам эти данные оказываются неправильными.

Для буржуазии ложные прогнозы — нормальная форма ее мышления, для борющегося пролетариата каждый фальшивый прогноз является причиной фальшивой организации и т. п.

Фер подчеркивает, что и эмпирики подводят под свои взгляды теоретическую базу. Все эти методологические положения являются своеобразной марксистскообразной завесой антимарксистских позиций. Когда Фер конкретно подходит к важнейшим вопросам экономики, тут сразу вскрывается его действительная позиция. Говоря об относительном и абсолютном обнищании, Фер подчеркивает, что ревизионисты отрицают относительное обнищание. Фер ни в одном месте не говорит об абсолютном обнищании рабочего класса. Он говорит об относительном обнищании и рассматривает его как положение ортодоксального марксизма и подчеркивает, что ревизионисты боролись против относительного обнищания.

Когда Фер переходит к некоторым сугубо теоретическим вопросам, как например вопрос стоимости, проблема логического и исторического в марксовой политической экономии, он делает вид, что борется на два фронта. С одной стороны, он борется как будто бы с механистами, с другой стороны, он борется с идеалистами. Говоря о ревизионистах, он подчеркивает, что ревизионисты говорят о кокетничании Маркса с Гегелем.

«В главе о стоимости кокетничает Маркс с гегелевскими выражениями, это значит, он пробуждает благодаря этим выражениям представление, что он выводит закономерности не из общественной необходимости товарного производства, но из понятия товара, эквивалента и т. д.»

Фер подчеркивает следовательно, что это является неверным пониманием Маркса.

«Поколения приват-доцентов заостряли свое внимание и начинали свою карьеру, опровергая это развитие понятий, не обращая внимания, что настоящий вывод закона стоимости из структуры товарнопроизводящего общества и производимой ею необходимой видимости дан в разделе товарного фетишизма».

Фер закон стоимости выводит из товарного фетишизма, а не обратно, не товарный фетишизм из закона стоимости... Невольно вспоминается наш соотечественник, сотоварищ по социал-фашистскому оружию Фера — Рубин.

Говоря о важности закона стоимости, анализа товара, данного Марксом, Фер ни слова не говорит о двойственности товара, труда. То же самое делают и другие социал-фашисты — Браунталь и др. Это дает им возможность и анализ прибавочной стоимости отрывать от анализа закона стоимости и выхолащивать все революционное содержание теории Маркса. Таким образом «диалектика товара» у Фера обходится без двойственности товара, без внутренних противоречий.

Но в этой «критике» ревизионизма «ортодокс» Фер упускает совершенно вопрос о классах. Говоря о целом ряде положений, говоря об относительном обнищании, говоря об аграрном вопросе, говоря о монополистическом капитализме, говоря о кризисах, Фер ни разу не говорил о классах. Классы исчезли, классовой борьбы нет. Классовая борьба, проблема классов, классовые отношения совершенно исключены Фером из его рассмотрения. И не случайно то же самое делали и делают и другие социал-фашистские теоретики.

Таким образом, говоря о ревизионизме, Фер в сущности замаскированно и достаточно искусно, нужно сказать, выхолащивает из теории Маркса все то, что является революционным, все то, что носит классовый характер.

Конец статьи является яркой иллюстрацией этого.

Если социал-фашисты говорят о единстве пролетариата, о единстве борьбы пролетариата, понимая под этим единством в сущности отказ от борьбы пролетариата, отказ

от революционных методов, ибо, по их мнению, только революционные методы и раскололи движение пролетариата, то на этих позициях в области теории стоит и Фер. Фер тоже не кончает свою статью необходимостью дальнейшей борьбы с различными извращениями марксовой теории; несмотря на то, что он говорил об извращениях, о ревизионизме, он говорит о необходимости не борьбы, а «восстановления единства» марксовой теории. Таким образом под единством марксовой теории он подразумевает отказ от марксовой теории и консолидацию всех псевдомарксистских течений на базе социал-фашизма.

Мы не будем останавливаться на других статьях, посвященных пятидесятилетию со дня смерти Маркса, в рассмотренных нами журналах... Ничего нового это не прибавит. Сделаем выводы.

Социал-фашизм еще раз пытается псевдомарксистской фразеологией, расшаркиванием перед памятью Маркса прикрыть свой разрыв с марксизмом, свою борьбу с пролетариатом, защиту капитализма от пролетарской революции, все большее и большее приближение к фашизму.

Его теория является выражением его практики. Особенно резко это сказывается в лагере германского социал-фашизма.

Германскому социал-фашизму стали узкими даже рамки II Интернационала, ежедневно, ежечасно предающего интересы рабочего класса. Германский социал-фашизм изо всех сил старается выслужиться перед новыми господами положения в Германии — фашистами, стать их опорой. Приведем газетное сообщение.

Недавно в Париже состоялось заседание бюро II Интернационала, на котором не присутствовал ни один представитель германской с.-д. партии. Бюро приняло резолюцию о положении в Германии. Председатель германской с.-д. партии Отто Вельс отправил в Цюрих II Интернационалу следующую телеграмму: «Принятые бюро II Интернационала без приглашения и участия германских представителей решения побуждают меня заявить о своем выходе из состава бюро II Интернационала».

В Вене получены дополнительные сведения о вызове Герингом лидеров германской социал-демократии и о его распоряжении послать их в качестве своих представителей за границу для воздействия на социалистические партии в целях прекращения смягчения антигитлеровской кампании. ЦК германской с.-д. партии командировал в Австрию и Чехо-Словакию Штампфера, в Швейцарию — Вельса, в Голландию, Англию и Францию — Шифа и в Скандинавию — Герца.

Геринг дал всем им рекомендательные письма для пограничных властей в целях беспрепятственного выезда и въезда через германскую границу.

Штампфер уже посетил Вену и Прагу, где вел секретные переговоры с лидерами австрийской и чехо-словацкой с.-д. партией. Штампфер доказывал им, что распространение в печати неугодных национал-социалистам сообщений о Германии затрудняет положение германских социал-демократов, и добивался изменения информации.

Теория социал-фашизма не оторвана от практики.

Выводы делает рабочий класс. Его теория — доподлинный марксизм, марксизм-ленинизм. Его практика — борьба за социализм, за диктатуру пролетариата, за социальную революцию.

Его партия — коммунистическая партия.

М. Кривицкий

А. Рубинштейн

ПОПРАВКА:

В № I „Проблемы экономики“ за 1933 г. в статье „О противоречиях развития техники при капитализме“ по техническому недосмотру опущена следующая сноска и таблице на стр. 22: „Данные по централизации предоставлены автору т-щем Д. Меезон (из неопубликованной работы)“.

Редколлегия: Бутаев К. (ответственный редактор),
Волосинский Н., Гатовский Л., Кривицкий М., Партигул С., Шурыгин В.

Сдано в производство 13/V 1933 г. Формат 72×105 /₁₆
Пописок печати 5/VI 1933 г. Паулида № 870 Зак. тип. 957.
Уполн. Главлита В—59006 Объем 11½ печ. лист. 67 000 зн. в печ. л.
Выпускающий М. Стрелникова Тираж 17050.

Тип. изд-ва «Крестьянская газета», Москва, Суцевская, 21.